

Людмила Андросова

Там, за горизонтом...

Издательство «Дельфис»
Москва
2017

УДК 929
ББК 84(2)
А662

От автора:

В процессе написания книги и и подготовки её к изданию сотни людей из многих уголков России присылали мне слова поддержки и тем окрыляли меня. Сердечное им спасибо.

Но особую благодарность я выражаю:

Наталье Александровне Тоотс за то, что взяв за руку, она вывела меня на свет;

Владимиру Чернявскому за подготовку Краткого справочника биографий исследователей рериховского наследия, упоминаемых в книге;

Владимиру Богинскому, администратору сайта «Мир Культуры» за помощь в подготовке фотографий для книги;

Елене Фомкиной с моего любимого Алтая, за помощь в корректировке текста книги;

Татьяне Алексеевой, моей сокурснице, за то, что всегда была рядом со мной.

Андросова Л.

А662

Там, за горизонтом... — М.: Дельфис, 2017. — 280 с.

ISBN 978-5-93366-093-4

Документальная повесть Людмилы Андросовой «Там за горизонтом...» состоит из дневниковых, то есть «живых» записей автора, писем, адресованных ей такими известными в Рериховском мире людьми как С.Н.Рерих, З.Г.Фосдик, К.Кэмпбелл, Д.Энтин, П.Ф.Беликов и другие. Это вдохновенное повествование является источником уникальных сведений о важных вехах на пути духовного взросления целого поколения рериховцев. Особенно ярко, самобытным языком описаны автором восхождения на горы Алтая, которые навечно закрепили за их вершинами имена членов семьи Рерихов. Встреча со С.Н.Рерихом изменила многое в судьбе Л.Андросовой. Но надо было жить дальше... Как? И об этом эта книга.

УДК 929
ББК 84(2)

ISBN 978-5-93366-093-4

© Л.Андросова, 2017
© Издательство «Дельфис», 2017

Л.Андросова

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ...

...В уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...

А. С. Пушкин, «Воспоминание»

У рубежа неземного.

Людмила Андросова. Алтай, 2014 г. Фото В.Волкова.

ГЛАВА 1. О СЕБЕ

...Только что прогремел, громко сказано, гром, но услышать в этих местах даже такой — большая редкость. Для меня это и есть мгновение счастья.

Здесь райская погода. Недаром место, где я живу, называется Sun Shine Cost, что означает побережье Солнечного Сияния. На это самое побережье от моего дома ведёт, так и хочется сказать, тропинка, но нет — дорога. Это дорога-к-океану, где каждый камень, каждое дерево, каждый куст знают и помнят меня. Посмотрите на эту фотографию, где вы увидите океан и её, мою дорогу. Моя дочь Инга, заглянувшая ко мне из своего далёкого далека, попыталась остановить мгновение.

Остановить мгновение... Неужели получится?

1. Утро моего земного бытия

Я сегодня поднялась в четыре утра, с рассветом. Через большое широкое окно смотрю на начинающее светлеть небо. Прямо перед окном — высокие розы, что слились в пышный ковёр, излучая розовое сияние. На этот раз вездесущие любопытные косули, что частенько с семейством заглядывают сюда полакомиться, пощадил бутоны роз моего мужа Джона, я зову его Ванечкой. Много лет назад он приехал сюда из Англии, сейчас на пенсии.

Как заворожённая смотрю я на рассветающее небо, на его нежные утренние краски. И вдруг увидела махоньких волшебных птишек, снующих как молнии туда-сюда. Это колибри. Мчатся к кормушке, что повесил для них Джон. А то вдруг зависнут в воздухе на пару секунд, словно дразня: посмотри, мол, на меня; то пролетят стрелой. Только успевай вертеть головой. Это такое чудо и такая безмолвная радость! Часам к семи присоединился Джон, уже с другой стороны дома, со двора, он успел сделать великолепный снимок колибри, на секунду усевшейся на забор. Я спросила: да как же ты смог это сделать, да ещё через окно?! Говорит: стоял, не шелохнувшись, и ждал случая. И дождался! Ведь они только секунду на одном месте или когда вдруг зависнут на мгновение.

А мне удалось снять их на лету.

Пока я пишу, начался дождь. Крупные капли дождя. Ощущаю мгновенный восторг и искреннее счастье слышать его. Ведь такие дожди здесь бывают ох как редко! Именно такие. Ни зимой, о которой так мечтаю, ни весной, ни летом.

Колибри на нашем заборе (снимок Джона)

Колибри на лету (мои снимки)

Да и осенью тоже. Как мало надо мне для счастья, правда? Видеть колибри и слушать шум дождя. Вчера покрывал малость. Так я вышла, ловила и глотала эти капли. А воздух-то как парил и как окутывал меня своим теплом! А пахнуло-то как радостью! Подошла к своей единственной — и потому особо любимой — высокой раскидистой берёзе, обернулась её длинными пахучими ветвями, омылась её дождевыми перлами. Это ей, единственному другу моему, я доверяю свою тоску по сёстрам её российским. А ранними утрами, когда я той самой дорогой иду к океану, берёзка эта часто дарит мне свою жемчужную росу.

И как хорошо, что есть такие моменты в жизни, когда начинаешь остро видеть и чувствовать всё вокруг. У меня такое случалось и раньше, на восхождениях в горах, и особенно в экстремальных условиях. Страшно никогда не было, потому как какой смысл бояться, если опасно всё. Была острота ощущений. За что и любила я горы. Они поднимали меня на высоту, с которой мне открывался новый взгляд не только и не столько на окружающий мир, сколько на мою собственную жизнь. На мои так называемые проблемы. Они не исчезали, эти проблемы, но менялся мой взгляд на них. Опасности возвышали меня.

Между прочим, мне кажется, что болезни наши неизбежно делают то же самое. Я заметила, что такая острота чувств появляется у меня после недомогания, внезапно затихшего. Вдруг очнёшься с таким чувством пронзительной любви к каждой былинке, к каждой травинке и к каждому мгновению! Словно видишь всё в самый первый раз.

Наверно, приходилось такое испытать? Согласны вы со мной?

*11 июня 2016 г.,
Пауэлл Ривер (провинция Британская Колумбия, Канада)*

2. Слово о Матери

Вершина Сердце на фоне горы Белухи, Алтай

**Светлой памяти моей мамы
ФЕОФАНОВОЙ АНАСТАСИИ ИЛЬИНИЧНЫ
в канун столетия со дня её
рождения ПОСВЯЩАЮ**

Это слово о том, что, чем бы мы ни занимались, какими бы высокими ни казались нам наши устремления, — всё самое важное и самое главное находится БЛИЗКО, совсем рядом.

Святослав Николаевич Рерих рассказал однажды историю, которая глубоко запала мне в душу. Один молодой человек, стремившийся познать смысл и назначение жизни, сказал своему деду: «Я слышал, что где-то на земле живут просветлённые и мудрые люди, я хочу встретить такого человека, хочу найти его». «Ну что ж, — ответил дед, — дело хорошее, иди и ищи». И молодой человек отправился на поиски и странствовал по

всему свету. Наконец он вернулся домой, дед уже давно умер, и вот однажды, сидя в библиотеке деда, среди книг он увидел конверт, подписанный рукой деда и адресованный одному священнику. И когда молодой человек отдал это письмо священнику, тот сказал ему: «Ты странствовал много лет в поисках просветлённых людей. Твой дед был одним из них...».

Моя мама принадлежала к таким же людям. И мне нужно было тоже странствовать по всему свету, подниматься на вершины, падать, вставать, чтобы наконец понять, что то, что я искала, находилось совсем рядом. Но её уже не было. Я не осознавала ни того, как я к ней отношусь, ни того, люблю ли я её или нет, — просто она всегда была рядом, а я росла и жила под её защитным крылом. Разве осознаёшь свою любовь к воздуху, которым дышишь? Но вот когда его не хватает или он меняется, тогда приходит то, что называют прозрением.

Моя мама, Феофанова Анастасия Ильинична, урождённая Ефанова (в Казахстане выдали паспорт с ошибкой), родилась 11 ноября 1897 года в Орловской губернии, в селе Бургово Знаменского района. На Оке, как она говорила. Она родилась 18-м и последним по счёту ребёнком в бедной крестьянской семье. Самой старшей была сестра Татьяна, которой к тому времени исполнилось 20 лет.

Жили они в доме, в котором была только одна большая комната с земляным полом. Как они все там уместались, как спали и на каких полотах, возможно, она рассказывала, но я не помню. В памяти остался лишь рассказ о том, что все они сидели за большой стол, посредине которого ставилась миска с супом, и отец строго следил за очерёдностью: тот, кто нарушал правила, получал по лбу деревянной ложкой. А в супе плавали только редкие капельки масла. На всю деревню был один самовар, который по очереди обходил все дома, и когда после чая, подметая пол, мама ребёнком находила крохотный обломок сахара, это была большая радость.

Моя бабушка скончалась в возрасте 55 лет, заразившись свирепствовавшим в ту пору в деревне тифом, прабабушка же дожила до глубокой старости, оставив дом и уйдя в монастырь в г. Болышево, заплатив, как мама рассказывала, золотой. Прабабушка взяла с собой в монастырь старшую внучку Татьяну. Она в девичестве, в возрасте 17 лет, приняла постриг и стала

монашкой Романой. С этим именем она вошла в мою жизнь, так её называла всегда мама.

Мама с трёх лет была отдана в приют в городе, где соблюдались строжайшие порядки и суровая дисциплина. «Ну, милейшая», — такое обращение означало, что девочка провинилась, хотя особо там не наказывали. Привозили туда девочек и из богатых разорившихся семей, и тогда, как рассказывала мама, от их нарядных платьиц и туфелек оставались только воспоминания. Но мама по своей природе была очень послушной, и ей там нравилось.

В отрочестве прабабушка взяла маму к себе в монастырь и отдала в церковно-приходскую школу, где она получила хорошее по тому времени общее образование и, кроме того, выучилась рукодельному ремеслу — вышивке гладью с натуры. Она долго не оставляла это занятие, оно стало отрадой в её жизни. Помню, в самом раннем детстве, я любила забраться под её, как казалось мне тогда, огромные пяльцы, устроиться под ними на полу и смотреть вверх на полотно, сквозь которое мне виделись свет лампы и рука, быстро перебиравшая тонкую иголку — вверх-вниз, вверх-вниз. Здесь был весь мой мир, и здесь мне было тепло и уютно.

И ещё она в монастыре руководила хором, у неё были хороший музыкальный слух и голос. Я впервые услышала его, когда она пела колыбельную песню моей младшей дочери Василисе, и была поражена его красотой.

Маме нравилось жить в монастыре, она рассказывала о прекрасном саде, полном цветущих роз. И я, видевшая тогда розы только на картинках, воспринимала этот сад как сказку, которой в жизни не бывает. Моё представление о счастье было связано с таким садом, полным цветущих роз. С тех пор всякий раз, когда вижу розы, меня охватывает волнующее чувство глубокого счастья, которым я обязана маме. У неё всегда были открытки с розами, она берегла их и неизменно посылала родственникам и друзьям.

В возрасте 18 лет мама тяжело заболела — это была болезнь кожи, поразившая всё тело. Не помогали никакие лекарства, ей становилось всё хуже и хуже. Она умирала. И вот однажды ночью, перед рассветом, она явственно увидела Святого Отца Серафима Саровского, который подошёл к её

ложу и окрестил широким крестным знамением с головы до ног. Проснувшись, она рассказала об этом монахиням, был заказан акафист Серафиму Саровскому. Буквально в этот же день в монастырь прибыл военный врач и, осмотрев маму, посоветовал положить её в ванну с содовой водой. С этого момента она начала выздоравливать.

И с тех пор для меня Серафим Саровский стал не просто Святым, а Святым-Который-Вылечил-Мою-Маму. Когда бы ни случилось мне быть в церкви, я всегда подхожу к его иконе, зажигаю перед ней свечу и благодарю его за исцеление мамы и дарование мне жизни. Я свято храню маленькую старинную икону с изображением святого. Её привезла мне моя старшая дочь Инга из далёкой Рязанской области, от сестры моего отца. Эта иконка сейчас всегда со мной. Она висит в уголке моей комнаты, где я пишу эти строки.

Мама всегда говорила, что революция 1917 года и советская власть принесли много хорошего в жизнь бедных. Только досадовала, что однажды собирали подписи — есть Бог или нет, требовали расписаться.

В 20-х годах XX столетия Поволжье охватил голод. Деревни вымирали. Одна из старших маминых сестёр, Ксюша, уехала в Казахстан и, как рассказывала мама, не знала голода, жили там рыбной ловлей. Сестра пригласила маму, и она решилась. Нашла в г. Петропавловске работу учителя художественной вышивки.

Тут надо рассказать о моём отце Андросове Александре Ивановиче. Они были односельчанами, мои будущие отец и мать. В крепкой зажиточной семье Андросовых было пять братьев и одна сестра, тоже Анастасия, или тётя Настя, как я её всегда называла (от неё мне и досталась иконка Серафима Саровского). Хозяйство у них было большое, и хотя все крепко работали, всё-таки приходилось нанимать подённых работников. Случалось и маме ходить к ним на работу. Отец выучился, получил хорошее образование и стал инженером-строителем.

Во второй половине 1920-х годов началось повальное раскулачивание, коснулось оно и семьи моего отца. Хозяйство было отобрано, глава семейства, мой дед, оказался в тюрьме, дети же его разбежались кто куда. Двое — Филипп и Алексей, осели в Москве (там теперь у нас много родствен-

ников, одна из них —Тонечка, моя любимая двоюродная сестра, дочь Алексея и мама трагически погибшего Владика, друга моей жизни, осиротевшей после его гибели). Тётя Настя уехала с матерью в Рязанскую область, откуда они могли помогать своему отцу, моему деду. Старший брат Василий волею судьбы оказался в г. Петропавловске, где жила моя мама. К нему и приехал мой отец.

Они стали жить вместе гражданским браком. В 1934 году родилась дочь Нина, в 1938-м — Светлана, а в 1940 году родилась я, Людмила. Маме ко времени моего появления на свет шёл 43-й год.

Отец начал строить дом, но не успел закончить его. Он был тяжело болен туберкулёзом и умер в возрасте 40 лет, оставив маму с тремя малыми детьми на руках. Мне исполнился к этому времени один год. Умирая, отец попросил братьев Василия и Николая позаботиться о детях — это, как рассказывала мама, были его последние слова. Дядя Коля жил тогда в Семипалатинске, одном из городов Казахстана, занимал крупную должность — директора кожевенного комбината. Он взял на воспитание мою старшую сестру Нину, в этой семье она и выросла — вместе со своим двоюродным братом Борисом, сыном дяди Коли.

С нами жила тётка Романа, старшая мамина сестра. Мы звали её просто Тётя (много лет я не подозревала, что имя это не собственное, а нарицательное). После разгрома монастыря, отсидев в тюрьме за монашество, она разыскала маму и стала жить вместе с нею и моим отцом. Тётка Романа рассказывала об одном удивительном случае из её монастырской жизни. Она была келейницей в келье её бабушки и имела послушание — работала конюхом. Однажды случилось — кони вдруг сорвались и мощным галопом понесли её вниз к реке. Она неминуемо должна была разбиться. Собрав всю свою волю, всю свою веру, она воскликнула что было силы: «Николай Угодник! Останови лошадей!» И, о чудо! Кони встали как вкопанные, только пена полилась у них изо рта. Она ему молилась каждый день и вообще всё своё время проводила в молитве.

Тётка Романа была очень властным человеком. Нас, меня и мою сестру Светлану, она не жаловала, если не сказать — просто не любила. Как могла, она помогала маме: помню, мы топили печку коровьим навозом, который она собирала по полям.

Жутко голодное детство: мы ели мёрзлую картошку, которую выкапывали из земли. Хлеб и сахар давали по карточкам, я, совсем махонькая, стояла в бесконечной очереди с номером, кем-то написанным слюнявым химическим карандашом на моей руке.

Тётка Романа продолжала соблюдать монашеский устав и истово молилась. Нечего и говорить, что молитвы «Отче наш» и «Богородице» вошли в меня вместе с молоком матери, а первой книгой, которую я начала читать, было Евангелие. Не было музыки, о существовании которой я и не подозревала, никогда не включали радио, нельзя было и помыслить, чтобы кто-то пришёл в гости, тем более кто-то из уличных подружек. Улицу, на которой мы жили, никогда не убирали, помои выливали на её середину. Да, жутко голодное и жутко вшивое детство.

Из игрушек у меня был только плюшевый петух и пирамидка. Петуха я очень любила. Однажды, живя уже в Америке, увидела подобного на выставке, сердце моё сжалось и откликнулось, и я увидела себя из далёкого и такого близкого детства. Никаких кукол у меня никогда не было, но с самого раннего детства я мечтала купить, когда вырасту, большую куклу с меня ростом. И я это сделала. Сейчас, когда я пишу эти строки, она сидит на спинке моей кровати, улыбается и снисходительно на меня посматривает.

Иногда мы ходили в гости к дяде Васе, у него водился белый хлеб, и мама объясняла, что когда война кончится, у нас тоже будет белый хлеб. И однажды я спросила её — почему у дяди Васи война кончилась, а у нас нет?

Мне было 5 лет, когда мама взяла меня и сестру, и мы из голодного Казахстана поехали к тёте Насте в далёкую Рязанскую область, где она жила с моей бабушкой и заведовала пасекой. Мы прожили там два года — одни из самых счастливых периодов в моей жизни. Здесь всё для меня было самое первое. Стояла зима, весёлая, нарядная, Новый год. Первая в моей жизни новогодняя ёлка — на Красной площади, в Москве. Я на плечах своего двоюродного брата Бориса, а на золотой цепи — Кот Учёный — всё ходит по цепи кругом... А весной у тёти Насти — запах цветов, волшебные деревья с бело-розовым цветом и нежным запахом — вишни в цвету... И это мне, до того не видевшей ни единого цветущего деревца, было в диковинку.

С тех самых пор и по сей день, когда вижу цветущие деревья, я переживаю глубокое удивление и восторг, как тогда, когда впервые их увидела и онемела от счастья. Так со мной случилось и вчера, когда я здесь обнаружила цветущую вишню и почувствовала её запах. Что-то пахнуло оттуда, из далёкого детства. И дубовые листья, и жёлуди — всё впервые! И, конечно, яблоки и пчёлы, и мёд — всё, никогда прежде невиданное, всё в изобилии. И пруды, и озёра, и яблоневые сады, и рощи, и заросли смородины и малины... Это был удивительный мир полной очарования сказки. Хотя все мы жили в одной барачной комнате с тётей Настей и бабушкой, а спали на полу.

И первая учительница... Хотя я была и мала ещё для школы, но меня взяли (попробовали бы не взять!). Все четыре класса начальной школы занимались с одним учителем в одной комнате и на самых передних рядах сидели малыши. Помню, меня часто просили почитать вслух, и, когда я начинала, все ряды замирали — читала я легко и бегло. Мама говорила, что я выучилась читать почти одновременно, как начала ходить. Тетрадей не было, писали на газетах между строчками. Писали перьевыми ручками, а чернила носили с собой в так называемой «непроливашке», но они почему-то всегда проливались.

В нашей деревне школы не имелось, она была только в соседней. Называлась она просто и откровенно — «Вшивка» — и находилась в двух километрах от нашей. Несмотря на морозы, порой жестокие, мы все ходили туда пешком, и однажды я даже обморозила руки.

Мама очень гордилась мной и моими успехами в школе. Она много работала — у неё никогда не было выходных дней. Работала она бухгалтером в конторе, а после этой работы до глубокой ночи печатала на машинке. Мы, дети, её почти не видели. Когда она приходила, я уже спала — на стульях, приставив их к сундуку, который служил маме и мне кроватью.

Школьные годы... Я выпорхнула из отчего дома сразу же по окончании школы, зажав в руке золотую медаль, которая давала мне право поступить в любой вуз страны без экзаменов. И я поехала в далёкую Москву одна, на 16-м году жизни. И под отчий кров больше не вернулась... Как мама радовалась каждой моей весточке — а их было так мало! Как терпеливо, ни в чём не упрекая, ждала она меня!

Казахстанские голые степи, в которых я родилась, никогда не были созвучны моей душе, но вид каждой церквушки на вершинке какого-нибудь российского надхолмья или в раздольных русских полях вызывал во мне чувство тоски по чему-то мною утраченному, забытому. У меня была мечта — увидеть, почувствовать и прочувствовать те места, где родились мои родители, где мои деды и прадеды провели свою жизнь. Там ещё жил мамин брат, дядя Гриша. И сразу после окончания института мы с мамой поехали туда, в Орловскую губернию. Почти полвека не видела она этих мест. Помню, дядя Гриша провёл нас к небольшому, никак не отмеченному холмику — могиле матери, моей бабушки. Мама кинулась к нему, начала кататься и громко причитать — такой я её никогда не видела и не знала. Так, я знала, делают русские бабы. А ещё там была рощица, которая звалась — Андросовская.

А потом начались будни, и надо было устраивать свою жизнь на новом месте, латать раны неудавшегося замужества. Мама была со мной — всегда, когда мне было это особенно нужно. Заботилась о детях, её внуках. И не только моих, но всякий раз, когда Нина или Светлана просили помочь — она с радостью безотказно была там, где в ней была нужда. Она всё виде-

Мама с моей младшей дочерью Василисой

ла, всё понимала, но никогда не вмешивалась ни в чью жизнь, не давала никаких советов, просто ... была. Видимой невидимо. И любила. Ничего не просила взамен. Любила и принимала нас такими, какие мы были. Любила нас больше своей жизни. И была единственным человеком, кому мы были нужны.

Когда незадолго до её ухода я вымолвила: «Прости меня, МАМА!» — и горько заплакала, она сказала: «Не плачь... Мне больно, когда ты плачешь...». Это были последние слова в этой её, земной, жизни. Я пишу эти строки, и слёзы застилают мне глаза... Мама ушла из жизни 23 октября 1986 года, на 89-м году жизни. Она похоронена на берегу Волги в Тверской земле. С её уходом я поняла, что никто никогда не любит нас так беззаветно и преданно, как наши матери, и что с их уходом другим людям, как бы ни были они нам дороги, в нас нет никакой надобности — в этом нет ничего огорчительного, просто это истина, которую я поняла и приняла...

Из Ташкента, с гор Тянь-Шаня, привозила я ей по ранней весне букеты роз — как мама была счастлива раздать их всем своим знакомым! Радость — в отдалении, радость — от того, что другому приятно, радость — сотворить радость другому! Это было лейтмотивом всей её жизни. Никогда неунывающая, всегда жизнерадостная и спокойная. А как она любила музыку! Её любимыми песнями были «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...», а ещё «Вечерний звон»...

Какая сила молодости таилась в ней! В 84 года она любила молодого парня, который одно время жил у нас. Это была настоящая женская, ещё никем не востребованная любовь. Он писал стихи, сочинял музыку и играл на гитаре. Играл ей и для неё, не понимая, что творит. А она расцвела, жизнь была ключом, вокруг изливались радость и счастье...

В 1982 году наша группа горных туристов взойшла на новую вершину, находящуюся в самом сердце Горного Алтая, рядом с его легендарной Белухой. Мы назвали эту вершину Сердце. В записке, которую я написала и оставила на вершине, есть слова посвящения её женщинам, чьё пламенное сердце освещает наш жизненный путь. Я думала о матери, составляя эту записку, и именно ей я и посвятила эту вершину. Она знала об этом.

Дорогие друзья, далёкие и близкие! Дорогие правнуки и праправнуки моей мамы!

С далёких берегов Тихого океана — к вам обращаюсь я сейчас. Единственное, что нас разделяет, — это расстояние, волею судьбы мы оказались в разных уголках нашей планеты, разных странах и на разных материках.

Мои дорогие, вы, наверное, знаете, что в тех местах, где вы и я сейчас находимся, когда-то бушевал огонь — вся земля была покрыта раскалённой расплавленной лавой. Казалось, жизнь невозможна здесь. Но она возникла... Возможно, вы слышали, что потом на тех же самых местах когда-то была вода. Тысячи и тысячи метров глубины покрывали это самое место. А потом соль — сотни метров в глубину, а потом песок...

И места нашего нынешнего пребывания поднимались и опускались, поднимались и опускались — опять и опять, снова и снова. Под напором воды и тех же самых порывов ветра, того самого ветра, что дует сегодня, и той же самой песочной пыли, которую этот ветер носит сейчас...

Настанет время — и песок снова покроет эти места, а потом вода, а потом огонь снова, и когда-нибудь не станет ничего... Когда-нибудь...

Вы знаете или когда подрастёте немного, узнаете, что там, где мы сейчас живём, когда-то жили гигантские пресмыкающиеся, вы возможно видели или увидите находки археологов в музеях. Это всё, что от них осталось, — останки да ещё скелеты.

И вы слышали, что в этих самых местах когда-то, давным-давно, жили люди. Мы называем их неандертальцами. Они называли себя Люди-Которые-Живут-Здесь, как мы называем себя сейчас. Мы раскапываем руины их домов и пытаемся понять, откуда они пришли, куда ушли и почему. Возможно через много, много лет другие люди придут и откопают наши руины и будут удивляться тому же — откуда мы пришли и куда ушли и почему жили так, как мы живём сейчас.

Возможно, среди вас есть кто-то, кто носит в себе сейчас новую жизнь, ещё не рождённое дитя. Возможно, среди вас есть те, кто не будут иметь долгую жизнь или наоборот будут жить очень долго. Где-то там, на земле, в далёком или близком месте сейчас живут те, кто будут вашим мужем или женой. Где-то там их дома... их дети... где-то место их ухода из земного бытия, их могилы... где-то... в каком-то месте...

А между Тем временем и Сейчас — потребность есть, спать, согреться, любить и быть любимым. Между Тем вре-

менем и Сейчас — добро и зло, радость и скорбь, свет и тьма, изумление чуду...

И, возможно, на своём жизненном пути вы, как и я, встретите мудрого и просветлённого человека, который образом жизни своей осветит ваш путь, наделит вас силой и волей к жизни. Только ищите ближе.

Мои дорогие, помните и гордитесь тем, что на нашей планете по имени Земля есть вершина Сердце, посвящённая вашей прабабушке, моей маме Феофановой Анастасии, которой в этом году исполнилось бы 110 лет. Пройдут годы, пройдут столетия, а вершина Сердце по-прежнему будет сиять на нашей планете. Так сияет образ замечательной женщины, вашей прабабушки — он столь же вечен, как вечна эта планета.

Слышите, ветер поднимается опять... И потоки рек шумят, продолжают свой путь... Мы — не каменная сухая земля, над которой дует ветер и по которой бегут реки. Мы — часть той энергии, которая заставляет ветер изменять направление, а реки — устремляться к морю. Отсюда, с нашей земли, от нас исходит сияние, и сверкающая голубая точка во Вселенной — это свет наших сердец...

Только пребудьте и светите!

22 апреля 2007 г.

3. Канада моими глазами, 1976 год

Первый встречный, если ты, проходя,
захочешь заговорить со мной,
почему бы тебе не заговорить со мною?
Почему бы и мне не начать разговора с тобой?
Уолт Уитмен, из цикла «Посвящения»

...Настанет ясный спокойный вечер. У меня дома. Я подойду к карте мира, что висит на стене. Я положу руку на Монреаль и проведу её чуть ниже в сторону Торонто. И я увижу так, как сейчас, вот этот белый коттедж, что спрятался под крышей, этот пруд с лилиями, этот мост, что промелькнул над головой, эту надпись ТЕХАСО, эти цветы, что у обочины дороги, наверное, ромашки. Я увижу вас, сидящих со мной...

Потом я протяну руку в сторону Новосибирска, но длины руки моей не хватит, чтобы дотянуться, — ведь мне нужно будет объять половину планеты; я сделаю один, два шага к востоку по карте, дотронусь до моего города, потом обведу взглядом свою комнату, увижу сосны и берёзы, заглядывающие мне в окна, — и мне станет грустно...

Слова «Монреаль», «Торонто», «Оттава» — они мне ни о чём не говорили. То был звук в пустоту, что удар шарика пинг-понг, когда мы играем. Но теперь мне будут дороги эти слова... ещё и потому, что в Монреале растут клёны, к которым я прикасалась собственными руками. Отныне все клёны моей Родины будут напоминать мне о Канаде. И мне будет дорог шелест их листьев на ветру...

*22 июля 1976 г. Канада (в автобусе —
по дороге из Монреаля в Торонто)*

Академгородок. Новосибирск, июнь 1976 года

Академгородок. Новосибирск

Звонки, звонки, звонки. До самого отъезда. Очень знакомые и почти незнакомые. Рады, целуем. Счастливого пути.

— Нет, ты подумай, Андросова-то наша! Правильно, так жить нужно. Бери от жизни всё, что даёт. О себе подумай. А то ведь всё пройдёт. Я читаю — в Монреаль... Поди ж ты...

— В Монреаль? Правильно. И чтоб без мужика не возвращалась. Хватит одной жить, хватит! Это я тебе точно говорю, только сейчас и нужно. А насчёт бумаг отпускных не беспокойся, сейчас оформим.

— Ну что ж, когда приедете?

— Да месяца так через два.

— Как это?

— А так, я ж в Канаду.

— А сколько там женщин красивых будет, то есть я хотел сказать — мужчин... Ну ладно. Приезжайте всё-таки. Можно и вдвоём. Только пусть он АСУ занимается здесь. Надо ж так... Американские джинсы хочу...

— Разве что снимет кто-нибудь с себя, но это вам дорого обойдётся...

— Ты петь можешь? А играть на чём-нибудь? Нет? Может быть, стихи хорошо читаешь? Ну а что же ты умеешь делать? Слушать можешь? Это, конечно, много, но, может быть, и говорить умеешь, а? Нет? Тогда не знаю. А танцуешь как? Не умеешь? О, господи! А в кресле покажи, как сидишь. О, боже мой! И таких посылают в Канаду! По крайней мере, ты должна уметь хорошо одеваться, да и раздеваться тоже. И, само собой, знаешь, наверное, что самое глупое для тебя — быть умной...

— Куда едешь? Ты подумай — в капстрану. Кому это нужно? Тебе? Уверен — нет. Иди в горы, там тебя любят, и ты там — нужна. Бог знает, зачем ты уезжаешь, бросаешь всё на полпути, что я буду тут без тебя делать? Как мы будем дальше? Ты подумай. Это как наказание какое-то. Всё-таки ты не должна так поступать. Неспроста всё это. Подумай. Иди на Белуху. Плюнь ты на всё это...

В такси. Шофёр недоумевает, зачем в Ленинграде нужно жить несколько дней перед отплытием в Канаду. Наконец понимающе протягивает: «А-а-а, ведь вас ещё проверять будут — и туда, и обратно. По женской части, — поясняет, — особенно обратно...»

«...И пусть всё будет так, как должно быть. Хочу радоваться». В ночь перед отъездом случилась гроза. Зигзаги молний, словно на мгновение поднятые над землёй, мои берёзки с распростёртыми ветвями огненным резцом втиснуты в черноту пространства.

2 часа ночи. Редкий, тёплый, ласковый дождь. Полное безветрие. Мокрый, блестящий от дорожных фонарей асфальт. Покрытые рябью дождя улицы. Я еду по самой их середине. Тишина. Мой велосипед такой послушный и лёгкий. И запах свежевыванной листвы, цветов, начинающих распускаться лип. Как я любила в те минуты и эти дома, и эти деревья, и улицы родного прихода, и редких прохожих, никуда не спешащих и не скрывающихся от дождя. И как это дорого всё было.

Вот почему ещё мне так тяжело и грустно уезжать. Ещё неувиденные ранние рассветы, когда внезапно среди сна откроешь глаза — и сияние месяца в тёмной тишине. И думаешь — не может быть, приснилось. А вдруг это не сон? С трудом раскрываешь глаза — правда, это чудо есть. И с улыбкой мгновенно засыпаешь... А утром... рано-рано. Можно и не смотреть на часы. Знаю, пять. Берёзы и осины, отяжелевшие под каплями только что прошедшего дождя, не шелохнутся.

«Тоска пространства утром шире» — у Толи Гракова. Это мне понятно. И часы эти от зари до утра имеют особую протяжённость. Всё так осязаемо, приближено. Словами не могла выразить, а на днях прочла у Бориса Пастернака такое близкое:

Ещё кругом ночная мгла:
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрёстка до угла,
И до рассвета и тепла
Ещё тысячелетье...

* * *

В пути

4 июля, 4 часа утра. Солнце озарило весь залив до самого горизонта и канал далеко внизу со скользящими по нему

лёгкими каноэ — что видны с моего девятого этажа гостиницы. Ленинградские парки. Озёра с чистой водой. Опрокинутые в них берега. Серебристые тополя, склонённые ивы. Только что прошёл тёплый дождь. Запах сирени... И нужно уезжать...

12 часов. Под бравые марши духового оркестра наш корабль отошёл от берега. Всем корпусом, словно его сразу по всему борту отталкивали тысячи рук. Трижды издал гудок. Стоящие рядом корабли ответили ему тем же. Светкины ромашки и васильки. «Помни о России».

Мы в каюте. Нас двое. Здесь всё в миниатюре, и всё необходимое. Две мягкие койки (верхняя опускается), туалетная комната (она же душевая), два шкафа в стене, туалетный столик (крышку приподнимешь — зажигается свет внутри), зеркало с бабушкиными виньетками, «кондишен» нашли на потолке рядом с радиоприёмником; круглый иллюминатор вверху — значит, и море там же, — и я занимаю верхнюю койку.

На палубе холодно. Надеваю чёрную длинную шерстяную юбку книзу колоколом. В ней так хорошо идётся, так хорошо чувствуется. Ветер развевает полы, они ласкаются к ногам, как волны. Уже два часа ночи, а полоска заката не исчезла. Светло. Чайки. Они сопровождают нас. Ни единым движением не выдавая скорости, парят над головой. Барашки волн за кормой разбегаются от теплохода. Тёмная глубина. И Беспредельность.

6 июля, 6 часов утра. Спокойное ясное утро. Стоим на рейде у Копенгагена. Только что маленький катерок под датским флагом сгрузил нам на борт свежие овощи и фрукты. Берега Швеции и Дании видны как на ладони. В Швеции выделяются трубы, элеваторы, хранилища. «Смотри, как всё ухожено, ничего не захламлено». А Дания — это пейзажи с виллами. На песчаной косе, глубоко врезанной в море, поднимается Эльсинор — замок Гамлета, принца датского. Четыре башни по углам и одна в центре. Зелёные своды, зелёные часовни. Серый камень. Уходим от замка, а он всё чётче и ярче. На фоне живописных холмов, а я-то представляла скалы... На всём побережье возле Дании — разноцветные яхты.

7 июля, 8 часов утра. Трансляция: «Прослушайте сведения о погоде. Сейчас температура воздуха — плюс 20, воды — плюс

19 градусов. До Монреаля осталось 3200 миль, от Ленинграда прошли 1265 миль. Волнение моря — один балл». Стрелки наших часов уже передвинуты на два часа назад.

23 часа. Пролив Па-де-Кале. Франция и Англия. По правому борту растянулась цепочка огней — это Англия. Какие-то холмы на горизонте, острова. Прямо от них к берегам Франции уходит корабль-дворец, пересекая наш путь. В широком проливе очень оживлённо. Множество яхт. Рыболовецкие суда. Огромные нефтяные вышки словно парят над водой. Но больше всех Англий и Франций влечёт меня лунная дорога, лёгшая меж ними к моим ногам. Неужто та же луна светит дома в моё окно?

8 июля, 6 часов утра. Туман. Красный диск солнца уже высоко. Ещё на один час назад отведены часы. Качка. Килевая, как сказали по радио, и, ой, не очень хорошо. Штормит всё сильнее. Горизонт то поднимается высоко над головой, то исчезает вовсе. Тёмное море и белые буруны волн. Не помогают ни солёная рыбка, ни вино в двухкомнатной каюте Надежды.

9 июля. «Товарищи туристы! Прослушайте сообщение о погоде. Температура воздуха — плюс 16, температура воды — плюс 18 градусов. Волнение — 9(!) баллов. Глубина — 2300 метров. До Монреаля осталось 2200 миль, от Ленинграда отплыли 2250 миль. Помните — лучшее средство от морской болезни — сытный завтрак».

Вверх-вниз, вверх-вниз, и всё время такой гул. Как плачут, как стонут волны! Захлёстывают аж иллюминаторы верхней палубы. Шторм, настоящий шторм. Куда ни кинешь взгляд — огромные валуны гор с белыми гребнями. Низкие тучи. Разбившись о борт, волна мириадами брызг скатывается назад, образуя белые и изумрудные воды, подобно цвету ледников в горах.

Вообще вся эта буря и волны очень напоминают мне горы, когда смотришь с вершины или с перевала на новые анфилады гор, на ледник, уходящий вниз, на морены. Так и здесь, только всё в постоянном движении. Только что ты был на самой вершине, под тобой ледник, — и вот ты уже у подножия новой вершины. Мгновение — и ты на вершине, а на горизонте — панорама новых. Проваливаешься в пучину, где кипят, бурлят и

накапливаются новые силы, вот они перекачивают чуть заметно глубину, но какая мощь в этом чуть заметном движении, какая сила! Дух захватывает.

— Если б так можно было остановиться перед мощью и красотой женщины, а?

— Наверное, это чувство ещё сильнее, Павлик.

10 июля, 6 часов утра. Туман.

— Ну как, нравится? — помощник капитана.

— Да. Очень.

— Потрепало, да? У нас каюту от крана оторвало, десятимиллиметровые болты как ножницами срезало. Туман ещё хуже шторма. На айсберг какой-нибудь налететь можно...

— Нам ведь это не грозит. Их здесь не может быть, да?

— Здесь как раз и может. Отрываются от берегов Гренландии и плавают. Тумана бы не было — увидели бы.

— А как вам нравится этот рейс?

— Да я этим маршрутом 13-й раз иду. Южными широтами, там интереснее. Тепло. Летающие рыбы. Морские черепахи. Солнце. А здесь либо шторм, либо туман. Каждый раз так. А как вам шторм?

— Знаете, это такое чудо, так было необычно, страшно, жутко и красиво!

— Захватывающе, да? Хорошо переносите?

— Нет. В лёжку! Я как раз живу на самом носу, ка-ак приподнимет, ну, думаю, наверное, на 100 метров, не меньше, сейчас вниз лететь буду. И ка-ак отпустит, всё внутри переворачивается. Иллюминатор у нас задраен, верхнюю палубу заливают, но я всё равно смотрела, чтобы шторм почувствовать, и готова снова встретиться с ним.

— Ну, это удовольствие вам ещё предстоит сполна, ещё назад идти будем...

11 июля, 8 часов утра. Волнение — 6 баллов, температура воды — 12, воздуха — 11 градусов со знаком плюс. Сегодня проходим центр Атлантики. «Внимание! Слева по борту в трёх милях от нас — “Квин Элизабет II”, пассажирский лайнер, один из крупнейших и комфортабельнейших судов Нового Света».

16 часов. Вот и солнце. И ветер. И я впервые за два дня выхожу на палубу. Белая пена волн подо мной.словно голу-

бой ледник отдаёт себя тёмным волнам и, прозрачный, уходит вниз. С радостью! Ведь в следующее мгновение снова голубой лёд. «О, пожалуйста, мне нисколько не жалко! Я неисчерпаем. Я дам вам столько ледников, сколько хотите! Я царственно щедр!» — это теплоход. И чем глубже зарывается нос, тем мощнее, полная сил, выкатывается волна, широким взмахом покрывает она тёмные, навстречу ей движущиеся массы, окутывает их пеной и растекается изумрудом.

Как же случилось, что я не взяла фотографии своих детей? А?

12 июля. «Судовое время — 8 часов! Доброе утро! Температура воздуха плюс 11, воды — 12 градусов, ветер — 5 баллов, волнение — 4 балла. Глубина океана — 4560 метров». Серое скучное небо, такие же волны, чуть темнее только и вдруг опять радио: «Пассажиры могут наблюдать игру дельфинов по левому борту».

«Вот от чего никогда не устаёшь, так это смотреть на море..., — Анатолий Михайлович Акимов, — заслуженный мастер спорта, в прошлом легендарный вратарь нашей сборной, — в шторм идём, видите, гребешки поднимаются». Мы часто стоим с ним вот так, рано утром или вечером, и он рассказывает про чужие моря и страны, в которых ему довелось побывать.

Как тих, как спокоен океан! «Ну что, китов не видно?» — идут мимо ребята. У самой кромки воды, едва не касаясь её крыльями, пролетела стая птиц.

«Ты хоть чувствуешь, где находишься? Ну вот, например, что приближаемся к острову Ньюфаундленд?» — кто-то из ребят спрашивает меня. Всё время думаю, что нет, ничего не чувствую. Думаю об этой непричастности своей ко всему. Что этому острову до меня? Что мне до него? Частичка души моей как относится к острову? Никак. «Понимаешь ли ты, что это бывает раз в жизни? Вот эта поездка в Монреаль на Олимпийские игры, этот теплоход, новые друзья? Такого больше никогда не будет! Понимаешь, что только раз в жизни! Это большое везение» — это слова директора круиза.

А я понимаю и нет. Разве каждый день моей жизни, будь то в Монреале или в Новосибирске не чудо, не большое везение, а? Разве Ты не чудо и всё, что с Тобой связано? Ну что холодным волнам до меня? Вот они под ногами, где глубина больше четырёх километров.

Остров Ньюфаундленд

Я хочу понять суть, глубину... Вот Дания — это фон и замок Гамлета тоже, а суть — это то, что сейчас происходит в каюте. Вы и я — это суть. Так было. Суть — это когда рано утром я вошла в музыкальный салон, и там не было ни единого зрителя, лишь тихая музыка и шум волн. Я села у эстрады, медленно повернула голову навстречу звукам. Пианист смотрит на меня, я — на него. Мы улыбаемся. Я как будто только что его увидела. Вот этот поворот головы навстречу музыке, этот миг, эта улыбка — они останутся.

Мы плывём в тёплом течении Гольфстрим. У вахтенного на карте красный флажок — наш корабль — совсем близко от Канады. Впереди движутся два плавника. Может быть, то кит? Туман сгущается. Стоишь на носу и будто неслышно паришь. Уничтожаются расстояния, и остаёшься только ты и океан. И ритм движения. Как будто мглу прорезаешь собой.

14 июля, 6 часов утра. Краски неба так пленительно ясны. Так тихо, так мирно на душе, горизонт растворяется в беспредельности моря и неба. Солнце встаёт. Радость охватывает от причастности к красоте, и на мгновение будто понятным становится мир.

О, как мне нравятся наше спокойное движение, эта великая безмерность. И меня немного пугает земля, к которой мы приближаемся. Вот уже капитан с помощником вышли на

палубу и в огромный бинокль ищут впереди землю. Подожди, капитан! Мы там уже не будем такими...

17.30. Ура-а! Земля! Земля! По правому курсу показался остров Ньюфаундленд. Еле вырисовывается из тумана. Мы входим в залив Святого Лаврентия.

Канада

15 июля 1976 года, 5 часов утра.

Монреаль

Синие холмы вдаль. Неужели Канада? И так легко, так просторно, что невольно делаю глубокий вдох. Так чисто, так спокойно ранним утром, что хочется плакать. Боже, что со мной?

Мы идём полным ходом. Еле уловимым ритмом тихо катится навстречу океан... Проглянуло солнце из-за облаков, и от самого горизонта заискрилась дорога тысячью звёзд. Вспомнился Чюрлёнис.

Но вот снова скрылась за облаками Канада. Такой туман, что только воображение может нарисовать только что виденное.

14 часов. Чуть-чуть развело туман, и глазу предстали сопки, покрытые густым лесом. Таинственные издали, они вырастают навстречу из дымки тумана. Ощущение, что приближаешься к сказочным берегам. Всматриваешься с замиранием сердца: может, там замок какой? И точно — вот он, будто порождённый самой природой; змейками разбегаются от башен дороги.

17 часов. Встреча на теплоходе с представителем обслуживающей нас фирмы, мистером Дональдом. Высокий, подтянутый, худощавый, с чёрной бородкой. Красивый.

— Я думаю, — его переводят, — вы запомните время пребывания здесь до конца жизни... На пристани Монреаль бастуют портовые рабочие. Это административные проблемы. Забудьте их. Я решу все ваши проблемы. В этом мире есть сумасшедшие люди, и, если они появятся, мы не можем препятствовать, чтоб они не стреляли... Олимпийские игры состоятся, несмотря на то, что некоторые африканские государства намерены покинуть их. Но, если они не состоятся, я научу вас играть в бейсбол, а вы меня в хоккей — ведь не напрасно же выплыли целых 12 дней! На олимпийские стадионы можно попасть на метро и на автобусе. Метро в 10 минутах ходьбы от теплохода. Цена билета и на автобус, и на метро — 50 центов. (В зале: «у-у-у!» и вопрос: сколько стоит подержанный велосипед? Он в свою очередь: с каким числом скоростей?).

Скрылось было солнце за тучей, но уже над самыми сопками лучи его щедро мощным конусом устремляются к земле. Тучи светятся будто изнутри. «Смотрите, какой закат», — оборачиваюсь я к одному из наших «наставников»,

Квебек

неслышно подошедшему сзади. Он внимательно посмотрел на меня: «И у нас такой же!».

Идём совсем близко от берега, иногда чуть холмистого, повсюду заселённого. Одно- и двухэтажные коттеджи, прячущиеся под крышами. Необычные для глаза храмы. На крышах много симпатичных чердачков и оконцев. Да это ж крыши Карлсона! Конечно же, он мог жить здесь! Проходим Квебек. На вершине холма огромный замок, башен не счесть. Этот из сказки — уж это точно! Рядом скребутся к небу небоскрёбы, всё утопает в зелени.

А вечером мимо нас проплывают мириады огней. Реклама вырывает из темноты. Катера смельчаков догоняют нас и остаются позади. Медленно приближаемся к сердцу Канады, медленно шествуем по её водам. Корабли приветствуют нас. А вон и наши — звучит наш гимн и высоко над берегом высвечен флаг.

А ночью разговоры на борту:

— Слушай, мне тебя в Баку скорее хочется принимать. Что нам готовит эта страна?

— Он же первое, что сказал — докеры бастуют. В стране инфляция, всё очень дорого...

— Хоть бы на метро денег хватило...

— Приеду домой, буду вспоминать как кошмарный сон этот шторм, этот город, эти огни...

— Нет, послушай только, паспорт — раз, пропуск — два, да ещё расписывайся, что ушёл и пришёл, а?..

Река Святого Лаврентия столь полноводна и широка, что иной раз не видны оба берега. И как это они умудряются пропускать через неё линии электропередачи! А вот огоньки ажурного моста заслонили весь горизонт. И всегда на самом видном месте храм.

16 июля, 19 часов. Уже три часа ходим по городу. Дождь, да ещё такой сильный. Голова кружится от виденного — бесконечная реклама больших и малых магазинов; фотовитрины с обнажёнными мужчинами и женщинами, демонстрирующими многочисленные позы слияния; продавцы, стоящие у входов в магазины и внимательно осматривающие нас; нарядные домики, украшенные цветами. Все улицы — «святые»: Святого Лаврентия, Святой Катерины, Святого Георгия, Святого, Святого, Святого... Народу мало, никто

и внимания-то на нас не обращает, такое событие для нас, а всем хоть бы что. Хоть бы что-нибудь спросили, что ли. Может быть, самим спросить, да вот хоть как пройти назад к теплоходу. Только у кого? Не у этой же парочки, что, обнявшись, стоит под мнимым зонтиком (он только что с серьёзным видом сделал движение, словно открывает зонтик и поднимает его над головой подруги — он так и стоит с поднятой рукой), а больше и спросить-то не у кого.

Переждать дождь остановились на небольшой тихой улочке с храмом, у крыльца двухэтажного дома под навесом. Вдруг звонок. Оглядываюсь: может быть, задела случайно кнопку? Отстраняюсь на всякий случай. Стоим. Опять звонок. Ребята вопросительно смотрят на меня: зачем это я его трогаю? Да не касаюсь я, не касаюсь. Вдруг открывается дверь, выходит хозяйка — заходите, здесь постоит. И сама уходит вверх по лестнице.

— Сенк ю, — ей вдогонку.

А вечером в баре на теплоходе:

— Я увидел, что они общительны, дружелюбны. Но этот секс...

— Так вот, одни ребята видели заведение, где наглядно учат этому, — 5 долларов.

Наши зашли. Очередь...

— О-о-о! Ну и...

— Я ничего не видел, я смотрел только на титьки, я обалдел...

— Но вы поняли, что мы имеем, а? Сколько что стоит? Ужас!..

— Помнишь, женщина-то в доме дёру дала? Это когда ты сказал ей «секс ю»...

— Представьте, подходит мужчина и на чистейшем русском языке говорит: «Здорово, земляки!..».

— Нет, я не смог бы здесь водить машину: красный свет для нас, а он останавливается и ещё рукой показывает: проходи, мол...

17 июля. К теплоходу прибыли автобусы. Экскурсия по Монреалю. При выезде из порта увидели трёх парней с плакатами в руках. Мелькнули названия советских теплоходов, наш в их числе. Кто-то успел прочесть — «Убирайтесь домой!».

Нотр-Дам. Монреаль

Меня поразил вид этих парней: стоят, улыбаются, курят. А я-то думала, что всякая демонстрация демонстративна.

Шофёр, он же гид. Рассказывает о Монреале.

Это остров. 2 миллиона 800 тысяч жителей. Второй город в мире, говорящий на французском. 200 парков. 500 церквей.

— Здесь живут по-настоящему богатые люди, — указывает шофёр на коттеджи, — моей зарплаты не хватит, чтобы платить налоги...

— А сколько вы получаете?

— ... тысяч долларов в год.

И снова: «Вот здесь живёт миллионер, вот здесь — тоже» и т.д., всё в том же духе.

Мы проезжаем по верхней части Монреалья, очень красивые коттеджи, ухоженные газоны, повсюду цветы. «Газоны, — говорит шофёр, — о, за ними ухаживают сами владельцы домов, сами стригают. Если не делают этого, приезжают, стригут, а потом чек им высылают».

Пожалуй, самое сильное впечатление оставило посещение собора Нотр-Дам. Голубые краски светятся. Живые, как само

небо. Заходишь — и словно свод небесный опускается на тебя или ты поднимаешься к нему.

Сегодня открытие Олимпийских игр. И очень жаль, что у нас нет билетов. Я даже не могу выразить чувства свои ребятам.

— Пошли, — говорю.

— Куда, зачем, что там делать на улице?

— Непонятно разве? Люди всей планеты сейчас смотрят на Монреаль, а мы находимся в десяти километрах от стадиона, и неужто это ничего не значит? Словно сидим у себя дома, да и у себя дома мы бы лучше поняли этот день открытия Олимпийских игр. Пошли!

И в ответ снова:

— Да брось ты!

Я выхожу к причалу. Одну меня, конечно, не выпустят... И вдруг Стас направляется прямо к выходу:

— Я с тобой!

Ему навстречу:

— Пошли!

И мы идём по городу. Пешком к стадиону. Отправляем письма на Родину, на цветных экранах смотрим открытие

Олимпийский стадион в Монреале и башня Ла Тур-де-Монреаль, высота 175 м

Игр. Над нашими головами делают пируэты спортивные самолёты, оставляя за собой дымный шлейф олимпийских колец. У самого стадиона с наслаждением опрокидываюсь в яркую зелень газонов — флаги, флаги, флаги в голубом небе. Вода переливается по барельефам с уступа на уступ. Девушки, выбегающие с олимпийской арены после танцев. Красота тел, не стеснённых узкой одеждой.

18 июля. — Колокола звонят, слышишь? А-а-а, служба, наверное, ведь сегодня воскресенье.

Уезжаем в Оттаву, столицу Канады. Немногим более 200 километров от Монреаля. Раскинулась на 45 километров. «Город богачей», как поясняет гид и опять водитель автобуса. Всего лишь 500 тысяч жителей. Тихие улицы, по обеим сторонам коттеджи. «Мы едем по одной из фешенебельных улиц, — поясняет гид, — вот этот дом недавно был продан за 300 тысяч долларов».

Едешь как по парку: всюду каналы, вода, яркие газоны. И цветы, цветы, цветы. Они всюду. Обязательно перед каждым домом. В красивых плетёных корзинках подвешены к тентам возле скамеек для отдыха. На каждом фонарном столбе высоко над тротуаром нечто вроде клумбы с цветами. Они выглядят из плетёных корзин, подвешенных на цепочках у карнизов домов.

Ну а где история города? Где почитаемые памятники? Где музеи, библиотеки? Про то, оказывается, наш водитель ничего не знает. Как, впрочем, и в Монреале.

Мы торопимся на ритуал смены караула у здания парламента. Под духовой оркестр, строим, в красных мундирах и меховых высоких шапках, сапоги до колен. Очень живописно. Вся церемония длится около часа и прямо на большой площади у здания парламента, сплошь покрытой зелёной травой. Ощущение необычности и нереальности, словно ты не воочию всё это видишь, а смотришь в кино, впечатление картинности и зрелищного мероприятия.

19 июля.

— Где был? Что видел? — спрашиваю.

— Да на площади, на общей.

— Ну и что там?

— Да-а, голытьба собирается, играет, поёт, фокусы показывает, ничего существенного, подходить-то к ним страшно. Все заросшие такие.

И вот я на этой площади. Сейчас глубокая ночь, но я боюсь растерять впечатления и пишу.

Полуосвещённая большая вытянутая книзу в длину площадь у здания мэрии. Выше — высокий бронзовый постамент. Невысокие дома из серого камня. Бары и таверны выходят верандами на площадь. Неяркий свет изнутри, множество людей. На верандах — тоже. Пьют, тянут трубки, хохочут, хлопают, смотрят. Вон там наверху жгуче-красный свет от боковой рекламы заливает светлые колонны здания и стекает дальше вниз. У глухих стен свет под большими навесами или без них. Вон там, повыше, — флаг на мэрии. А здесь, в центре площади, толпы людей, окружают то или иное представление. Стоят, смотрят, проходят, сидят тут же, на площади: на скамьях, на асфальте. Тянут кока-колу и трубки.

Вон оттуда доносятся звуки импровизированного джаза, а там над головами мелькают зажжённые факелы, тут скрипки, а оттуда ритмы песен. А вон и эстрада. Однако шума особого нет. Слышно всё и самого себя тоже. А наверху манекены, во весь рост выходящие из самых верхних окон одного из зданий площади. Одетые в чёрные длинные платья со шляпками, с неестественно белыми лицами, они словно делают шаг в пустоту. Стоят и смотрят, смотрят вниз. Совсем похожие на людей и таинственные, будто всё знают, всё видят. И равнодушные ко всему. Ветер развевает их длинные красные и чёрные пустые рукава. Да-а. Чуть-чуть жутковато.

Мы подходим к группе людей. Джаз. В центре тренога. На ней подвешены совок, телефонная трубка, кажется, звонок, ещё что-то болтается, кастрюля, какой-то диск. С длинными развевающимися кудрями один «играет» на этих инструментах, другой — на гитаре и одновременно на хитроумно, прямо напротив рта, прикреплённой к шее губной гармошке, третий обходит круг с ведром, куда ему бросают монеты. Все живописно одеты. Но что замечательно — нет впечатления, что это специально, чтоб удивить. Ни-ни-ни. И намёка нет. Хочешь — смотри, хочешь — слушай, хочешь — уйди. Никто никому не мешает, не дёргает, не кривляется. Задел если случайно — «сорри». Если тебе так удобно, так ты, зритель, можешь пройти и прямо по центру круга, не видя играющих, словно их нет, словно пустота.

Идём дальше. Здесь у высокой стены играют двое. Один — на скрипке! Другой чрезвычайно живописен. На животе стиральная доска с каталкой, на поясе разный «музыкальный» инструмент — велосипедный звонок и много ещё чего-то болтается. Пальцы рук зловеще поблёскивают напёрстками. Он самозабвенно творит, проводя пальцами по стиральной доске. И как лихо! Звук рассыпается дробью. Потом ударит в колокольчик, зазвенит звонком. И снова дробь напёрстков по доске. И совсем недурно звучит скрипка. Необычно — да. Вид их так живописен: рваные в обтяжку джинсы, курчавые длинные волосы, курточка с короткими рукавами, навешано бог знает что, а в глазах улыбка. А тот играет, ударяет, притопывает. Мы слушаем одно творение, другое. Вот он лихо срывает фуражку с околышком, и она, плавно кружась, опускается на землю — для денег: «Теперь, представьте себе, — говорят, — поезд отправляется из Нью-Йорка в Монреаль». И вот он отправляется — звонок и поехали, всё быстрее удар костяшек пальцев, всё быстрее ритм, и в такт ему покачиваются и притопывают люди. Мы хлопаем им от души.

А напротив, перед верандой, худошавый парень достаёт огромную скрипку и начинает играть и петь. У ног его — футляр. Роскошное бархатное ложе блестит и просит денег. Но никто не задерживается. Лишь с веранды отвечают ему хохотом и аплодисментами. Снова импровизированный джаз. Девушка рядом покачивается в такт. Сухошавый джентльмен со своей утончённой подругой, оба в летах, в обнимку стоят рядом, улыбаются. Девочка маленькая в розовых брючках сидит на асфальте рядом с отцом, поджав ноги по-турецки. И радуется, и хлопает в ладошки.

Поближе к центру пробираемся. Вон к тем огням. Да это же цветы! Их аромат уже давно чувствуется в воздухе. Море цветов — висят в корзинках, просто стоят, дом из цветов — заходи туда. Но там темно, только огни подсвечивают гвоздики и розы. Не видно, чтобы кто-то их покупал или продавал.

Теперь туда, где рисуют художники, в их царство. 20 долларов — и твой портрет готов. Ты можешь выбрать мастера. Работы тут же развешены. Краска и тушь. В мягком свете под зонтом свободный стул — пожалуйста, если хотите. И надо отдать должное, — неплохо рисуют. А вон мастер другого плана

— парус, солнце сияет, птица парит. И всё это — разноцветные нитки, скреплённые гвоздиками. А здесь можно сфотографироваться в старинном костюме. А там продают выжигание по дереву, темы олимпийские. А вот на ступеньках постамента горят лампы, освещают иные картины — знаки зодиака.

Отойдём чуть-чуть, туда, к той красной стене с надписью Товасо. Чёрная девушка, ты с таким аппетитом хрустишь яблоком. Ты прекрасна. И картины твои, поставленные прямо на асфальт, тоже.

На эстраде танцуют под джаз ча-ча-ча или что-то в этом роде. Извиваются тела. Кажется, вон та сейчас начнёт с себя всё снимать. А вот танцуют и пожилые, но с каким достоинством!

Отойдём в сторону, в тот проулок. Здесь на глухой высокой кирпичной стене выставлены работы художников: натюрморты, пейзажи, зарисовки Нотр-Дамского собора, улиц Монреаля, его жителей, олимпийские темы — 5–20 долларов — и картина ваша. У стен зажжённые светильники. А вот эти картины очень интересны. И цена их тоже — 250 долларов. Горы, покрытые вечным снегом, озеро у подножия. Силуэты гор — лицо человека, смотрящего в воду и отражающегося в ней. Вет восточными мотивами. Кто ты, художник? Подходим. Симпатичное лицо, спокойный взгляд. Говорим о том, что его картина полна внутреннего смысла, нравится нам. «Да это, — указывает он на лицо, — мой дед. Он жил в Индии». А сам продолжает работу — набросок.

Вообще надо сказать, художники мало обращают внимания на толпящихся возле картин. Они за работой. Они рисуют. А рядом девушка с парнем продают свои изделия: вырезанные из кожи ремни, сумки, сандалии. И тоже не теряют времени. Тут же кроют очередное изделие. А вот поделки из дерева и камня, причудливые фигурки. Над одной из них художник работает. Светильник с клёна освещает их.

В конце переулка — бар. Слышны музыка и пение. Подойдём поближе к распахнутому настежь окну. За столом, обняв друг друга за плечи, парни и девушки раскачиваются под ритм песни, что исполняется на эстраде. А она хороша. На французском языке, под гитару, её мелодия льётся прямо на площадь, и публика уже в её власти. Я ловлю себя на том, что начинаю раскачиваться в ритме песни.

«Идём, идём! Уже поздно, нужно возвращаться!» — это тянут меня. И, уже уходя, натываемся прямо на гипноз. Сеанс уже кончился. Испытуемый опустил руки до пола, мертвенно-бледное лицо — так его бедного загипнотизировали. И стоят так, пока «телепат» собирает деньги по кругу. Ох, как страшен его вид! Того, кого загипнотизировали.

Мы возвращаемся по небольшой улочке, очень оживлённой. И тут же стоят кабриолеты — 4 доллара в час, и карета к вашим услугам. Желающих много. То и дело размеренный стук копыт и запах конского пота. У полуосвещённого бара возле открытой двери, выходящей прямо на тротуар, девушка-манекен в чёрном длинном платье с милой улыбкой протягивает руку с надписью *Open*. Прошла красотка. В белой открытой спортивной рубашке, полоска тела от шеи до белых же брюк, сапоги в обтяжку до колен. Все ходят обнявшись — и старые, и молодые. Никто никому не мешает, никто никому не делает замечаний.

А вот и наша обитель. Что же ты руку с плеча убрал, Павлик?

— Здесь — по-советски.

А ведь было так здорово!

20 июля. Магазины, магазины, магазины. Фешенебельные и просто лавочки. Фирменные магазины — просторные, огромные и очень светлые залы со множеством продавцов и эскалаторов. Манекены в одежде выглядят совсем как живые. Вот двое — мужчина и женщина — сидят в непринуждённой позе, тут же бритая юная монашка: длинное чёрное платье, в синеву век опущены глаза; ноги женские, чуть раздвинутые, дерзко поднятые вверх, — демонстрация колготок и чулок. Всюду огромные вазы с цветами.

Только подходишь к какому-нибудь отделу — «Кэн ай хэлп ю?» («Чем могу помочь?»). И на такой случай у меня стереотипная фраза «Ви джаст лукинг эраунд» («мы только смотрим»), её я произношу и не дожидаясь вопроса. В ответ приветливо кивают — «О'кэй!». На одном из этажей подхожу к детской кроватке — ослепительно белая, деревянная, под высоким белым балдахином с вышивкой и ниспадающими кружевами, от настольной лампы веет уютом и теплом. Народу никого. Тихо. Понятия дефицита нет. Наверное, здесь есть всё. Но эти магазины не для наших скромных денег, в них заходишь как в музей.

Множество маленьких частных лавчонок. Иногда таких тёмных, что с улицы заходишь — и ничего не видно, пока не привыкнут глаза. Навалены горы разной рухляди. Тоже дорого. Но можно торговаться. Мы поняли это. И ещё — что их хозяева стоят на улице у входа. Чаще всего здесь торгуют украинцы или евреи, с трудом говорящие по-русски.

Вообще цены сбавляют редко (они не очень-то идут на это, а может, я не настаивала или не нравилась). Зато у Яшки («Здесь торгует Яша» — коряво по-русски написано в витрине на клочке бумаги) на улице, которую мы прозвали Яшкин-стрит, цены невысокие, но товар такой замызганный! Огромная рваная картонная коробка, что сразу у входа, до краёв наполнена париками из натуральных волос. И неприятное ощущение, когда выбирают их, вытаскивая за волосы. Куртки, рубашки, носки, халаты — всё скомкано и тут же на столе — копайся, ищи. В центре над столом табличка «3 доллара» — значит, что бы ты ни выбрал, плати 3 доллара. Сверху свисает одежда — от костюмов и курток до ночных рубашек вперемежку. И как он сам-то не запутывается здесь. Одна и та же вещь или похожая (одинаковых нет) в разных лавчонках оценивается по-разному, да и в разные дни тоже. И запахи там — уйти хочется сразу же. Тем более что при наших деньгах и искать-то ничего не приходится.

Идём к магазину с надписью «ПЕРОВ». У мистера Перова легче дышится и обилие дешёвых товаров. Не скупясь, щедрой рукой накидывает не глядя, центы отбрасывает при расчёте. Покупку аккуратненько складывает в большую полиэтиленовую сумку с крупными буквами «ПЕРОВ» и названием магазина. Эти сумки каждый день плывут по всему Святому Лаврентию (так на самом деле называется Яшкин-стрит), выдавая наших соотечественников.

Реклама магазинов, баров, ресторанов, таверн, секс- и кинорекламы — всё это кружит голову. «Трай ит энд инджой» («Попытайтесь, и вам это понравится») — призывает надпись, комментирующая многочисленные позы слияния мужчины и женщины. Или «Фо сам уимен уан мен из нэва инаф» («Для женщины одного мужчины совсем недостаточно») — на красочной рекламе синема — женщина в объятиях мужчины.

Собор Нотр-Дам

Наконец-то научилась говорить быстрее и понимать. Правда, пока односложными фразами. Однажды возле Нотр-Дам произношу стандартную фразу: *Could you tell me...* («Подскажите») и не успеваю договорить, как мужчина широко улыбается: *Why not?* («Почему бы и нет?»). И мы оба хохочем. И как приятно, когда понимаешь. И, главное, полезно: вчера в магазине, пока ребята рассматривали очередной товар, углубилась в чтение лежавшей там газеты. И когда они позвали меня к выходу, продавец обратился ко мне: *You can take if you want* («Можете взять, если хотите»). Я не заставляю его повторять.

21 июля. Сегодня в соборе Нотр-Дам играет орган, и по дороге Серёжка с увлечением рассказывает содержание виденного им вчера секс-фильма. Мы уже на пороге, а он не останавливается: «Серёжа! Собор ведь!».

Входишь в него, как в музыку. Он захватывает сразу. Божественная музыка будто с неба. А в глазах — секс и магазины. Медленно отхожу поближе к алтарю. Играет орган. И собор входит в тебя: голубые своды, фигура Христа с учениками, в окнах витражи — история города, викинги. Всюду дерево. В соборном киоске прошу сувенир с надписью на английском

«Мир дому твоему» и символом «РХ». Удивительно, но также и Рерих подписывал свои картины.

Do you know what it means? («Вы знаете, что это означает?»), — я показываю на символ. *Peace* («Мир»), — отвечает. Спрашиваю, знает ли она Рериха. Нет, не слышала.

* * *

Международная выставка *The man and his world* («Человек и его мир») — всюду приглашают афиши. Павильоны всех стран и народов. Необычной формы. Причудливая архитектура. Здесь же — павильоны разных стран. В японском торгуют девушки в кимоно, в иранском — иранцы, в индийском — индусы. Заходим в русский. «Ду ю спик рашн?» («Говорите по-русски?»), — спрашиваю. «Нет», — отвечает. А мы все, говорю, из Советского Союза.

— Откуда, откуда?

— Из России, — поясняю.

Вот теперь ей понятно.

Недалеко бассейн с лазерной водой — там много детишек. Эстрады. А вон лужайка. Тут же сидят, пьют, едят. Подходим и мы. Поднимаемся на пригорок. Сели под канадским клёном. Рядом семья. Девочка лет трёх в трусиках и кружевном лифчике кормит голубей, пожилая женщина в коротеньких шортах. Другая, помоложе, — в джинсах, наверху нечто вроде от купальника. Но не надо думать, что они на этой лужайке разделись, чтобы позагорать. Они так пришли сюда, так им удобно.

Когда возвращалась в метро, внимательно всматривалась в лица. Представила себя со стороны и их, стоящих напротив. Вот седой мужчина — подстрижен, как мой сын Данила, чёлка, очень аккуратно; негр в джинсах смотрит внимательно, а вот этот парень очень симпатичен — он разглядывает меня. В его взгляде нет ни наглости, ни равнодушия, у него русые волосы, голубые глаза, он строен и прям.

Удивительно спокойные лица у людей! У всех. На таких приятно смотреть, в чём бы и как бы они ни ходили. Умные глаза. Я ловлю себя на мысли, что мой взгляд — может быть, впервые — не скользит по лицам, а смотрит. И я вижу глаза лю-

дей. Да, они могут позволить себе ходить в чём угодно, потому что они могут позволить себе иметь всё. А ходят они почти все в спортивной одежде — и мужчины, и женщины, и пожилые, и молодые: джинсы и хлопчатобумажная белая с короткими рукавами и какой-нибудь эмблемой рубашка. Женщины либо без бюстгалтеров, либо, наоборот, только в них — тогда это нечто вроде короткой кофточки-полоски. Так они появляются всюду: и на стадионах, и на улицах, и днём, и вечером.

Как-то сижу на небольшом полупустом стадионе, где проходят отборочные соревнования по тяжёлой атлетике. Рядом садится очень интеллигентная пожилая пара, он — в лёгком костюме, она — в платье. Вдруг он вытягивает ноги и ставит их на спинку аж третьего впереди ряда. Я попробовала — удобно. А вчера на гандболе в такой же позе возле меня уселся здоровенный парень, и я подумала: охота мне глядеть на твои волосатые ноги!

И неотвязно мысль: всё, что мне виделось — магазины, секс, назойливая дешёвая реклама по телевидению, обязательно встречающая в любое выступление и передачу (ребята шутят: у них — премьер-министр умрёт, всё равно прервут сообщение рекламой кока-колы), направлено на удовлетворение самости и не слишком притязательные и изысканные вкусы. В чём же духовная основа народа, избравшего лист клёна символом своей страны? Что питает этот народ?

22 июля. По дороге в Торонто. На Ниагарский водопад.

«А сейчас мы едем в Торонто. Меня зовут Наташа. Не знаю, что я здесь должна делать, только вчера мне позвонили, что поеду с вами, но я никогда не была в Торонто, никогда не была на Ниагарском водопаде. Но, может быть, с языком вам помогу. Мои родители русские. Мать из Киева, отец из Москвы. Я родилась здесь». Наташа учится на филологическом факультете русского отделения университета в Монреале. На четвёртом курсе. Снимает в центре Монреаля комнату за 70 долларов в месяц. Платит 700 долларов в год за обучение.

Едем в автобусе уже шестой час. Со скоростью 120—130 км в час. Ни единого пересечения на всём пути. В узловых местах дороги — разъезды повисли в воздухе один над другим. Почти через каждые двести метров щит с надписью, где можно заправиться, где можно остановиться и всегда канадский флаг

висит на двух или даже трёх флагштоках. Огромный плакат с названием городка «ОШАТВА. Попьюлейшн 103000» — и так возле каждого поселения.

Приближаемся к Торонто. Типичная средняя полоса России. Поля сменяются рощами. Тополя, берёзы; ромашки цветут. Ухоженные фермы. Сено аккуратно сложено в валки. Нескончаемый поток машин. Мимо меня быстро мелькают пейзажи, разветвления дорог над головой, проносится поток машин.

Мы ужинаем в университетской столовой. Девушка Катя, студентка второго курса русского отделения, очень хочет говорить по-русски, я — по-английски. Договариваемся поправлять друг друга.

— Ну что ж, начнём, — говорит она.

Дарит значок — голубь или чайка.

— *Is it for me?* («Это для меня?») — удивляюсь я.

— У вас есть Бог? Да, Бог. Святая душа. Так правильно?

— *All right! Ok!*

Перед нами город, и мы с Ниной, немного печальной белокурой девушкой, предоставлены самим себе. В магазинах, как всегда поражающих воображение, всё дорого. Как в Монреале. Заходим в книжный. Собрание сочинений Шекспира, Гёте. Дорого. Долго держу в руках Библию в разделе «Религия». В конце концов покупаем: Нина — словари, я — разговорник.

А поздно вечером мы бродим по ночному, залитому огнями рекламы городу. Отдыхаем под раскидистым клёном в сквере. Заходим в бар. Гремит музыка, а на сцене извивается тощий парень — поёт. Взмахнёт головой, с силой опустит — волосы до колен. Почти никто ничего не пьёт, так — тянут и смотрят, и слушают. Танцы, как у нас. *O! All right!* («Всё в порядке!») — в ответ за аплодисменты. И снова оглушительный джаз, и снова парень размахивает головой. Темно кругом, только столики едва освещены. *You can stay* («Вы можете пройти»), — и мы проходим и садимся.

А на тротуаре два негра настраивают инструменты, один — гитару, другой — скрипку. Уходим, так и не дождавшись начала игры. А вон там поют и играют на губной гармошке. Ничего удивительного, и мы не удивляемся. Два-три человека слушают, остальные проходят, не задерживаясь. На глав-

ной улице светло как днём. Реклама, реклама, реклама. Кинотеатры, таверны, магазины, бары.

Но вот сворачиваем на другую улицу, где нет магазинов, нет рекламы, нет и людей. Чётко вырисовываются силуэты церквей, украшенных зеленью чуть ли не до башен. Уходящие ввысь купола. Подсветка снизу или у крыльца лишь подчёркивает стройность и прямоту линий, усиливает чувство таинственности и увеличивает размеры.

Через небольшой сквер по мягкой траве под огромными куполами клёнов («Ещё час назад здесь гремел джаз, и люди сидели и лежали возле, я думал, они тут и ночевать будут», — Слава) мы подходим к ратуше. Вся стена её залита цветом разрезанного апельсина. Цветом завораживающим — я думаю, такой цвет имеет жизнь. Вокруг деревья в темноте, рядом в темноте же бронзовый памятник, вероятно, очередному магнату. И то, что здесь тихо, никого нет, и весь парк не освещён, только усиливает впечатление торжества света. И само здание куполами уходит в необозримость. А вот и улица нашего общежития университетского — двухэтажного каменного коттеджа, вокруг дома всюду цветы.

23 июля.

Смотровая башня над Ниагарским водопадом

Медленно вращается башня и наш стол вместе с ней. Раскрывается панорама Торонто и Ниагарского водопада. Мы плывём над ними. Чудо света — водопад разбивается об утёсы из камня. Только облако водяное стоит. В самом низу — катер с канадским флагом упорно продвигается прямо на сам водопад — возит туристов, любителей острых ощущений. То и дело над водопадом пролетают вертолёты. Отсюда с башни всё приобретает свою естественную величину: люди становятся спичками, а водопад вырастает до гигантских размеров. Не могу отделаться от ощущения нереальности происходящего.

Поднялась ещё выше — на смотровую площадку. И вновь у ног водопада вижу судно, его стремительный разворот, мгновение — и он уже отброшен назад. А на той стороне реки — США с поднимающимися небоскрёбами. И мост соединяет два этих берега — пожалуйста, свободно можете проходить. Воздух очень влажный и тёплый.

Я стою у начала водопада, там, где через метр-два вода обрушивается вниз, и вижу дальний спокойный пейзаж. Мирно всё. Вот раскидистое дерево посреди озера, а через

Смотровая площадка над Ниагарским водопадом

два метра дальше от меня — обвал. Чистые, прозрачные, зеленые воды, они струятся, полные скрытой энергии, и пока что ничто не предвещает их скорого падения. Но вот сила находит себя в стремительном падении. Бросаю монету в эти воды...

Две-три минуты — и сверхскоростной лифт, идущий по наружной поверхности башни, доставляет нас в огромный зал с магазинчиками, аттракционами, игральными автоматами. Листаю журнал, иллюстрированный картинками секса. Ребята косятся краем глаза: охота посмотреть. Говорю, так смотрите. Смеются. «Разве живое, человеческое может быть безобразным или таким, на что без гримасы и смотреть нельзя, а?» И в ответ: «Если ты так думаешь, Люда, мы с тобой приятно проведём время, как ты к этому относишься?»

* * *

А вечером в каюте теплохода так приятно включить радио. И льются звуки мелодичной французской речи и песни, песни, песни в оркестровом исполнении. Ни о чём и обо всём. Хорошо отдыхать под эту лёгкую музыку, разговаривать, пить вино, танцевать.

24 июля. Не упускаю возможности заходить в церкви и храмы. «Мэй ай си?» («Можно посмотреть?») — в конторку и, получив, утвердительный ответ, захожу. Наши конференц-залы, только более камерные. Светлые, высокие окна. Никаких икон. Только в центральной стене напротив входа картина с изображением Христа или Матери Мира (Божьей Матери), благословляющей людей. И снова этот знак — «РХ».

Вечер. Раздаётся из каюты теплохода:

- А вообще опошляется человеческое существо как таковое...
- Ну как, стоит — не стоит смотреть?
- Стоит! Уж уроки преподают, это точно!
- Ты вынес уроки, да?
- Был бы я один, я сказал бы...
- Знаете, мужики, я счастлив только в Братске.
- Со своей жёнушкой, да? Каждый имеет, что заслуживает...
- Что влечёт смотреть эти фильмы? Не заходите, противно...

— Валя, как увидела на экране... лицо закрыла обеими руками. Я ей говорю: — нет ты смотри, пришла коль хотела — смотри...

— Ха, я и без кино всё знаю...

Хоть и дорого, но очень любопытно. Покупаешь билет и можешь, сидеть там хоть целый день и смотреть (или не смотреть) всё подряд.

Зал полуосвещён, почти пустой. Мы уже давно привыкли к картинкам секса — его рекламы, фото и кинорекламы; прошли все стадии — вначале вроде бы и не смотришь на всякие эти заморские штучки, вроде как через щёлки глаз, оглядываясь на спутников, потом с жадностью, потом с интересом, а потом просто равнодушно и обыденно.

А сейчас кино. Стадии всё те же. Но и нечто совсем новое. Красота обнажённого человеческого тела. Нет, ты, конечно, это видел раньше. Но что-то медленно-медленно совершается в тебе. Вот оно что — ведь я не просто хожу по земле, по улицам, в доме; ведь я несу свою красоту, красоту своего тела... Сильно возбуждает. Одно из двух, говорю себе. Успокойся, побудь одна, подумай, подумай в тишине монреальских улиц, а то, если совсем невтерпёж, — беги к теплоходу — благо, он близко...

25 июля. Музей искусств. Спрашиваю парня, что за кассой, сколько стоит вход. Отвечает — сколько можете. Ну, думаю, не поняла, наверное. Переспрашивать неудобно. На столике лежат проспекты: за 4 цента вы будете нашим другом — читаю. Всё ясно. Значит, сколько можем. 10 центов.

Открываем дверь налево — книги по искусству. Заходим. По стенам большие стеллажи, низкие полки установлены прямо посреди комнаты. Как села рядом с одной из них, так, не вставая, передвигалась по мягкому полу, рассматривая книги. Если кому надо пройти, меня обходят. Никто не говорит: встань, мол, нельзя. И мне очень удобно. Книга большого формата — русские иконы — 60 долларов, импрессионисты — 70 долларов. Роден, Гойя и множество других.

Наконец отрываюсь от книг и захожу в залы музея. Зал реалистического искусства, зал абстракционистов. Игра цвета и тени. Древнее искусство. Фарфор, фаянс. Надо будет народ поднять и прийти сюда ещё раз.

А сейчас огромные часы показывают 21.30. Я на олимпийском стадионе. Всё залито светом — огромные прожектора, уста-

Олимпийский стадион

новленные наверху купола стадиона. Словно чаша раскрытая. Я на самом верху. И когда смотришь вниз на игроков (футбол), с непривычки внутри как-то не очень. Прямо подо мной олимпийский огонь. Но до меня доходит только его копоть.

«Живу в Нью-Йорке. На заводе работаю. Зарабатываю неплохо. 840 долларов в месяц. Неплохо. Мать уехала из Советского Союза в 1946-м. Отец погиб на Белорусском фронте. Мне было 5 лет, когда мы приехали в Канаду. Мама живёт в Монреале. Я сюда на игры. Нет, почему? Свободно. Спросили только как зовут, где живу, — и о'кей! Нет, на машине. Жена работает. Окончила здесь университет, в Монреале. Работу найти не мог. Мотался. Хотел переводчиком. Я и немецкий знаю, и польский, но не берут в государственную службу — родился в СССР».

Сидит рядом — свой в доску парень. Если бы не джинсовый костюм, надетый с некоторой лихостью на голое тело, цепочка да бахрома на брюках, решила бы, что с теплохода. Приятный голос и говорит без всякого акцента.

«...Про Советский Союз? Знаю. У нас есть магазин такой, четыре континента, есть и советский магазин. Газеты, литература — всё есть. Известно. Квартира? Есть. Шесть комнат у

меня. Платим в месяц 340 долларов. Нет, детей нет. Часов 6—7 здесь езды до Нью-Йорка...»

26 июля, 14 часов. Лёгкая атлетика. Олимпийский стадион.

На противоположной стороне далеко от нас — прыжки с шестом. А под нами — метание копья, и новый олимпийский и мировой рекорд. Финал 200 м. Мужчины. Замер стадион. Выстрел. Сорвались, и вдруг один из них, чёрный, кажется, тайванец, что на четвёртой дорожке, вдруг... садится, прижимая голову к коленям и зажимая её руками. Секунду, две сидит так. Все далеко впереди. Вскрикивает, машет руками, опускается снова. Минуты через две-три он встаёт и медленно-медленно бежит к финишной черте по своей дорожке. Так неожиданно для себя, я стала свидетелем трагедии человеческой жизни.

27 июля, 7 часов утра. Экстренное собрание всех туристов. Сергей Немцанов покинул Олимпийскую деревню. Билетов поэтому на сегодня никуда не будет, просьба никуда не выходить.

— Ну, как вам здесь, в Монреале, а? — спрашиваю я, пользуясь случаем.

— В общем-то здесь хорошо, впечатления хорошие, но всё-таки я ожидал большего. Всё-таки Америка, Канада...

— Что ты имеешь в виду?

— У нас как-то следят, что ли, за всем. Всюду чистота, блеск. Возьми вот Москву, а здесь вроде бы каждый сам по себе, и дела никому нет. Видишь, как грязно кругом, мусор повсюду. Проезжали как-то, видим: машина перевернута, что-то случилось и никто, понимаешь, никто не подходит. Спрашиваем у шофёра: почему? Говорит: по разным причинам. Обычно такие машины, мол, застрахованы, и помощь здесь может только повредить. А бывает, пострадавший на тебя и укажет.

— Нет, вообще впечатление не очень хорошее, — говорит другой, — вот утром рано смотрю: в парке люди лежат, валяются, а потом вижу — хиппи какой-то, весь в лохмотьях, в урне копается...

Ну, а на мой взгляд, кто что хочет видеть, то и видит. Иначе — кто что ищет, то и находит.

28 июля. Магазины. Улицы. Люди. У Саши большущая труба телескопная в фотоаппарате. Пытаюсь фотографировать и я. Навстречу быстрой лёгкой походкой идёт приятный

мужчина. В метре от него вскидываю фотоаппарат. «Сенкю», — успевает он сказать и широко улыбается, поворачиваясь ко мне. Я тоже улыбаюсь.

30 июля. О чём пишут газеты? Сообщения, нам посвящённые, всегда не на первых страницах. Выступление Нади Комэнеч противопоставляется Ольге Корбут. «Ольга Корбут очень постарела, но во многом обаятельнее Нади и обладает чувством юмора (*Morning Star* от 21 июля)». На фотографиях радостная Комэнеч и плачущая Ольга.

Сборные ГДР, Польши, Кубы — на первых страницах, а мы на других. Замалчивалось выступление даже такого спортсмена, как Виктор Санеев (чемпион трёх Олимпийских игр). Николаю Андрианову (четыре золотых медали) всего лишь небольшой комментарий, и вновь газета на первых страницах — о победе Комэнеч и неудаче Ольги. То же и о Василии Алексееве: «Алексеев так толст, что если наберёт ещё один килограмм, то лопнет». Или: «Эта глыба не вызывает симпатий».

Баскетбол сопровождался в основном высказываниями в адрес Ульяны Семёновой: «Уля? Не замужем. Тренеры надеются, что она выйдет замуж, и это будет положительным и для неё, и для игры. Но где найти Его?». «В моей стране, — сказала Семёнова, — мы можем найти Его». Или: «Так же велика, как трое мужчин, и так же толста, как двое из них. Она ищет мужа и неясно, предпочитает она марксиста или капиталиста. Но, по всей вероятности, она удовлетворится тем, что найдёт».

Освещаются поражения наших спортсменов. После победы американского боксёра: «Американец очень здорово отделал одного из Поповых». «Поповы» — здесь имя нарицательное для русских. Под заголовком «Украинцы протестуют»: «Выходцы с Украины освистывают советских олимпийцев, антисоветские выступления, в сопровождении полиции выдворены из зала». «Протестующие жгут советский флаг на олимпийском стадионе» — заголовок. 250 человек возле велодрома сожгли флаг СССР.

Не связано с Олимпийскими играми:

- Падение рождаемости беспокоит Советы...
- Повышение цен на турбины для Канады...
- Фирма «Кока-Кола» ведёт переговоры по строительству в СССР завода...

— Советские люди занимают первое место по посещаемости кино... Отмечается невысокое качество советских фильмов — стереотипность...

— На Кавказе сильное землетрясение, пострадало... и т.д.

31 июля. Автобус у теплохода — наши артисты едут на международную выставку. Будь что будет — с ними. Может удастся посмотреть круговую панораму. Самим дорого. Говорят, посещение каждого павильона — три доллара.

Ребята выступают в нашем павильоне. Он посвящён Олимпиаде-1980. Макеты стадионов, гребного канала, русские сувениры, книги. Всё оформлено просто очень здорово, и, пока они выступают, я покидаю зал и выхожу на улицу. У соседнего павильона выстраивается какая-то группа, собирается пройти. Пристраиваюсь. Там, думаю, разберёмся. Дорогу я отсюда знаю.

Павильон «Вселенная». Огромный полуосвещённый круглый зал с высоким куполом. Всё так таинственно. Три здоровенных робота переговариваются между собой «буль-буль»: вместо голов у них — прозрачные круглые колпаки, под которыми дрожат, мигают свечи. Люди на других планетах в лунном свете, в чёрных скафандрах. А вокруг тебя фантастический фильм. Иноземные существа с длинными руками и горящими глазами идут по городу. Иноземные животные. Из всех углов мигают огоньки.

Прямо передо мной — модель неизвестной земли. Египетская мумия трёхтысячелетней давности. Каменный лик с острова Пасхи. Надпись: «Природа полна удивительных явлений». В темноте большущий шар, дотронешься до него руками — и он весь наполняется розовым светом.

На полу — следы доисторического человека.

В павильоне «Юмор» в зале карикатур освещаются последние политические события, и центральное место среди них отведено событиям в Анголе, связанным с ней Советскому Союзу и США. Всё едко высмеивается. Статуэтки — карикатуры на современных политических деятелей, в том числе и Советского Союза.

В следующем зале этого павильона очень смешные вещи: обувь для акробатов в виде ручной пятерни, волнистый теннисный стол, лестница для одноногих, лестница для безногих,

аппарат для причёсывания лысых, шахматы на шаре, дуло ружья винтом, пишущая машинка с изображением животных вместо букв и многое-многое другое.

А вот зал для детей. Здесь старинная одежда из сказок, различные гримы. Детишки в восторге, наряжаются, мажутся, разглядывают себя в больших зеркалах.

В иранском павильоне сразу вверх уходят колонны пирамид — то светящиеся ступени. Поднимаешься по этим колоннам-ступеням и, если хочешь посмотреть фильм, садишься на них же. Вместо стен и окон — лица людей, один к одному, их миллионы.

Павильон «Нидерланды» необычен. Это даже не павильон в обычном понимании, а целая деревня с маленькими каменными домишками и площадью, на которой играет оркестр в национальных костюмах. Один из домиков — церковь. Там крещение младенца. Пастор, молодая чета, свидетели, просто любопытные. Все участники — манекены, другой домик — жилой. Чинно восседает за столом отец, читает книгу. Молодая чета рядом шепчется. Простое убранство.

В каждом таком домике запечатлён миг, всего лишь миг жизни далёкого прошлого, но с какой достоверностью! Кухня. Как раз выпечка хлеба. Отец укладывает хлеб в печь. Любопытные детишки, музыка. В следующем домике — семейная сценка. Она — молодая, красивая, сидит за пианино, играет тихую мелодию, отец-моряк увлечённо рассказывает о чём-то сынишке, протягивая ему модель паруса. Заглянула в этот дом, и стало мне так хорошо в кругу этой семьи. А вот отель. Красотка перед зеркалом. Он нервничает в ожидании. А здесь школа. Переменка. Шум, гам, дети на партах кто где. Мадемуазель пытается их утихомирить, а сама тоже смеётся. Домашний дворик. Куры. Всюду цветы. Кладбище с могильными плитами. Ветряная мельница.

И, наконец, круговая панорама. Это — чудо. 20 минут меня возили по Канаде, я была участницей смены караула возле парламента, каталась на горных лыжах с замиранием сердца, летела в самолёте над Ниагарским водопадом (при этом крепко уцепилась за поручень, возле которого стояла, чтобы не упасть во время виражей!), видела горы с вечными снегами, гуляла по улицам многих городов, каталась на кабриолете, что вечерами стуком копыт провожает меня к теплоходу.

1 августа. Сегодня воскресенье. Мы покидаем эту страну.

С группой ребят ухожу утром в город. Мы бродим по знакомым улицам, магазины и магазинчики закрыты, и необычно как-то: не стоят продавцы — они же хозяева, — у открытых дверей в ожидании покупателей, народу мало, все за городом.

Вот здесь торгуют француз и его сынишка Чарли. Я всегда захожу в этот магазин, и мы с Чарли беседуем. Он показывает все вещи, называет цену, объясняет. *Do you remember me?* («Вы помните меня?») — спрашиваю и он отвечает: «Да. Да, помню». Ему нравится мой шоколад, мне — он сам. На прощание он украдкой от отца, но решительно вытаскивает складные часы-будильник и даёт мне. «5 долларов», — говорит. Но сейчас здесь пусто и двери закрыты. Мало и машин. Но всё равно все они уступают дорогу, водители улыбаются, машут рукой: проходи, мол.

Сегодня в соборе Нотр-Дам воскресная служба. 11 часов. И я иду к собору. Как хорошо побыть одной. Я выхожу на площадь... Вон та церковь на днях горела. Это было поздним вечером. Со всех сторон охватился пламенем огромный купол, я вижу следы пожара. На этой церкви и у себя в душе.

Нотр-Дам. Звон колоколов. И органная музыка. Много людей. Служба на французском языке. Стараюсь быть единой с ними. Понять. Но не получается. Вот в органную мелодию вступает чистый голос. О, господи! Откуда, где истоки этой чистоты? Что её питает в этом народе? Что поддерживает её? Опять я ничего не понимаю. Но я присутствую при торжестве Света. Но где, чья рука зажигает его?

12 часов. Ну что ж. Пора на теплоход. Сегодня в гостях олимпийцы и артисты — А.Миронов, Л.Лещенко, Г.Хазанов, В.Толкунова, кажется. И когда уже совсем близко подошла к теплоходу, поняла — нет, не хочу и уезжаю на стадион. Хочу пройти на соревнования по конному спорту, однако, не получается. С рук торгуют билетами на церемонию закрытия Игр. Работают сувенирные киоски. Выкрикивают программу. И этот негр с губной гармошкой, что на площади выворачивался, опять здесь. Присела отдохнуть возле водопада — и вдруг потянуло отвратным дымом: кто-то сидит, курит трубку. Так с этим неприятным привкусом и уезжаю. В метро парнишка раздаёт сувенир-пластинку *Welcome to Montreal*. Достается и мне на память.

Домой

2 августа. «Судовое время — 8 часов 25 минут. От Монре-
аля 12 миль, до Ленинграда — 4321 миля, температура воздуха
— плюс 13, воды — плюс 16 градусов, волнение на море — 2
балла. Через 80 минут будем проходить Квебек», — трансля-
ция по радио. И я жду, когда на берегу появится дворец, так
мне понравившийся. Вот появились уже стены замка, флаг
канадский на самом мысу. Сколько же там часовен? И сколь-
ко людей может жить? Целый город, наверное. Под зелёной
крышей с тёмными сводами, обведёнными белыми-белыми
оконцами, он раскрывается нам навстречу то одной, то дру-
гой своей стороной. И всюду купола церквей. Вознесённые
высоко вверх, они отливают на солнце серебром и обращены
к нам лицом — крестами.

— Что тебе больше всего понравилось или произвело на
тебя впечатление в Монреале? — Гена обращается ко мне.

— Трудно сейчас ответить. Нужно всё это оставить, и буду-
щее покажет...

— Нет, ну всё-таки...

— Не знаю...

Да, трудно, конечно, сказать. Вот, например, вчера, ког-
да в Нотр-Даме играл орган, я вдруг поняла, что на выставке
в «Экспо» больше всего вошло в меня, или, вернее, осталось в
душе, посещение маленького домика в павильоне «Нидерлан-
ды», имитация церкви, крещение младенца, пастор, всё так ре-
ально — и музыка, и плач ребёнка. Я тогда ещё не поняла, что
этот миг во мне навсегда, и вот в Нотр-Даме это стало ясно.

Или, может быть, шелест полотнищ олимпийских флагов
на ветру на фоне чистого голубого неба, и я лежу на траве. От-
крою глаза — разноцветные полотнища реют в набежавших
облаках. Это было в первый день открытия Олимпийских игр.
Или, может быть, в первый вечер, когда мы пошли на площадь,
где собирается молодёжь. До меня доносятся звуки музыки с
разных сторон, мимо меня проходят толпы, но я слушаю ти-
шину и, словно совсем одна, зачарованно смотрю на памятник
высоко над площадью, на его контуры.

Я видела огни вокруг стен, в руках людей, красный отсвет рекламы на крыше соседнего дома. И развевающиеся пустые длинные рукава манекенов, словно приготовившихся ступить на площадь с самых верхних окон. Или, может быть, когда ночью в Монреале, я взглянула в иллюминатор каюты и долго смотрела на игру воды, переливавшейся в свете огней. Или, может быть в последний вечер отражение рекламы на мокром от дождя асфальте. Блёстки красок под ногами и бесконечные огни машин, неслышно ехавших по асфальту плотным рядом.

А, может быть, миг отхода корабля из Монреалья? Грустно, и ожидание чего-то нового. Мне казалось тогда, что небо плывёт за нами, провожает, защищает, и земля канадская — тоже, и огоньки на берегу, и плывущее небо и земля — всё так гармонировало и было согласно. С чем? С нашим отъездом? Но ведь это отъезд. И это навсегда? Кто знает?

Я помню ощущение напряжения во рту от вынужденного молчания, от чужого языка, от того, что ты — чужой, и потом, когда вдруг оно исчезло, это напряжение. Нет, ты по-прежнему молчал, но напряжения не было. Тебе стали эти люди ближе. Кто знает?

20 часов. Сумерки. Только что зашло солнце. И небо на горизонте ещё полно чистого золотистого цвета. Темнота моря с каждой минутой ещё больше подчёркивает золото неба там, на горизонте. Ритмом движения всё полно, мне больно от этой красоты.

3 августа. Приподняла голову с подушки, посмотрела в иллюминатор и ахнула: пространство раздвинулось, бесконечная даль моря и... зарница. Улыбнулась, закрыла глаза, когда снова взглянула — душа восторгом наполнилась: алое небо и огромное солнце заполнили весь иллюминатор.

4 августа. «Температура воды — плюс 13, воздуха — плюс 15 градусов. Волнение — 2 балла. Глубина — 100 метров. От Монреалья — 916 миль». «Последний раз предоставляется возможность увидеть американский континент — по правому борту остров...» — сообщение по трансляции. Небольшая стайка китов пускает фонтанчики. Ныряет. «Ну-у, махина! Ох, и здоровенные!» — то и дело раздаётся. А вода цвета изумруда без конца и без края. Искрятся, мерцают от яркого солнца мириады океанских звёзд.

5 августа, 5 часов утра. А на палубе полно народу. Спят в шезлонгах, стоят, завернувшись в одеяла.

— Вон видите, где корабль, ох и рыбы там плавало...

— А вы видели?

— Да.

— А вы что, давно, что ли, тут стоите?

— С вечера.

— А почему?

— Хочу представить, как это в одиночку в океане. Загнулся бы давно уже. Бочку нашли, а больше ничего.

— Как... нашли? А кого ищут?

— Так вчера ещё SOS получили. Самолёт разбился. Никогда не думал, что в океане трудно что-нибудь найти. Вроде водичка такая милая, такая красивая. А ночью здесь прожектором освещали кругом. Да где там — разве услышишь? Вроде говорят (вон внизу с биноклями стоят, видите) шторм там 7—8 баллов. Вот и верь теперь этим спасательным поясам. И фонарь горит, и всё. Будет плавать в трёх милях и не увидят за волной.

А впереди дельфины, пять или шесть. В едином ритме вынырнули из воды и к нам навстречу. Снова пролетели над водой, видно, как уходят в глубину. Снова взвились вверх и исчезли.

— Да-а, в общем-то, ночьку побыть в воде, я не завидую... Нет, не зря всё-таки Айвазовский море писал. Вот, смотрите, вон там свет, а сколько оттенков...

На горизонте по курсу показался корабль, и через несколько минут наш делает глубокий разворот.

Идём почти назад. Чётко виден на воде круговой след разворота. И вот опять разворот. Идём серпантином. Сегодня утром вместо обычного сообщения о погоде и оставшихся милях: «Всем пассажирам, имеющим бинокли, просьба принести их в бюро информации». Медленно-медленно идёт наш теплоход, будто ошупью. Разворот, ещё один, и след верером. По радио всем: «Вести наблюдение на 360°». Глаза всех прикованы к воде. Низко летит над нами канадский самолёт. Он сбрасывает красный радиобуй. С корабля спускают шлюпку и доставляют его на теплоход. И только в шесть часов вечера мы взяли курс на восток.

Валентин с Сургутской ГРЭС: «Ты понимаешь, я там с первой забитой сваи, а сейчас там, ты не представляешь, уже

пущена первая очередь ГРЭС». В Монреаль он с десятью товарищами летел самолётом через Вену и Рим, где их никто не ждал, не встречал, не знал, без знания языка и копейки денег.

— Какое самое сильное впечатление? — спрашиваю.

— О, я думаю, Ниагара.

6 августа. «Судовое время 8 часов. Температура воздуха плюс 17, воды плюс 20 градусов. Глубина — 4100 метров».

— Какие твои впечатления? Поделись, — обращаюсь к Славику (из-под Саратова).

— Трудно. Вот когда подъезжали, может быть. Дома мне понравились, магазины, много машин, совсем не таких, как у нас. Всё это как-то произвело впечатление. Заходили в квартиру. Он работает в типографии, получает 700 долларов в месяц, за квартиру платит 200. Шесть изолированных комнат. Она не работает. Двое детей. Обстановка в квартире — сказка... А вот стадионные сооружения мне вообще-то не очень понравились, давят как-то. Сам стадион — да. Я спросил, что делает молодёжь. Веселится — ответили. Здесь каждый сам по себе. Вот он имеет лавочку, магазин рядом, там всё, что хочешь, и больше он никуда. Незачем. Улицы там всякие, секс — он с интересом от нас узнаёт. Продолжает:

— Престарелые — для них дома специальные. Если он работал, ему 40 долларов в месяц выдают на руки, кроме того. Пособие по безработице — 150 долларов в месяц. Лучше всех врачи зарабатывают — до 100 тысяч долларов. Неограниченная частная практика. В Торонто зашёл в магазин — я ведь языка не знаю. Она мне говорит что-то. «Русский я, русский», — твержу им. Она опять что-то. Уже выхожу, она меня догоняет, платок суёт, на кольцо показывает: жене, мол — я так понял...

И ещё одно интервью:

— Вот, мол, Канада, Америка, Олимпийские игры, техника. А тут... Воды простой нигде нет, везде кока-кола. И уж больно много у них бастуют. Метро останавливали. Думаешь, почему 50 центов стоит? Они забастовали, им зарплату накинули, и билет подорожал. С ума сошли на хоккее... Покупают и содержат территорию городскую очень хорошо... Студенты учатся с сентября по апрель. Они твёрдо убеждены, что приедут к нам на стажировку. Ещё на втором курсе учатся, а они уже едут... На всех соревнованиях болеют против нас. Даже

соцстраны. Канадские десятиборцы интервью давали: у нас, мол, спортсмены свободны, чем хотят, тем и занимаются. Поэтому нам против коммунистов трудно, у них всё запланировано, чем кому заниматься...

И ещё одно:

— Весь город серый. Всё просто. Организация хорошая. Ровное начало. Как объявлено. Вся обслуживающая публика на своих местах. Каждый в форменном красивом костюме. Табло рабочее великолепное. Акустика хорошая. Процесс сообщения начинается мелодией. Едешь — во всех спортивных комплексах флаги. Потом реакция зрителя на победителей — неважно, кто. Объективность зрителя. Алексееву устроили овацию. Жалкая кучка с флагами «Свободная Украина». Гостеприимство к нам. За значки пропускали. Канадцы хорошо относятся. Очень приветливы. На конных соревнованиях активность зрителей, сидят на пригорках. Ни единой бутылки на стадионах.

А вечером — демонстрация любительских фильмов. Ещё одно имя — Владимир Медведев. Он начал показ своих фильмов такими словами: «О жизни говорить трудно — высокие слова и пр. Но просто жизнь у каждого своя, и она кончается. А жизнь идёт. Каждый в ней должен совершить что-то яркое, достойное человека». И что, — думаю, — треплется? Но я не знала тогда ещё, что такое его фильмы. Их было три: «Творчество есть творчество», «Мелодия старого трамвая» и «Нам дана жизнь». Вчера ещё это был парень как все. Сидел рядом, попросил поддержать книгу, а сегодня... Во всех фильмах — любовь к людям, открытие человеком самого себя. «Чудеса можно делать своими руками», — вспоминаю я слова А.Грина. Спасибо!

7 августа, 6 часов утра. Солнце встаёт прямо по курсу теплохода. Краски утра. Сколько в них спокойствия, сколько добра и внутреннего света. В это чудное утро и должно быть что-то чудесное. Ну, конечно же, — впереди как-то необычно всплскивается стая дельфинов. Вот они почти одновременно совершили плавный взлёт, ещё один, ещё...

Подхожу к Володе, что вчера показывал фильмы. Он рассказывает о планах: «Хочу сделать фильм о развитии характера человека... Хочу создать кинотеатр наподобие театра “Современник”... Проблема музыки в фильме. Поль Мориа — как хочу

с ним встретиться! Хотелось бы узнать, откуда истоки такого духовного понимания? 27-й-концерт Моцарта — сама по себе божественная музыка, но в аранжировке Поля Мориа это чудо. Я думаю, Моцарт был бы согласен... О Канаде мне бы хотелось фильм не иллюстративный и не об Олимпийских играх (хотя материала на тот и другой фильм достаточно), а о Родине. Это такое ёмкое понятие... Если бы удалось объединить физическую и духовную красоту сближения в теме о любви. Найти гармонию. Мне хотелось бы показать это. Я смотрел секс — и здесь, и в других странах, в общем, это ведь правильно, это же тоже радости. Но без духовной близости становится противоположностью. Мы ещё не привыкли. И как воспримут ещё... И ведь как быстро идёт время. Мне уже 30, а я ещё ничего не успел...»

Вечер. Сумерки. Отсветы заката розовые на горизонте. А впереди ровная тёмная гладь океана и луна, почти полнолуние. Ничто не шелохнётся. Только стук мотора да всплеск волн, разрезаемых винтом теплохода. А вот и лунная дорога пролегла к ногам. Когда она уходит от моих ног и нигде не кончается, нигде — о, это особое чувство!

Интересно, если плыть по этой лунной дороге, то куда приплывёшь? Та-а-ак. Если впереди восток, то лунный путь приведёт в Африку, что ли? Ну конечно, в Африку. А в другую сторону, это куда же, в Гренландию что ли? А позади — Америка! Нет, надо хорошо себе уяснить, что это не Обское и даже не Чёрное море и что понятия «Африка», «Гренландия», «Америка» столь же осязаемы, как, скажем, домашние — Чомы или Завьялово. «Вот видите, качает теплоход; переваливается он с боку на бок — то дыхание океана...».

8 августа, 6 часов утра.

«Милостивый-то океан, а? Так идти — редкость большая, — дежурный убирает палубу, — смотрел сводку за вчерашний день, так здесь было шесть баллов...»

16 часов. Тепло, и океан спокоен. Но солнца нет. Сплошная завеса облаков. Я на носу корабля. Тёплый ветерок треплет волосы, обдувает ноги. Я хочу представить себя в пространстве, не на карте. Реально понять, что нахожусь в центре Атлантики.

Но как? Налево пойдёшь — коня потеряешь, Африку найдёшь, направо — может быть, так? Капитану ведомо чувство реальности. Океан — это не просто вода, по которой идём. Это

жизнь, способная нас уничтожить. И он знает его причуды. И берег-то этот не просто красивый, а такой, у которого могут быть ловушки. Надо чуть ближе к Швеции, подальше от Дании. Ну а мне? Как реальность эту понять, а? Даже Ниагарский водопад я вспоминаю, представив сначала географическую карту и себя на ней, а потом уже его вид.

Брось ерундой заниматься! Видишь, чайка летит? Слово тебе даю, что это над Атлантическим океаном. На горизонте впереди облака, так мы идём к Англии, к Ан-гли-и. Ясно? И видишь, чистят матросы шлюпки? И волны позади? И корабль, словно нехотя, переваливается сбоку набок. Видишь? Запомни: это в Атлантике. И если ты сегодня полдня просидела в баре, а потом целовалась — так это тоже над Атлантическим океаном...

9 августа. Ты когда-нибудь видел, как светится облако изнутри, а? Нет, не то белое и лёгкое, которое всё пропускает и золотится, а тёмное, заслонившее солнце красивым очертанием воина во весь рост? Мне удалось заглянуть только за самый краешек. Будто из воды сплошной причудливой стенкой поднимаются от горизонта пока ещё белые облачка. Они растут и заслоняют краски неба, но я-то знаю, что они есть, эти краски, нужно только слегка отодвинуть эти облака или отвернуть их.

Руководитель наших артистов на вопрос, как ему путешествие:

— Да что там, мы мало что видели. Всё с концертами. Монреаль мне мало понравился. Город какой-то грязноватый. Не сравнить с Оттавой. Там живут богачи. Вообще все эти экскурсии — познакомить с жизнью богачей. В Торонто мне понравилось. Университет какой: 40 тысяч студентов, 13 факультетов. Всюду чистота такая, порядок. Выступали мы там. Встречались с бывшими эмигрантами. Сильное впечатление. Некоторые хотели бы вернуться. Интересуются, спрашивают, как на самом деле в России. Так хорошо встречали. Или вот в олимпийскую деревню ездили. Кордон там такой. Часа полтора проходили. Тоже разговаривали с эмигрантами. Там много у входа людей: встречаются, значками обмениваются. В доме-то самом не были. Площадка эстрадная на каком-то месте болотном. Обычно бывает малолюдно, нас предупредили. Ох, если бы вы видели! Через два выступления — полно народу. Не так, чтоб всё занято. Мест

там четыреста, может быть. Всё приходили спортсмены — и японцы, и африканцы все вместе. Хорошо принимали... В Монреале — что ж, магазины на Святом Лаврентии (а-а-а, Яшкин-стрит, да?). Там ведь все бывшие эмигранты — украинцы, евреи. Ох, посмотрелся я на эти магазины...

У Перова в последний день окно выбили — «Хай живе вільна Україна!» — повесили. На соревнованиях я мало был. Но вот игра волейболистов наших с поляками, финал, — вот это да! Помоему, ни одного равнодушного в зале. Наших человек сто, наверное. Старались перекричать 16 тысяч, да-а-а. А вот на стадионе большом олимпийском мне не понравилось. Хорошо, что ж, хоть все едем домой. Что там говорить... Все до единого.

Валера:

— Чувство родины, говоришь? Я вот тебе скажу, это когда мы подходили к Квебеку, озарённому огнями, все мы высыпали на палубу. И вдруг высвеченный высоко над берегом флаг Советского Союза и гимн несётся по Святому Лаврентию. И вот тогда что-то заныло внутри...

Тёмная ночь. Полнолуние. От морской пыли губы всегда солёные, да и руки — тоже. Стою на носу. Вокруг — ни души. И вдруг голос: «“Летучего голландца” ждёшь, я знаю. Подожди, я сейчас сбегая, у меня коньки есть. Лунные. Прямо вот по этой дороге ему навстречу...» Это Стас. «Хорошо, давай скорее, я подожду...»

Ты знаешь, о чём поёт ветер в ушах, когда ты подставляешь ему всё лицо? О чём поёт ветер в ушах, когда корабль будто скользит по глади океана? О чём поёт ветер в ушах, когда руки протянешь к лунной дороге через океан?

10 августа. Судно вошло в пролив Ла-Манш.

— Самое сильное впечатление?

— Да нет их у меня. Разве что Ниагарский водопад. Солнце было и такие краски. Он весь переливался. Но вот что меня поразило — это невежество. Я у одного спрашиваю, как называется этот городок по ту сторону водопада. А он: не знаю. У канадки, понимаете, у канадки спрашиваю, как называется вот этот канадский посёлок, она говорит, не знаю, вот надо спросить. Потом у другого спрашиваю, откуда течёт Ниагара. Не знает. Хотите я вам расскажу? Немая сцена, как в гоголевском «Ревизоре». Торонто понравился. Сказочный город. Восемь часов мы по нему

бродили. Какие дома, церквушки, какие парки, а! А реклама! И всюду ухоженность. Не то, что в Монреале. А небоскрёб там из сплошного стекла, видели? Ни единого перекрытия...

— Дороги, машины, газоны, — это произвело одно из самых сильных впечатлений, — Толик из Сегежи, — а ещё вежливость, спокойствие людей.

11 августа. Смотрю на «уэзэ рипот» (сообщение о погоде) и улыбаюсь:

9 августа глубина 4100 метров.

10 августа глубина 150 метров.

11 августа глубина 45 метров.

И до Ленинграда всего лишь 795 миль.

12 августа. Море так спокойно, что не чувствуется даже обычной ряби. «Я сорок лет плаваю, но такого Северного моря ещё не видел, — говорит дежурный, — вам удивительно повезло».

5 часов утра. Постепенно, минута за минутой, словно сказочное царство поднимается из воды. Золотятся тучи, в золотой окантовке уже самый низкий плотный слой их, что прячет солнце. Но вот уже очень скоро они его выпустят в чистое небо.

А что это за плавающие дома к нам спешат навстречу? Нет, мне показалось, это огромный белый корабль — «Давид какой-то» написано. На палубе ни души, даже помахать некому. Рассыпано множество маленьких баркасов, — 29 я насчитала в поле зрения.

Совсем близко полоска Швеции. Сопки, покрытые зеленью, ярусами небольшие домики с крышами кирпичного цвета. Всё это вместе удивительно напоминает белые грибы в лесу, где ножки — дома, а шапки — их крыши.

Барк «Крузенштерн». Самые высокие мачты в мире. Долго шёл он перед нами, постепенно мы нагоняли его, и вот он медленно удаляется от нас, от меня. словно прошло, промелькнуло детство. Но его не удержать. Прощай, и... взять тебя не могу.

14 августа. Ну вот, завтра утром — Ленинград.

23 часа. Музыкальный салон. Последняя ночь на теплоходе. Музыка, танцы.

— Можно вас? — решительно преграждает дорогу, — позавчера вы подарили мне и моим товарищам вечер. Читать Экзюпери — это не то, что читать Пушкина или Лермонтова, ведь здесь надо говорить с Маленьким Принцем... Спасибо — хочу сказать вам... Вы помните, он сказал, что человеческое обще-

ние — это самая большая роскошь. По-грузински это звучит так... Я вышлю вам книгу, свой экземпляр, первый, вышедший у нас на грузинском языке... Как пусто кругом, как надоели мне бездарность, пустые улыбки. Я потом для себя решил: нет, мы не имеем права не встретиться, не поговорить.

К нам подходят его друзья. Он обращается к одному из них:

— Ты узнаёшь её, а? Ты узнаёшь, кто она?

— Да.

— Да, ты прав, это она. Принеси нам, а?

И тот приносит четверть стакана водки и два глиняных бокала с грузинским орнаментом...

— Друзья мои! Я предлагаю тост за неё и Красоту. Вы видите эти бокалы. Здесь выжжены слова Шота Руставели «Всё отдай, прежде чем что-нибудь получишь». стакан идёт по кругу. Пригубливается каждым. Но перед этим согласно грузинскому обычаю, каждый произносит тост.

Он берёт в руки стакан: «Мы все не видим многого. Сколько красоты нами не увидено. Мы смотрим и не видим, как будто вовсе и не мы были. За Красоту, которая была, но к которой мы были слепы... За розы, что цвели без нас, для нас... Мне нравятся люди простые, которые, может быть, никогда и не слышали ни об Экзюпери, ни о Бахе, ни о Полиашвили. Это мастера, видящие красоту в обычных предметах. Они не рассуждают о красоте, они её творят...».

— Вы уходите? Прошу вас...

P.S.

Эта книга написана и увидена глазами человека, заглянувшего за «Железный занавес». То было время, когда казалось, никому и никогда нельзя будет увидеть, как живут люди за пределами нашей страны.

Я задавала один и тот же вопрос многим, кто был рядом со мной на корабле. Вопрос этот — какое самое сильное впечатление от поездки в Канаду, что поразило? Настало время задать этот вопрос самой себе. Я только что сошла с трапа теплохода и вступила на родную землю. Сажу на скамейке возле Казанского собора. Жадно вглядываюсь в лица прохожих. Невесёлые, не улыбочивые. Женщины с тяжёлыми сумками... Все спешат.

Я смотрю и смотрю на проходящих мимо меня озабоченных, угрюмых людей. Глаза, опущенные долу... Сострадание к ним. Такая тоска на сердце... Жгучая боль видеть правду о себе... Не выдержала — разрыдалась...

То, что я увидела, и осталось самым сильным впечатлением от моей поездки в Канаду.

ГЛАВА 2. МОИ УЧИТЕЛЯ

Мои дневниковые записи, оригиналы писем Святослава Николаевича Рериха, Зинаиды Григорьевны Фосдик, Павла Фёдоровича Беликова, Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, Иржи Пржидалы теперь хранятся в Государственном музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге.

У рубежа неземного.

Людмила Андросова. Алтай, 2014 г. Фото В. Волкова

«Мои Учителя» — так называется книга Зинаиды Григорьевны Фосдик. В основе её лежат дневниковые записи, уникальные записи её каждодневной работы и общения с Учителями — Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами. И вот эту свою главу я тоже назвала «Мои Учителя» и посвятила её памяти Зинаиды Григорьевны Фосдик. Глава эта — о людях, что вели и поддерживали меня на путях моей жизни, о людях, которые верили в меня, доверяли мне, возлагали на меня свои надежды. Сумела ли я оправдать их доверие, претворить в жизнь то, что мне было дано? — задаю я себе этот вопрос.

**Памяти ЗИНАИДЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ФОСДИК,
верного друга и соратника семьи Рерихов
ПОСВЯЩАЮ**

Передо мной письма Зинаиды Григорьевны Фосдик. «Дорогая другиня дальняя...» — обращается она ко мне и заканчивает словами: «В духе с Вами». Заканчивает совсем так, как Елена Ивановна Рерих заканчивала свои к ней письма. И я ощущаю преемственность: вот Елена Ивановна пишет Зинаиде Григорьевне, а вот она — мне и в моём лице — всем труженикам горячо любимых ею Сибири и Алтая. И гордость за сопричастность к тому сокровенному, что стало делом жизни Зинаиды Григорьевны. Пронести и передать эстафету как полную чашу. Донести нерасплесканной. *«Я и мои сотрудники твёрдо считаем нашу работу с Вами продолжением духовной связи во имя будущего»*, — пишет она мне в 1979 году. *«Обнимаю Вас и крепко целую, идите, как всегда, путём Света»* — так прозвучало для меня её напутственное слово в мае 1981 года.

*Зинаида Григорьевна Фосдик.
Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, 1978 г.*

1. Встреча с З.Г.Фосдик в Москве, 1974 год

Впервые я встретила с Зинаидой Григорьевной в октябре 1974 года. Это была группа сибиряков, как и я, приехавших на празднование 100-летнего юбилея Н.К.Рериха в Москву. Встреча произошла в её номере гостиницы. Зинаида Григорьевна просит рассказать о Сибири, о любимом ею Алтае. Женя Маточкин только что вернулся с юбилейного восхождения на пик Рериха (август 1974 г.), он рассказывает об этом восхождении, о Белухе, матери Алтайских гор. Зинаида Григорьевна жадно ловит каждое слово.

Ловлю и я. Она говорит о великом значении Знамени Мира, поднятого Н.К.Рерихом над планетой, и просит Знамя это держать высоко. Советует ещё раз побывать на Белухе. *«Белуха, — говорит она, — не просто гора, не просто вершина»*. Она советует нарисовать символы Знамени Мира прямо на камнях, на самой вершине Рериха и на подступах к ней.

*Юбилейное восхождение на пик Рериха.
Слева — руководитель восхождения Евгений Великанов,
рядом с ним — Евгений Маточкин. 1974 г.*

Зинаида Григорьевна рассказывает о своём пребывании на Алтае вместе с Рерихами в 1926 году. Её огромные глаза зажигаются светом, который проникает в душу, и чувствуется, как дорог ей Алтай, как дороги все воспоминания, связанные с её пребыванием там... Я заворожённо слушаю её слова. Они звучат для меня величайшим откровением. Тогда впервые я услышала об Учителях, о тесном общении Елены Ивановны Рерих с ними, о теперь хорошо известных подробностях её повседневной жизни. Зинаида Григорьевна говорит о постоянном устремлении, о возможности нашей быть причастными к новому строительству... Дух захватывает от её слов...

Что могу сделать я? Смотрю на тех, что рядом со мной. Вот Наталья Дмитриевна Спирина — у неё есть книги Учения Живой Этики, Женя Маточкин — мой постоянный спутник в альпинистских восхождениях на Алтае. Возвратившись только что оттуда, где принимал участие в съёмках фильма о Рерихе, он просто весь горит желанием провести силами сибирских учёных первую в нашей стране конференцию «Рериховские чтения». Сколько с ним обсуждено, передумано, сделано, пройдено. Там, в Сибири, в Академгородке, у себя дома вместе с Женей мы обсуждаем возможности широкого изучения научного наследия всей семьи Рерихов, обсуждаем пути и возможности заинтересовать учёных Сибирского отделения Академии наук, ознакомить их с научными работами Рерихов и в первую очередь — с исследованиями созданного ими в Гималаях научно-исследовательского института «Урусвати».

Алтай... Мною пройдено множество горных массивов, много совершено горных восхождений высшей категории сложности — Кавказ, Тянь-Шань, Памир. Всего лишь несколько месяцев назад (июль — август 1974 г.) я побывала на Памире — там, на Крыше Мира, я стояла на покорённой нами вершине, на высоте 6075 метров, немея от восторга, гордая и счастливая тем, что удалось совершить своими собственными руками и ногами. Наш поход был заявлен на первенство Москвы, и мы получили серебряные медали (руководитель — мастер спорта Алексей Харченко).

И вот сейчас Зинаида Григорьевна рассказывает об Алтае, а передо мной встают картины только что пройденного маршрута и охватывает то чувство полёта, которое я испытала на своём ше-

ститысячнике. Я до сих пор ощущаю на себе розовое сияние закатного солнца — того самого, что окутало нас на огромном плато на высоте 5500 метров — месте нашего промежуточного лагеря. В этих лучах солнца всё вокруг было пронизано глубоким розовым светом. Изумлённая, я смотрю на свои руки, на лица ребят, на ослепительный снег горных вершин — всё сияло, всё излучало розовый свет, — он, казалось, шёл изнутри нас самих.

Такое сияние я видела раньше, оно окаймляло далёкие горные вершины и уводило взгляд за горизонт. Но теперь мы находились в этом самом сиянии, внутри него, и всё, куда бы ни падал взгляд, было пронизано им... Сняв рюкзак, я медленно-медленно отхожу от группы и с чувством глубокого благоговения опускаюсь на колени в немой молитве... А позднее уже по возвращении из похода я увидела репродукцию картины Н.К.Рериха «И мы не боимся» — и там, в таком знакомом мне розовом свете, купались горные вершины, высокогорное снежное плато, отшельники, и совсем рядом с ними медведь... Сейчас, когда Зинаида Григорьевна рассказывает об Алтае, я всё ещё ощущаю этот свет каждой клеточкой своего тела. И твёрдая уверенность: я пойду на Алтай, я взойду на пик Рериха, на саму Белуху.

Н.К.Рерих. «И мы не боимся»

Всё так и случилось. Через несколько месяцев, весной 1975 года, мой друг Евгений Великанов, сильный и бесстрашный, собирает спортивную группу на Алтай, чтобы совершить горнолыжный поход по самому сердцу Алтая к массиву Белухи. У Жени большой опыт: два года назад он возглавил группу участников первого зимнего восхождения на Белуху. Именно тогда на пик Рериха ребята вознесли чеканный портрет Николая Константиновича и оставили сшитое полотнище Знамени Мира. Он соглашается взять меня, чему я несказанно рада и счастлива.

Нас четверо, и мы все работаем в Сибирском отделении Академии наук. Мы посвящаем наше восхождение 30-летию Победы советского народа. Знаменателен тот факт, что в мощном массиве Белухи почти плечом к плечу стоят пики, один из которых имеет название Разоружения, а другой — Рериха. Нашим маршрутом предусматривалось восхождение на пик Разоружения и пик Рериха, а также первопрохождение нового перевала, ведущего к пику Рериха, — этим перевалом открывается новый, доселе неизвестный, путь на пик Рериха с западной стороны.

Для меня этот поход стал новой ступенью, на которой рождались смелость и мужество. Я видела как куётся мужество, как рождаются выносливость и бесстрашие. Я воочию убедилась, что мужество и бесстрашие воспитываемы: если считаешь, что их не имеешь, не падай духом — ты можешь ими овладеть. Я увидела и поняла, как велик и мощен человек, как многое он может, какие могучие силы рождаются в экстремальных ситуациях.

Мы планировали однодневный радиальный выход на пик Разоружения и потому взяли с собой только самое необходимое на один световой день, оставив на леднике у подножия пика палатку со всеми тёплыми вещами. Вот как записано это у меня в дневнике в марте 1975 года:

«Выходим рано на рассвете. Один маленький рюкзак на всех. С продуктами на сегодняшний день. Надеваем кошки. Выходим. Навстречу солнцу, которое вот-вот выйдет из-за горной гряды, куда идёт наш путь вверх.

И уже через несколько часов подъёма сталкиваемся с почти 200-метровой ледовой стенкой перевала — это было для нас не-

ожиданно. Уже смеркалось, когда мы вышли на перевал. Но времени на спуск уже не было, — это заставило нас спуститься на верёвке в ледниковую трещину, где можно было только стоять, прижавшись друг к другу. Так мы и простояли в 30-градусный мороз в течение 12 часов!

Морозный рассвет. Вверх по верёвке из трещины. Тихо-тихо. Прозрачный синий воздух. Ясно. Чуть поднимаемся к туру. Выходим на перевал. Уже появились предвестники солнца — рдеющие невесомые розовые облачка на востоке. И Белуха. Прямо перед тобой, ты на уровне её вершин, гордо вознёсшихся к небу.

Белуха уже в облаках. Идём вверх к гребню, к пику Разоружения. Каменная, не очень крутая осыпь. И постепенно поднимаемся над всем Алтаем. И удивительно: сделаешь шаг — всё меняется. Взглянешь — открывается новый вид. Яркое солнце. Заглянешь за гребень — и видишь новые цирки, отливающие синевой ледники, сверкающий снег. И ты. И солнце. И ветер.

На гребне сильный ветер... И снова вверх, теперь уже все вместе со страховкой. Наконец-то! Пик Разоружения! 3772 метра.

Белуха — напротив протянула две иглы к небу, тянется гордая, сверкает своей белизной, светит нам. Неприступная северная сторона, двухкилометровая стенка перед глазами. И всё кругом горит цветами разными, разукрасилось, голубые и фиолетовые дали... Словно ты поднялся на крыльях и кто-то держит.

Теперь вниз, но снова этим путём — по ледовой стенке после бессонной ночи?! Мы просто не решились, и идём по гребню пика Разоружения в поисках менее опасного спуска. Однако поиски оказались тщетными. Этот гребень местами был столь узок, что можно было с трудом поставить одну ступню, а по обеим его сторонам — пропасти. На одном из таких участков я сорвалась, неловко зацепившись кошками одна за другую. Но страховка (Женя страховал через ледоруб) выдержала, хотя ледоруб вскоре на наших глазах буквально разломился пополам. И неожиданно гребень, по которому мы надеялись спуститься, оборвался стеной. И вот мы стоим, оторопев, перед отвесной стеной, и тогда Женя сказал: «Ребята, соберите мужество, пойдём назад».

И только в середине дня подошли к месту, откуда поднимались с рассветом на пик, — к перевалу, месту нашей холодной

ночёвки. И Женя принимает решение спускаться по нашим же ступеням в наиболее опасной центральной части ледовой стены. Он идёт последним, снимая верёвку с крючьев. Усталость есть, но она не чувствуется — нужно дойти; страха нет, потому что всё страшно и всё опасно. Дойти, дойти, дойти — только одно-единственное устремление. В сумерках спускаемся на ледник к оставленной нами палатке. Но снимаем её и решаем идти на спуск к Аккемскому леднику, у подножия которого расположена метеостанция — уже наступает контрольное время.

И только в третьем часу ночи подходим к метеостанции, в свете огромных прожекторов, ибо ребята начали поиск: истёк контрольный срок. Позади 40 часов напряжённой опасной работы, без сна, без отдыха, без еды, позади холодная ночёвка в трещине ледника. Как много, оказывается, можно вынести! И откуда только берутся дотоле неведомые силы?! И гордость за себя, за своих друзей.

После кратковременного дневного отдыха идём на перевал к пику Рериха. И снова ледовая стенка, и снова рубка ступеней. Только на этот раз вместо яркого солнца — снежная пурга, а за плечами — тяжеленные рюкзаки и лыжи на пристёжке. Ничего не видно из-за пурги. Жестокий, колющий ветер мгновенно покрывает лицо ледяной коркой — то и дело приходится оттирать её руками. Наконец мы на перевале — перемычке, ведущей к пику Рериха. По праву первопроходцев даём ему имя Победы, или перевал Рериха. Это так символично — через перевал Победы к пику Рериха.

Необычайной силы шторм с колющими ледяными брызгами. Что делать? Либо остаться здесь и переждать шторм, либо собрать все силы и мужество и идти. Решили идти вперёд, на встречу неизвестности. Пройти перевал. Буквально скатываемся по ущелью на запад. И здесь, стоя на многометровой толще снега, на огромной отвесной скале в конце ущелья, у поворота на ледник я рисую изображение Знамени Мира той самой красной акварелью, что Женя Маточкин дал мне перед восхождением. Так был исполнен завет Зинаиды Григорьевны и начертан путеводный знак на пик Рериха».

По возвращении с этого алтайского восхождения на пик Рериха мы стали готовить первую в нашей стране всесоюзную конференцию «Рериховские чтения».

2. Первая конференция «Рериховские чтения», 1976 год

Этот текст появился как завещанная мне просьба Евгения Маточкина перед его уходом из жизни — восстановить историю «Рериховских чтений» и Рериховского движения.

Памяти ЕВГЕНИЯ МАТОЧКИНА

*Организаторы и устроители, благодаря усилиям которых были
проведены первые в нашей стране «Рериховские чтения».*

*Слева направо: Е.П.Маточкин, Л.А.Андросова, Л.В.Шапошникова,
Л.П.Окладников, П.Ф.Беликов, М.И.Качальская, В.Е.Ларичев,
В.Я.Кашкалда, Н.Д.Спирина.*

1976 г.

Многие из тех, кто принимал непосредственное участие в подготовке и проведении первых «Рериховских чтений», кто творил и создавал их, сегодня не с нами. И потому написать о них — мой долг, моё видение происходившего, моё субъективное видение, основанное не только и не столько на воспоминаниях о том периоде жизни, сколько на моих дневниковых записях, живых записях тех лет.

Сибирское отделение Академии наук... И это совсем не случайно, что именно здесь в Сибири, в новосибирском Академгородке, где как ни в каком другом месте нашей страны, царит дух вольномыслия и свободы — именно здесь и зародилось Рериховское движение, откуда потом пошло по всей русской земле... Учёные Сибирского отделения, академики, доктора наук — философы, историки, лингвисты, медики, физики, да разве можно перечислить всех! А какие имена — академики М.А.Лаврентьев, А.П.Окладников, В.П.Казначеев, А.Л.Яншин! Это они, сибирские учёные, и стояли у истоков Рериховского движения.

Сама идея провести в Сибирском отделении Академии наук всесоюзную конференцию и ознакомить учёных с научными трудами созданного Рерихами в долине Кулу Гималайского научно-исследовательского института «Урусвати» — принадлежит Евгению Маточкину, тогда научному сотруднику Института ядерной физики СО АН. Это он в начале 1974 года организовал в новосибирском Академгородке очень небольшую группу — как он сам говорил, команду — по подготовке всесоюзной конференции. Нас было трое в этой группе: Е.П.Маточкин, Н.Д.Спирина и я.

Слева направо: В.И.Ларичев, В.Л.Яншин, Д.Рани-Рерих (сидят); Л.А.Андросова и С.Н.Рерих (стоят). Москва, 1984 г.

*Команда по подготовке всесоюзной конференции
(слева направо): Л.А.Андросова, Е.П.Маточкин, Н.Д.Спирина.
Фото В. Волкова, 1979 г.*

И совсем не случайно также, что именно в это время я работаю в аппарате президиума Сибирского отделения Академии наук учёным секретарём (1969–1984 гг.). Арнольд Константинович Романов, тогда заместитель главного учёного секретаря, наверное, и сам недоумевал, почему он приглашает меня, молодого и никому не известного тогда научного сотрудника, только что защитившего кандидатскую диссертацию, на эту высокую должность. Недоумевала и я.

Что отличало меня — так это энергия, бывшая через край. Это проявлялось даже в том, что я не ходила, а бегала, не бегала — летала. Я и не догадывалась об этом, не замечала, это было так естественно. Сотрудники аппарата президиума, мои коллеги, много старше меня, относились ко мне с чувством глубокой доброжелательности. Была ещё одна причина для этого. Каждую весну водила я своих коллег на Тянь-Шань, где в высокогорных долинах горят на снегу тюльпаны. Большинству моих коллег имя Рериха ни о чём не говорило. И как тут не вспомнить наши разговоры у костра, чтение стихов Н.К.Рериха, которые я так любила, жила ими и знала наизусть. Всё это становилось

почвой, на которой возникало чувство доверия и взаимного уважения. И хотя мне приходилось впоследствии и убеждать, и доказывать, и разъяснять, но в целом коллеги по аппарату шли мне навстречу. И, достаточно хорошо представляя «кухню» аппарата президиума, я могла реально повлиять на ход событий.

Хорошо понимаю, что судьба определила мне быть здесь, поставила меня быть пусть небольшим, но очень важным звеном в бюрократической машине аппарата президиума, тем звеном, без которого ей трудно было бы двигаться в желаемом направлении. По праву занимаемой мной должности я могла не только обсуждать организационные вопросы со своими коллегами, но и непосредственно помогать их решению на уровне директоров институтов Сибирского отделения и его президента. И я знаю по себе, сколько сил, энергии и знаний требовалось, чтобы убедить своих, особенно, московских коллег в необходимости активного содействия в проведении рериховских конференций, не имевших до того аналогов, и проведения их на всесоюзном уровне.

С Женей Маточкиным мы познакомились в самом начале 1970-х. Задолго до этого, будучи студенткой МАИ, я принимала участие в восхождениях, ходила в горы. И сияние горных вершин, их величие не просто проникали в мою душу, а становились её сутью. Мне и сейчас достаточно просто увидеть вершину, чтобы встать на неё и с высоты посмотреть на весь окружающий меня мир и на себя саму. Тогда, в горах Алтая, Женя и нашёл меня. Нашёл и высоко поднял: лети, мол...

К Наталье Дмитриевне Спириной же у меня было отношение очень неоднозначное. В Доме учёных новосибирского Академгородка она проводила беседы о творчестве Николая Константиновича Рериха, показывала слайды с его картин. Перед слушателем открывался духовный мир Рериха, проникал в душу, и ты уже сам стоял на этих вершинах, и радость жизни переполняла тебя. Всё это вызывало искреннее восхищение и благодарность собравшихся. Но не всякий мог стать участником бесед Натальи Дмитриевны. Она не допускала никакого инакомыслия, в отношениях с людьми проявляла некий, я бы сказала, фанатизм. Это отталкивало учёных. Павел Фёдорович Беликов в своих письмах к Наталье Дмитриевне (см. трёхтомник его писем «Непрерывное восхождение», Мо-

сква. МЦР, 2001–2003 гг.) с исключительной осторожностью и деликатностью, как хирург больному, указывал ей на это. Он предупреждал и своих корреспондентов.

Женя рассказывал мне о Наталье Дмитриевне, её жизни в эмиграции в Харбине, о книгах Учения, которые она сумела отсюда вывезти. Он всегда говорил о ней очень тепло, с некоторым душевным волнением... Через несколько лет, когда я увидела журнал, издаваемый Натальей Дмитриевной, то была поражена, что в статье, посвящённой «Рериховским чтениям», не было почти ни слова о Жене. Ну ладно, подумала я, — я уехала, и обо мне забыли, но Женя, Женя, так вскользь упомянутый... Я не знала, что могло произойти, но чувствовала — что-то случилось.

Шли годы... В декабре 2008 года я послала Жене рукопись статьи «Мои Учителя». Сделав ряд поправок и уточнений, он далее пишет (28 декабря 2008 г.): «...Ты всё красиво написала. Правда, создаётся впечатление, что все события, наши Чтения происходили сами собой. Ведь П.Ф., Н.Д., мы с тобой — были одной командой. А как Окладников помог! Может, напишешь об этом...» 31 декабря 2009 года Женя сообщает: «...Нынче в ноябре прошли “Восьмые Рериховские чтения”, наши с тобой. Конечно, они ничего не знают, называют организатором только Н.Д., иногда добавляют Окладникова. Однако я при случае рассказываю про нашу команду...»

За два месяца до ухода из жизни Женя присылает мне три письма, одно за другим. Это было так необычно и так глубоко радостно для меня: мы переписывались редко, иногда с большими перерывами. Из первого письма от 2 ноября 2012 года: «Мне пришла мысль, что пора писать историю наших “Рериховских чтений”... Вообще хорошо, чтобы ты написала, как мы готовили Чтения, а то сейчас считается, что их организовывала Н.Д. и больше никто ничего не знает. Про себя мне пока писать не хочется. Может ты что-нибудь напишешь. А я — про тебя немного... Сегодня прилетел из Мадрида. И по дороге в небесах думал, что надо бы восстановить историю. Вот было время!» 10 ноября 2012 года в ответном письме Женя благодарит меня за присланные материалы и вновь: «... И всё же, попробуй написать, как готовились наши чтения. Что делал Ларичев, что — ты, что — я? Помнишь, ты мне говорила: “Женя, вот такое-то письмо надо подписать у Окладникова, тогда всё пойдёт”».

Избранный Натальей Дмитриевной круг почитателей был во многом зависимым от неё. Женя же был свободным. Потому и разошлись их пути в последние годы её жизни. Я не знаю причины, по которой это могло произойти, могу только догадываться. Но вот что я хочу сказать. У каждого человека, я думаю, есть свои так называемые «невозможности», есть свои слабости, но пусть слабости эти не заслонят его величия. Наталья Дмитриевна Спирина была одним из тех немногих людей, кто жизнь свою положил во имя открытия духовного наследия Рерихов: страждущим, ищущим своего назначения в жизни. Она делала это как могла и умела.

Руководителем нашей команды в те годы был Павел Фёдорович Беликов, который опосредованно, через Святослава Рериха, направлял всю деятельность группы. Бесценны его консультации и поддержка, так же как и его уникальный архив, опыт и знания, которыми он щедро делился. Душой нашей группы, её стержнем был Евгений Маточкин. Именно через него Павел Фёдорович осуществлял своё руководство. Он был в курсе всего, что нами намечалось и проводилось, консультировал по всем вопросам, помогал определить состав участников конференции. Именно Павел Фёдорович снабжал нас (а через

Слева направо: П.Ф.Беликов, А.Н.Анненко, Е.П.Маточкин. 1976 г.

нас и учёных СО АН) необходимыми книгами и материалами, будь то книги Учения или научные труды института «Урусвати», изданные в ежегодниках, так называемый «Журнал Гималайского научно-исследовательского института Урусвати».

Внутри Рериховского движения в это время велась ожесточённая непрерывная борьба и защита своего понимания Учения от неправильных других. В разрешении тех конфликтов и противоречий, которые возникали среди рериховцев того времени, особую роль играл Павел Фёдорович Беликов. При нём прекращались все споры и разногласия. Достаточно было одного его присутствия, чтобы это случилось: так велико было к нему уважение. Он мог примирять казалось бы самые непримиримые стороны, и самые глубокие страсти стихали в его присутствии. С каждым он разговаривал на его языке, и каждому казалось, что он слушает только его и принимает только его сторону. Он был рядом с нами и над нами всеми. С ним мы становились мудрее и терпимее друг к другу. Он мог опуститься до тебя, но умел и поднять тебя на свою высоту. В его присутствии было так же легко и свободно, как и в присутствии Святослава Рериха. Эти два гиганта были сродни друг другу. И неслучайно бок о бок, рядом друг с другом в самом сердце Алтая стоят вершины, носящие их имена.

И вот моя последняя встреча с Павлом Фёдоровичем Беликовым незадолго до его болезни. Новосибирск. Академгородок. Я пришла к нему в номер гостиницы, где он остановился. Развернула на его кровати полотнище Знамени Мира, подаренное З.Г.Фосдик и принятое мною как восходителем на вершину Урусвати. Он склонился над Знаменем, положил свою широкую ладонь на него и, не отнимая руки, сказал мне: «Вот теперь мы будем общаться с вами через это Знамя...». И его долгий, внимательный на меня взгляд: понимаю ли?... И ни слова больше. То были последние его слова, обращённые ко мне в этой жизни. Осознала ли я сакральный смысл его слов — не знаю...

Павел Фёдорович был мудрым и талантливым дирижёром большого оркестра, которому можно уподобить Рериховское движение в нашей стране. С его уходом Рериховское движение потеряло точку опоры. Мы же, имевшие счастье знать его, быть с ним, работать с ним, осиротели, потеряли Учителя и Друга. Оркестр остался. Дирижёра не стало...

На титульном листе книги «Рерих» из серии ЖЗЛ, которую подарил мне Павел Фёдорович, есть старинная дореволюционная печать *«Из книгъ Беликова»* и его дарственная надпись: *«Сия книга снята автором с полки самого автора и подарена Людмиле Александровне Андросовой на долгую память о нём»*.

Да, Павел Фёдорович, на память долгую... Вечную память...

Как много замечательных людей прямо или косвенно принимало участие в организации и проведении первой в нашей стране конференции «Рериховские чтения». Она положила начало многостороннему изучению и исследованию великого наследия, оставленного нам семьёй Рерихов. И каждый внёс свой личный вклад, значение которого трудно переоценить. Только благодаря этим коллективным усилиям и стало возможным подготовить и провести наши самые первые «Рериховские чтения».

Нужны были усилия крупных учёных, академиков, которые не только сами были бы заинтересованы в проведении конференции, но и могли бы заинтересовать и убедить в необходимости её проведения руководство Сибирского отделения Академии наук. Мы с Женей хорошо понимали неотложность этой задачи и её сложность. Но судьба была к нам благосклонна. К этому времени Женя вплотную занимался изучением петроглифов, исследованием наскальных рисунков на Алтае. Тогда же через нашего общего друга Петю Лабецкого, историка, Женя познакомился с Виталием Епифановичем Ларичевым, доктором исторических наук. Круг научных интересов Ларичева был необычайно широк: востоковедение, искусство палеолита, астроархеология, палеокалендаристика. Это их чрезвычайно сблизило.

Через Виталия Епифановича Женя познакомился с академиком Алексеем Павловичем Окладниковым, директором Института истории, филологии и философии СО АН (позднее — Института археологии и этнографии СО РАН). Алексей Павлович проявил большой интерес к возможности проведения всесоюзной конференции и взял на себя всю ответственность за её организацию. Силой своего убеждения и своим авторитетом он добивался цели. А позднее организовал экспедицию в Гималаи к С.Н.Рериху.

Под председательством Алексея Павловича был создан оргкомитет конференции. Учёным секретарём оргкомитета становится Виталий Епифанович Ларичев. С его лёгкой руки конференция стала называться «Рериховские чтения». С этого момента оргкомитет возглавил всю работу по организации и проведению всесоюзной конференции. Была разработана её программа, определены основные участники и тематика их докладов. И с этого момента Женя и я встречались почти каждый день, помогая готовить необходимые бумаги — письма в инстанции, от которых зависело утверждение конференции, а затем следя за ходом их продвижения.

Это была первая в стране конференция, посвящённая творческому наследию семьи Рерихов, ещё малоизученному и малоизвестному. Такая конференция не имела до того аналогов. И сколько недоброжелательства, сколько предубеждения ко всему новому и необычному, сколько инертности надо было преодолеть на этом пути! Но то, что невозможно нигде, стало возможным в Сибири. И учёные Сибирского отделения АН сделали это! Алексей Павлович Окладников в год столетия со дня рождения Н.К.Рериха был назван основателем академического рериховедения.

«Рериховские чтения» создавались не на пустом месте. Почти за три года до нашей конференции, летом 1973 года в Доме учёных новосибирского Академгородка была открыта выставка работ Н.К.Рериха. Организовала её искусствовед Дома учёных Эльфира Паршина. На выставке было представлено свыше 150 работ Н.К.Рериха. Их Эльфира собрала как из частных коллекций, так и из государственных музеев, в том числе из Русского музея и Эрмитажа. Подробно об этой выставке рассказывает Алексей Анненко в своей статье «Жемчуг исканий» (журнал «Грани эпохи», №32 за 2008 г., г. Абакан). В частности он пишет: *«Невероятно в полной мере оценить труд организатора, которому удалось совершить, казалось бы, невозможное. Ведь до официального празднования 100-летия Н.К.Рериха оставалось ещё более года. Впервые в Советском Союзе после выставок, организованных Юрием Николаевичем Рерихом, творчество великого художника было представлено с такой полнотой».*

Из частных собраний на выставке демонстрировались любимые полотна Юрия Рериха из его московской квартиры, где

жила в то время Ираида Богданова. Я знала Эльфиру и была свидетелем травли, которую ей устроили. Как-де, мол, она, ученица Натальи Дмитриевны, посмела связаться с Богдановой, встречаться с Васильчиком и, даже более того, принять его помощь в организации выставки?! А ведь как права Татьяна Бойкова, которая написала вот эти слова: *«... сделать такую выставку — какой это сумасшедший труд, какая жертвенность и ответственность должны руководить этим человеком»*.

Летом 1975 года в том же новосибирском Академгородке проходит ещё одна выставка картин Н.К.Рериха из собраний Святослава Рериха. Какую огромную помощь оказали оба этих события, обе эти выставки, создав благодатную почву для проведения подготавливаемой нами конференции «Рериховские чтения»! Активное участие в проведении экскурсий по выставке приняла Наталья Дмитриевна Спирина. Большую помощь оказала также Вера Яковлевна Кашкалда, хранитель картин Рериха в Новосибирской картинной галерее. С энтузиазмом включилась в эту экскурсионную работу и я. Для меня это был праздник, который и поныне со мной.

Во время проведения этой выставки пришла телеграмма от Святослава Рериха о даре сибирским учёным картины

Н.К.Рерих. «Победа». 1942 г.

Н.К.Рериха «Победа». «В этой картине сочетались непоколебимая вера Николая Константиновича в Родину и прогноз великого будущего» — такими словами сопровождал Святослав Николаевич свой дар. Картина «Победа» стала для сибирских учёных своего рода символом грядущих побед науки в создании ценностей, проникнутых духом гуманизма и красоты.

Этому дару предшествовала удивительная история. То была идея Жени Маточкина — попросить Святослава Рериха подарить нам эту картину с выставки. Письмо, написанное на простом листе бумаги, адресованное Святославу Рериху в Бангалор, было опущено Женей в обычный почтовый ящик, что находился рядом с его домом.

В августе 2014 года я побывала в Доме учёных новосибирского Академгородка и попросила показать мне эту картину. Мне открыли дверь, и я вошла в тишину небольшой уютной комнаты. Это был малый зал заседаний с длинным овальным столом посередине и с креслами по обеим его сторонам. С противоположной стены, излучая сияние, смотрела на меня картина Рериха. Не помню, сколько времени простояла я перед картиной, окутанная её сиянием. Смотрела на картину и видела себя с зажатой в руке телеграммой, мчащуюся по лесной тропинке в выставочный зал, снова видела восторженные лица людей, принявших радостную весть. И вот теперь стояла перед этой картиной не в силах оторваться от неё и ярких видений прошлого.

За два года до открытия конференции «Рериховские чтения» на экраны страны выходит документальный фильм «Николай Рерих». И потекла к нам необходимая информация, получались новые материалы, новые знакомства. Одно из самых важных — с Ренитой Андреевной Григорьевой, честью и славой земли нашей русской. Это ею вместе с Л.В.Шапошниковой был создан этот замечательный фильм, что шествует по всей стране, открывая людям радость познания и узнавания великих соотечественников наших. Это именно она, Ренита Григорьева, вместе с мамой своей, Ниной Поповой, тогда председателем Комитета советских женщин, положила много сил и энергии, содействуя устройению празднования 100-летия со дня рождения Н.К.Рериха в Большом театре нашей страны. Это на её квартире в Москве, на Комсомольском проспекте, собирались все те,

кто нёс Учение в жизнь. Среди них и Павел Фёдорович Беликов, и Людмила Васильевна Шапошникова, и Людмила Степановна Митусова, и Валентин Митрофанович Сидоров и Фатей Яковлевич Шипунов и многие-многие другие. Сколько славных имён! И мне выпадала честь принять участие в таких дружелюбных, мирных совместных беседах. Передо мной открывались двери нового, дотоле мне неведомого мира. Это было место, где зарождались и обсуждались светоносные идеи. Здесь я находила располагающую мудрую поддержку, которая вдохновляла и окрыляла меня. И там я ощущала дыхание свежего горного воздуха и так хотелось жизнь свою «положить за други своя».

В фильме «Николай Рерих» с группой альпинистов снимался и Евгений Маточкин. Это он возносит там Знамя Мира на вершину Рериха. Сразу после окончания съёмок Р.А.Григорьева со всей своей съёмочной командой, прямо с Алтая по пути в Москву приезжает к нам в Академгородок. С этого момента Ренита Андреевна становится одним из главных консультантов в подготовке «Рериховских чтений», а фильм, ею созданный, явился одной из важных вех на пути их проведения. Не забудем также о том бесценном вкладе, который внёс в развитие Рериховского движения Валентин Митрофанович Сидоров, одна из книг которого «Семь дней в Гималаях», всколыхнула всю страну и породила многих подвижников Рериховского движения. А работа Ольги Владимировны Румянцевой в Музее Востока — это ли не такой же бесценный вклад?!

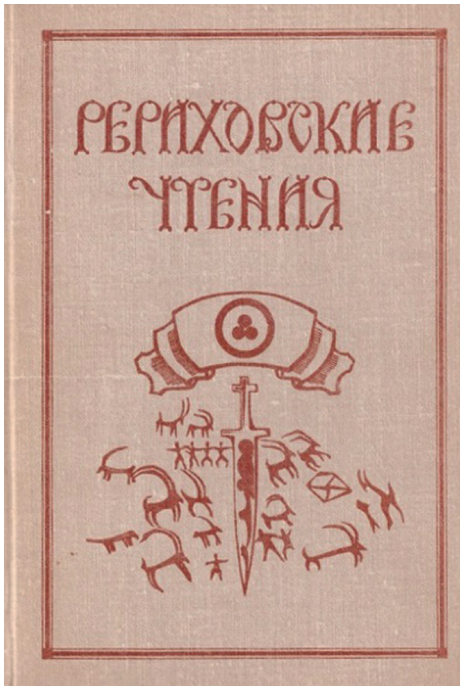
Первый сборник докладов «Рериховских чтений», прыгнувший в руки участников конференции перед самым её началом! Здесь следует сказать, что в то время проведение любой научной конференции на всесоюзном уровне должно было быть одобрено и разрешено как руководством президиума СО АН, так и руководством президиума Академии наук СССР, что было необходимо для утверждения конференции в статусе всесоюзной. Именно такой статус давал право на издание сборника докладов конференции. Сразу же возникло множество организационных вопросов и проблем, от своевременного решения которых зависели качество и сроки проведения конференции, а также включение её в план всесоюзных конференций.

Возникли проблемы и с изданием сборника, а так хотелось, чтобы он был выполнен на высоком качественном уровне и издан до начала конференции, а не после неё, как это было принято и к чему привыкли. То нет нужной бумаги, то нет ткани для обложки, то все типографии оказывались занятыми другой работой — так, по крайней мере, утверждал мой коллега, учёный секретарь по научно-организационной работе, когда я обращалась к нему за помощью. Тогда я попыталась решить эти проблемы с учёными секретарями институтов, где нужные нам ткани или бумага могли бы быть, встречалась с ними, убеждая их помочь. И всё потом находилось и, казалось бы, невозможное становилось реальным. И прямо из типографии я привезла эти так прекрасно оформленные сборники, ещё пахнувшие свежей типографской краской, прямо в конференц-зал за час до открытия конференции.

И каковы же были моё удивление и радость, когда несколько лет спустя я получила от своего бывшего коллеги по аппарату

*Сборник первых «Рериховских чтений».
1976 г.*

президиума Иннокентия Ивановича Щеглова (того самого учёного секретаря по научно-организационной работе, к которому я обращалась за помощью) небольшую бандероль с книгой Т.Калугиной «Пути восхождения», в которой она рассказывает о встрече со мной, и коротенькую записку самого Иннокентия Ивановича, вложенную в эту книгу: «Людмила Александровна, приятно, что СО АН оставило заметный след в делах и учении Рерихов, и большая заслуга в этом Ваша, Людочка! — Ваши альпинистские подвиги, Ваш труд по организации первой кон-

ференции в Сибири, посвящённой этим мудрецам!». Для меня слова эти прозвучали высшей похвалой и признанием, которые я когда-нибудь получала, ведь признание это пришло от моих коллег по аппарату президиума, тех самых, с которыми мне приходилось, условно говоря, сражаться: убеждать, разъяснять, доказывать. Так заразительно устремление, оно заражает даже самых, казалось бы, безнадёжных скептиков.

Сколько известных теперь всему миру докладов опубликовано в сборнике, какие славные имена! Предисловие к нему написано В.Е.Ларичевым совместно с А.П.Окладниковым. Читаешь его и словно воочию видишь, как на просторах Азии появляются всадники, участники Центральноазиатской экспедиции Н.К.Рериха. В разделе «Археология и история» особое место занимают доклады академика А.П.Окладникова «Н.К.Рерих и археология» и В.Е.Ларичева «У истоков верхнепалеолитических культур и искусств Сибири». В следующем разделе, «Искусство и культура», среди других статей опубликованы доклад Г.Рудзите «Картины Рериха в Художественном музее Латвии», доклад А.Д.Алёхина «Творчество Н.К.Рериха и Восток», доклад Л.Р.Цесюлевича «Алтай в творчестве Н.К.Рериха», доклад Н.Д.Спириной «Н.К. Рерих и музыка».

П.Ф.Беликов выступил на конференции с докладом «Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К.Рериха». Большой интерес вызвал доклад Л.В.Шапошниковой «Научная деятельность Н.К.Рериха в Индии». В разделе «Естественно-научные проблемы» опубликована статья Е.П.Маточкина «Космос в мировосприятии и творчестве Н.К.Рериха». В отдельном разделе сборника помещена подготовленная П.Ф.Беликовым «Библиография книг Н.К. Рериха».

В сборнике есть статья и Зинаиды Григорьевны Фосдик «На Алтае с Рерихами». Она выразила свою глубокую благодарность всем организаторам конференции и была очень рада увидеть свой доклад в этом, как она говорила, «историческом сборнике». Мне хотелось бы ещё отметить статью молодого архитектора Елены Лосёвой «К вопросу о проектировании Института востоковедения и Музея Н.К.Рериха в Новосибирске». Это был её дипломный проект. Когда в 1978 году я уезжала в Америку на встречу с Зинаидой Григорьевной Фосдик, Лена передала для неё макет будущего музея Рериха в Новосибир-

ске. Если бы вы могли только видеть, как горели и светились счастьем глаза Зинаиды Григорьевны, как восхищалась она талантом молодого архитектора и как надеялась увидеть такой музей, воплощённый в камне! Макет этот и поныне хранится в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

В сборнике «Рериховские чтения» есть и моя статья «Урусвати — СО АН СССР». В ней, используя материалы П.Ф.Беликова и Л.В.Шапошниковой, я попыталась провести параллель между деятельностью созданного Рерихами в Гималаях научно-исследовательского института «Урусвати» и деятельностью институтов Сибирского отделения АН. Стремилась выявить и показать их преемственность как основу для возможного дальнейшего сотрудничества. В те годы новосибирский Академгородок с его 22 научно-исследовательскими институтами, а также с Сибирским отделением Сельскохозяйственной академии наук и Сибирским филиалом Медицинской академии наук был поистине Городом Знания, о котором мечтали Рерихи. Я познакомила со статьёй председателя Сибирского отделения АН академика Г.И.Марчука, в тайне надеясь, что может быть он поставит рядом своё имя. Гурий Ивано-

*Людмила Андросова. «Рериховские чтения».
Фото А. Анненко, 1976 г.*

вич так внимательно посмотрел на меня, немного помедлил и сказал, что он мне полностью доверяет. Конечно же, понимала, что сделать он этого не может, но всё-таки... Хотелось знать мнение и реакцию руководства Сибирского отделения АН.

Совсем недавно мои друзья прислали мне видеозаписи последних проведённых в Новосибирске, девярых «Рериховских чтений» (2014 г.) Я с глубоким интересом и вниманием прослушала и просмотрела эти записи. Замечательная конференция! Но вот что хочу я сказать. Там была записана беседа директора Института востоковедения РАН с 1994 по 2009 гг. Ростислава Борисовича Рыбакова о его встречах со Святославом Рерихом. Сама по себе беседа эта удивительна и в некотором роде совершенно уникальна. И вот Ростислав Борисович рассказывает об одной из таких встреч и упоминает о том моменте беседы, когда Святослав вдруг говорит ему: «Сейчас сюда придёт одна очень интересная молодая женщина». «Забыл фамилию, — обращается Рыбаков к аудитории, — но, может быть, вы её знаете, она откуда-то отсюда, с Алтая, альпинистка...» И вдруг из глубины зала раздаётся голос: «Людмила Андросова!». «Конечно, да, конечно!» — подхватывает Ростислав Борисович. Моё сердце радостно забило — значит, меня там помнят, значит, не забыли! И вот сейчас я хочу сказать, нет, даже крикнуть, чтобы вы услышали: «Спасибо вам, дорогие друзья!».

А тогда, сразу после конференции, я послала Зинаиде Григорьевне сборник материалов, в котором была и её статья. С этого момента начинается наша активная переписка, которая продолжалась вплоть до последних дней её жизни. И почти в каждом письме — её страстное желание побывать на родине, побывать на Алтае.

«Мы рады узнать от Вас, что “Рериховские чтения” войдут в будущем в программу Академии. Надеюсь, что мне удастся приехать на родину в 1979 г. и присутствовать на будущей конференции», — пишет она в январе 1977 года. А в мае 1978 года она прямо обращается с просьбой и благодарностью: «Благодарю Вас за приглашение приехать на ваши “Рериховские чтения” в 1979 году — я сама мечтаю об этом. Если Вы сможете сообщить мне приблизительную дату этих Чтений, я постараюсь распределить здесь мою программу для возможности моего приезда. Ваши Чтения... глубоко интересуют всех сотрудников нашего Музея».

3. Встреча с З.Г.Фосдик в Нью-Йорке, 1978 год

Случилось так, что в октябре 1978 года неожиданно для себя я вновь встретила с Зинаидой Григорьевной. Это произошло в Нью-Йорке, в Музее Н.Рериха. То была группа молодых сибирских учёных. И встреча эта была незабываемой. Вот как описана она в моём дневнике (существует магнитофонная запись встречи — я подарила её Н.Д.Спириной).

«Время посещения нами музея совпало с часами, когда он был закрыт для посетителей. Предварительно мы позвонили и нас ждали. “Я счастлива приветствовать вас в этом доме, — такими словами встретила Зинаида Григорьевна нашу небольшую группу, — вы первые вестники Сибири, той Сибири, о которой Николай Константинович говорил как о стране великого будущего всех народов”.

После того, как мы оставили свои автографы в книге почётных гостей, Зинаида Григорьевна повела нас по залам музея. Редкие по красоте полотна предстали в тишине дома нашему взору. Ещё и раньше мы были знакомы с некоторыми из них по репродукциям, но созерцание красоты подлинников известных всему миру картин перехватывало дыхание. Мы очутились в мире одухотворённых лиц, светоносных гор, высоких устремлений. В центре зала — портрет Елены Ивановны Рерих работы Святослава Рериха. Поразительная духовная и физическая красота этой замечательной русской женщины словно магнит притягивает взор.

Взволнованно звучит рассказ о сюжетах картин и связанной с ними “великой миссии Женщины — Матери Мира, чья эпоха уже наступила”; о Шамбале — “стране, где люди учатся, мыслят, помогают и направляют и чьей легенде очень соответствует сибирское Беловодье”, о “величайшем единении человека с космосом, во время которого происходят так называемые чудеса — называйте это знанием”, о значении науки, стоящей на пороге открытия “новых космических законов”.

В витрине под стеклом — изданные музеем труды Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов. Только что вышла новая книга Н.К.Рериха “Шамбала”. Здесь же труды Елены Ива-

Музей Н.Рериха в Нью-Йорке.

Слева направо: сотрудница музея Л.Страва (Мила), Л.А.Андросова, З.Г.Фосдик

новны, изданные во Франции, Бельгии, Португалии, Швейцарии, Болгарии. Рядом — советские издания книг Н.К.Рериха, среди которых почётное место занимает тот самый сборник “Рериховские чтения”, который был издан нами в 1976 году.

На отдельном стенде — фотография Знамени Мира на фоне Белухи. “Я перевела ваше последнее письмо о восхождении вашей группы на Урусвати с замечательным посвящением Елене Ивановне Рерих, — обращается Зинаида Григорьевна, — и отправила друзьям в Америке и в других странах. Какие замечательные люди живут в Сибири! Мы гордимся всеми вашими успехами и достижениями”.

“У нас в Америке, вы, вероятно, и сами успели это заметить, — говорит Зинаида Григорьевна, — мораль упала очень низко, повсюду банкротство, духовное обнищание. Николай Константинович Рерих говорил, что будущее всех народов связано с Россией, и ещё он сказал очень важную вещь: “Россия поведёт все народы”. И этим мы живём в Америке и стремимся к будущему. Судьба определила нам быть здесь. И это очень важно, потому что наш музей — это звено, именно звено культурное — между вашей страной и Америкой. Я чувствую, что поставлена, чтобы охранять здесь это звено, я — одна русская

между американцами. И мы никогда не забываем то прекрасное и великое, что нам дала Родина, именно в смысле воспитания духа, в смысле устремления к прекрасному, ко всему тому, чем человек жив, именно человек жив не хлебом единым.

Прошу передать от имени всей нашей американской группы, прекрасных людей, которые тоже любят Россию, думают о России, — я с ними беседую о России, и мы трудимся здесь, говорим и мечтаем о том будущем, когда не будет разделения между народами и когда будет Учение духа — называйте его Ленинизмом. Когда Николай Константинович сюда прибыл, он хотел ознакомить Америку с русской культурой. И он это делал очень широко. Его замечательные картины, которые были тогда показаны, указывали на величие Старой Руси и возможности Новой Руси. У нас есть целый ряд превосходных английских книг, в которых он писал, что есть Россия, значение России для будущего”.

В свою очередь я рассказываю о строительстве музея Рериха на Алтае, о будущей, намеченной на следующий год конференции “Рериховские чтения”, посвящённой 50-летию института “Урусвати”; мы показываем привезённый в дар музею макет проекта музея Рериха в Новосибирске, выполненный как дипломный проект Еленой Лосёвой; дарим фотографии и слайды только что совершённого восхождения на пики Рериха и Урусвати, на западное плато Белухи.

“Трудно даже поверить, сидя здесь, в Америке, — говорит Зинаида Григорьевна, — что могут быть такие мечты. И, право, вы их осуществляете. У вас на Родине я видела, как жадно тянется молодёжь ко всему светлому и духовному. Поэтому так радостно видеть вас здесь. Я всегда говорю: поощряйте вашу молодёжь приезжать в Америку и говорить о культуре русской, приезжайте не только посмотреть и ознакомиться — всё это очень приятно, но и говорить о русской культуре. Мы верим в то, что в скором будущем облегчится сообщение между нашими странами, ваш приезд сюда укрепляет наши мечты и надежды”.

На другой день, оторвавшись от своей группы, я снова в музее. “Я знала, что вы придёте”, — говорит Зинаида Григорьевна. И льётся доверительный разговор — о махатме Ленине, о Шамбале. Она подводит меня к одной из небольших работ Николая Рериха, где среди гор — неприступная твердыня: “Это — Шамбала”.

Уже сказаны последние слова взаимной признательности и благодарности. Уже закрыта за мною дверь музея... Задерживая последние минуты прощания, я медленно провожу рукой по фронтому здания музея, по изображённому на нём знаку — Знамени Мира. И перед глазами встаёт зима 1975 года, когда на отвесной скале при сильной пурге нарисовала я подобное изображение на Алтае, отмечая только что впервые пройденный перевал, ведущий к пику Рериха. Я вспоминаю и другой знак — символ Равновесия Вселенной, изображение которого мы оставили в июле на новой вершине Алтая — Урусвати. Этот знак принадлежал Городу Знания — Гималайскому научно-исследовательскому институту, который так и назывался — “Урусвати”. Я покидаю музей, унося в своём сердце любовь и глубокое чувство признательности к сотрудникам музея за их самоотверженный труд. Весь просветлённый облик Зинаиды Григорьевны, её слова окутали меня светом любви и умиротворения и почему-то слёзы на глазах...»

Л.Андросова у входа в
Музей Н.Рериха в Нью-Йорке. 1978 г.

* * *

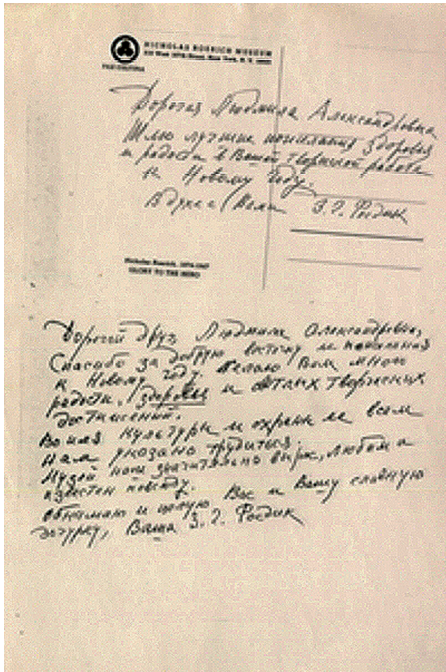
5 декабря 1978 года Павел Фёдорович Беликов пишет письмо Зинаиде Григорьевне, в котором, в частности, говорит: «... Рад, что у Вас в музее работа всё шире развёртывается. О подготовке к конференции в Новосибирске Вы уже должны знать, также и об организации музея на Алтае. Людмила Александровна в большом восторге от посещения Вашего музея. Она прекрасный и энергичный человек. Прошлый раз я познакомил её со Святославом

Николаевичем, на которого она произвела очень хорошее впечатление. Думаю, что публикации о восхождении на вершину Урусвати она Вам послала, также и фото этой вершины. К конференции и я готовлюсь, предполагаю выступить там с докладом...» (из архива Алексея Анненко).

4. Встреча с Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе и Гизелой Ингеборг Фричи. История передачи Знамени Мира, 1979 год

З.Г.Фосдик предложила мне взять для Музея Рериха на Алтае Знамя Мира, выполненное в Нью-Йорке в 1920-х годах. Но я не решилась, поскольку опасалась, что на таможне у меня его заберут. Возвратившись домой, я написала ей письмо, в котором поведала своё желание и мечту — иметь Знамя Мира не только для Алтайского музея, но и для учёных Сибирского отделения.

В марте 1979 года в ответ на моё письмо Зинаида Григорьевна пишет: «...С радостью вспоминаем Ваше посещение нашего музея — так отрадно было узнать о Вашей культурной деятельности... Относительно Вашей просьбы получить Знамя Мира доложу на совете директоров и сообщу Вам их решение. Также прошу сообщить мне — это Знамя нужно для Новосибирской галереи или для музея, который строится на Верхнем Уймоне?» И снова мечта посетить Россию: «Очень хотелось бы снова побывать на родине и встретиться с Вами. Пока же шлю всем привет от сердца».

Письмо З.Г.Фосдик — поздравление с Новым годом

А 1 мая 1979 года Зинаида Григорьевна пишет: *«Получила и с большим интересом прочла Ваше славное письмо от 10 апреля. Познакомилась благодаря ему с фактами, донныне не знакомыми мне. Очень радуется узнать, что у вас при Доме учёных имеется картинная галерея и в ней находится картина Н.К. "Победа"... Я согласна с Вами, что именно Ваши талантливые учёные должны работать в атмосфере искусства Николая Константиновича. Он всегда писал и говорил о необходимости разрешения многих мировых проблем именно через науку. Также очень прошу сообщить, где именно находится Алтайский музей, в Новосибирске или он будет в Верхнем Уймоне? Очень желательно уточнить эти подробности для нашего совета директоров. Вопрос о посылке двух Знамён Мира будет тогда нами решён... То, что Вы пишете о Знамени Мира, очень близко моему сердцу... Не забуду Вашего посещения нашего музея, хотя оно и было кратким, но дало возможность почувствовать горение к Родине. Обмен между нашими странами есть и будет на почве искусства и красоты».*

А всего лишь через две недели, 15 мая 1979 года, Зинаида Григорьевна сообщает: *«Дорогая Людмила Александровна! Пишу кратко. Я передала два флага ЗНАМЕНИ МИРА РЕРИХА нашей председательнице, г-же К.Кэмпбелл-Стиббе. В случае если она прибудет в Советский Союз, она Вам их перешлёт. Если же она посетит Новосибирск, она лично с Вами познакомится и передаст их Вам. Я уверена, что Ваша встреча с нею будет во всех отношениях приятной и укрепит нашу связь с просветительной работой ваших учёных в Академии наук в Новосибирске. Шлю привет от сердца. Ваша З.Г.Фосдик».*

Эту записку в июле 1979 года передала мне г-жа К.Кэмпбелл-Стиббе, которая вместе со своим неразлучным другом и соратником Г.Ингеборг Фричи, будучи приглашёнными в нашу страну министром культуры, специально прибыли в новосибирский Академгородок для передачи Знамён Мира. Достоинно глубокого восхищения то, что эти замечательные женщины, поразительной духовной и физической красоты, несмотря на уже почтенный возраст, с самоотверженностью, достойной лучших традиций семьи Н.К.Рериха, всего на один день прибыли в Академгородок, чтобы осуществить высокую миссию передачи Знамён. Президиумом Сибирского отделения Академии наук мне было поручено встретить почётных гостей и провести их приём.

NICHOLAS ROERICH MUSEUM

319 West 107th St., New York, N. Y. 10025 • Tel. UNiversity 4-7752

15го Мая, 1979г.

Дорогая Людмила Александровна,

Пишу кратко. Я передала два флага ЗНАМЕНИ
МИРА РЕРИХА нашей председательнице г-же К.
Кэмпбелль Стиббе. В случае, если она прибудет
в Советский Союз, она Вам их перешлет.

Если же она посетит Новосибирск, она лично с
Вами познакомится и передаст их Вам.

Я уверена, что Ваша встреча с нею будет во всех
отношениях приятной и укрепит нашу связь с про-
светительной работой Ваших ученых и Академией
Наук в Новосибирске.

Шлю привет от сердца, Мила присоединяется
ко мне.

Ваша, *В.Г. Фосдик*

Письмо В.Г.Фосдик от 15 мая 1979 г.

Поскольку музей Рериха на Алтае только-только начинал строиться и не имел ещё официального статуса, я пригласила к нам в Академгородок представителя центрального совета Общества охраны памятников и культурных ценностей Рениту Андреевну Григорьеву. Торжественная передача Знамени Мира проходила в Доме учёных Академгородка 23 июля 1979 года. Сохранилась стенограмма этого замечательного события. В своём приветственном слове, представив почётных гостей, я отметила особое значение для нас этого визита и закончила его такими словами: «Дорогие госпожа Кэтрин Кэмп-

белл и госпожа Гизела Фричи! Мы восхищены вашей энергией, достойной жизнеутверждающей силы идей Н.К.Рериха, которая проявляется во всей вашей благородной деятельности и даже в том, что в столь ограниченном по времени визите в нашу страну вы нашли возможность преодолеть три тысячи километров, чтобы подарить один день нам».

В своём ответном слове госпожа К.Кэмпбелл сказала: *«Правление музея Рериха в Нью-Йорке просило нас посредством госпожи Зины Фосдик передать это ЗНАМЯ МИРА, исполненное по рисунку Николая Константиновича Рериха. Это Знамя прошу передать центральному совету общества охраны памятников специально для Алтайского музея Рериха, который должен быть открыт... Огромное спасибо вам от всего нашего сердца за ваше тепло, за ваше большое чувство дружбы. Спасибо. И спасибо за то, что такие храбрые люди существуют в академии, которые восходят и на вершины. И я думаю, что Людмила представляет как раз плеяду храбрых героинь. Спасибо».*

Принимая Знамя Мира, Ренита Андреевна сказала: *«Мне труднее всего, потому что, безусловно, все сейчас очень взволнованы, и лучшим выражением наших чувств было бы глубокое молчание. Этот дар, который вы сейчас сделали, имеет огромное для нас и для очень многих людей значение и исполнено великого смысла... Я думаю, что это знаменательно, что мы собрались сейчас в такой очень небольшой аудитории, но неизвестно, может быть, великие какие-нибудь свершения так вот и происходят,*

*К.Кэмпбелл-Стиббе и Л.Андросова
(справа)*

потому что это есть начало какого-то этапа очень большого и самого важного для нас дела, очень важного. В следующем году мы будем отмечать 600-летие Куликовской битвы, сейчас уже реставрирован храм Сергия Радонежского на Куликовом поле. Эти дорогие для нас имена переплетаются, завещая нам очень многое и устремляя нас в будущее. Когда мы будем открывать Музей Рериха на Алтае, то это Знамя, уже насыщенное всеми мыслями и устремлениями нашей Родины — Пскова, Новгорода, всех мест, которые так любил Николай Константинович, мы торжественно передадим музею и будем очень стараться быть достойными этого Знамени Культуры и Света...»

Случилось так, что ни одна из ведущих организаций Сибирского отделения Академии наук не нашла возможным в тот момент принять Знамя Мира. И в этот же день К.Кэмпбелл вручила Знамя Мира восходителям на вершину Урусвати. От их имени я приняла это Знамя для последующей передачи

Слева направо: К.Кэмпбелл-Стиббе и Р.А.Григорьева

Людмила Андросова. Июль 1979 г.

его сибирским учёным. В настоящее время это Знамя Мира находится в Музее Н.К.Рериха в Новосибирске.

26 июля 1979 года К.Кэмпбелл, сразу по возвращении в Москву, пишет мне замечательное письмо, выражая своё искреннее восхищение, связанное с пребыванием в Сибири: *«Другиня, милая Людмила, всего лишь несколько строк, чтобы поблагодарить Вас за ту прекрасную встречу, что Вы организовали для нас, — за встречу с многочисленными друзьями Рериха и больше всего — за встречу с Вами.*

Слова бессильны выразить всё то, что означает для нас встреча с Вами и нашими дорогими друзьями. Мы возвращаемся домой с сердцами, наполненными радостью, зная, что есть молодые сотрудники, которые так прекрасно продолжают дело Елены и Николая Рерихов. Мы можем больше не беспокоиться о будущем, ибо оно в руках замечательных молодых сотрудников. Пожалуйста, передайте от нас привет тем, кого мы за неимением времени не смогли отблагодарить за их доброту и подарки, особенно Валентину Новожилову, за прекрасный камень с гравировкой Знамени Мира на нём и альбом фотографий всего того, что сделала группа. Если возможно, вышлите нам, пожалуйста, её адрес. Знайте, мы возвращаемся с надеждой и радостью в наших сердцах за продолжение работы Рерихов, которую они несли в мир, чтобы помочь человечеству.

Благодарю Вас.

С глубокой признательностью и любовью за всё, что Вы сделали. С любовью Кэтрин Кэмпбелл».

А вскоре, 5 сентября 1979 года, Зинаида Григорьевна откликается из Америки: *«Мила (Страва. — Ред.) и я были крайне рады пребыванию наших двух сотрудниц у вас — всё это так нужно для продолжения нашей духовной и культурной связи! За последний месяц у нас побывали исключительно советские посетители. По их просьбам мы открывали музей, хотя он закрыт в июле и августе. Особенно интересным было последнее посещение группы, в которой были В.Севастьянов, известный космонавт, и А.Карпов, чемпион мира, шахматист. Я поразила их тонкому подходу к искусству и мысли Николая Константиновича. Они долго пробыли в музее, изучая каждую картину...*

Обнимаю Вас и шлю привет от сердца, к которому присоединяется Мила. Ваша З.Г.Фосдик».

July 26-1979

Dearest Paul Miller:-
A few lines to thank you
for the beautiful meeting; you
arranged for us to meet our many
friends of Rockich - and most
of all to meet you.

To write to you in words -
we cannot express all that our
meeting with you and our dear
friends, Massimo & ego. We return
home with full hearts of joy -
knowing that there are young
co-workers, who will carry on
so beautifully the work of
Helena and Nicholas Rockich -
We can no longer worry about
the future for it is in the hands
of wonderful young co-workers -
Please do remember us

to those we had noted to thank
for their kindness and gifts - especially
to Valentina Novogilova for the
very beautiful scarf which has
the engraved pattern of peace and
and the border of roses all
made by hand. If you can, would
you send us her address -
to know we return with
such joy and hope in our
hearts for the continued work
brought by the Rockichs to help
mankind. I thank you -

With deep gratitude
and love for all that
you have done - Love
Katherine Campbell

Письмо Ээрин Кэмпбелл-Стиббе от 26 июля 1979 г.

А 22 октября Зинаида Григорьевна пишет: «Только недавно повидалась с госпожой К. Стиббе и Г. Фричи. Они нам рассказали о встрече с Вами в Новосибирске и о радости познакомиться с Вами и узнать о многом, касающемся Алтайского музея Н.К. Рериха. Я и Мила были счастливы узнать о Вашей встрече с ними — так укрепляются нити нашей совместной культурной деятельности. Жаль, что они смогли побывать лишь один день в Новосибирске. Примите мою глубокую благодарность за посланную мне «Бхагавадгиту» — очень ценю этот подарок. Доныне мне не приходилось читать её в русском переводе, который превосходен. Мила же шлёт вам свою искреннюю благодарность за прелестную коробочку художественной работы. Надеемся, что в недалёком будущем вновь встретимся с Вами...

Шлю Вам наилучшие пожелания, обнимаю и целую Вас.
З.Г. Фосдик».

Тем временем на полном ходу идёт подготовка к проведению вторых «Рериховских чтений», посвящённых 50-летию института «Урусвати». Добились включения конференции в план всесоюзных и утверждения её Московской академией наук, определены темы, докладчики. И вдруг как гром среди

ясного неба: группа А.Н.Дмитриева обратилась в Новосибирский областной комитет партии с меморандумом «О проблеме создания культурно-научного центра в рамках идей Н.К. и Е.И. Рерихов (1979 год)». Документ поступил с грифом «секретно». Я была ознакомлена с его содержанием через первый отдел. В этом меморандуме, основываясь на идеях Живой Этики и работе, проводимой в Сибирском отделении Академии наук, предлагались пути использования наследия семьи Рерихов. В частности, речь шла о восстановлении деятельности института «Урусвати» на Алтае.

В президиум Сибирского отделения из ЦК прибыла специальная комиссия по расследованию случившегося. Председателем комиссии был сотрудник ЦК А.К.Романов – тот самый Арнольд Константинович Романов, что пригласил меня работать в аппарат президиума много лет назад. В институтах, где работали члены группы Дмитриева, подписавшие меморандум, проходили закрытые партийные собрания. Однако подготавливаемая нами конференция «Рериховские чтения» не оказалась под угрозой.

Мы продолжали работу по подготовке конференции. И делали то, что могли. Павел Фёдорович прислал Жене Маточкину по его просьбе три сборника Гималайского научно-исследовательского института «Урусвати» под редакцией Юрия Николаевича Рериха. И одной из наших задач было ознакомить сотрудников Сибирского отделения с работами института «Урусвати». В то время всякое копирование находилось под строжайшим контролем первого отдела, но разрешение удалось получить. Удалось также сделать специальный заказ и получить книги Н.К.Рериха, только что вышедшие тогда из печати: «Письмена», «Зажигайте Сердца», а также книгу «Бхагавадгита» в переводе Б.Смирнова. Все эти книги поступили в институты и филиалы Сибирского отделения, а также всем тем, кто был причастен к изучению творческого наследия Рерихов как в нашей стране, так и за рубежом.

Конференция состоялась в октябре 1979 года. Обстановка была очень напряжённой. Бесценна была помощь Павла Фёдоровича Беликова, прилетевшего на конференцию с докладом и пытавшегося разрядить обстановку, созданную меморандумом.

Зинаида Григорьевна присылает мне свой доклад, посвящённый Елене Ивановне Рерих. После редактирования я отправляю его ей и вскоре получаю телеграмму, в которой только одно слово — *acceptable* (приемлемый), таким он и вошёл в сборник, вышедший в 1980 году.

17 февраля 1981 года Зинаида Григорьевна сообщает: *«Недавно пришёл сборник “Рериховские чтения”, присланный мне Вами. Я Вам очень благодарна за него и тронута Вашими мыслями обо мне. Сборник крайне интересен по содержанию и участникам его. С удовольствием знакомлюсь со многими статьями в нём, выражающими широко и всесторонне творчество Николая Константиновича и Елены Ивановны. Очень мне понравилась ваша статья, Маточкина и Спириной. Удивилась, увидев и свою статью: не думала, что она будет помещена. Полагаю, что кое-что Вы в ней исправили, за что благодарна Вам. Ведь эти Чтения были посвящены главным образом возникновению института “Урусвати”».*

В настоящее время я привожу в порядок обширные материалы, имеющиеся у меня о Елене Ивановне за время её сотрудничества с нами. Оно продолжалось не только в Америке, но и в позднейшие годы, после смерти Николая Константиновича. Думаю написать следующую статью, отмечая её всеобъемлющие знания и замечательные указания на будущее. Всё это может обогатить серьёзно устремлённую молодёжь.

Зная, как Вы заняты, если сможете, напишите мне: восходили ли вы с Вашими сотрудниками на Белуху полюбоваться двумя вершинами — пиком Рериха и Урусвати, — дорогими нам всем здесь. Фотографии их в нашем музее вызывают всегда большой интерес... Шлю Вам сердечный привет и пожелания больших достижений в Вашей прекрасной работе.

В духе с Вами. З.Г.Фосдик. Передайте мой привет Вашим сотрудникам».

В одном из своих писем к Зинаиде Григорьевне я прошу её дать информацию о присланных нам полотнищах Знамени Мира и задаю ей вопрос: были ли присланные нам Знамёна в экспедициях Рерихов (или хотя бы одно из них)? И вот как она отвечает мне 20 мая 1980 года: *«...Теперь относительно создания Пакта и Знамени Мира — идея эта зародилась у Николая Константиновича ещё в начале 1900-х годов. Он тогда путешествовал по многим старинным русским городам, зарисовывал памятники ста-*

рины, соборы, церкви, городские стены, старинные здания и т.д. Он поднял вопрос об охране этих памятников русской культуры в Археологическом обществе, будучи деятельным членом его. Идея встретила полное сочувствие, но не была активно проведена.

По прибытии Николая Константиновича в Америку в 1920 году мы под его руководством начали проводить эту идею широко в печати. Она была встречена с полным сочувствием — около 90 комитетов по Пакту и Знамени Мира начали действовать во многих странах. Сама эмблема Знамени Мира — три сферы в круге (настоящее, прошедшее и будущее в круге Вечности) — является старинным знаком, взятым Н.К. для этой цели. Первое Знамя было сшито нашей тогдашней сотрудницей Элен Зайдель и висит у нас в рамке на стене при входе — посетители часто спрашивают о нём. Последующие Знамена были сделаны на шёлке — у вас теперь имеются два из них, привезённых К.Стиббе.

Шлю мысли от сердца от меня и Милы, целую Вас. З.Г.Фосдик».

Это означало, что ни одно из присланных Зинаидой Григорьевной знамён не было в экспедициях Рерихов.

В январе 1981 года Зинаида Григорьевна сообщает об уходе её любимой сотрудницы Милы: *«Радостно и грустно было мне получить вашу сердечную весточку и привет к Новому году. Вспомнилось, когда Вы у нас были пару лет тому назад — Милочка и я радовались вам, приехавшей из любимой Сибири. А теперь её уже больше нет в наших трудах. Но должна сказать, что она очень страдала и, несмотря на все старания, не могла выжить. Нелегко мне без любимой сотрудницы и верного друга — мы с ней прожили вместе 41 год. Труд — великий утешитель, работаю больше обыкновенного и благодарю каждый день за всё, посылаемое мне. Много прекрасного передали мне о Вас Кэтрин и Инге — буду очень ждать ваш сборник “Рериховские чтения”. Эти Чтения всех нас связывают вместе, и так растёт семя дружбы и работы для будущего.*

Мечтаю ещё когда-нибудь быть у вас — очень надеюсь на эту возможность, когда откроется Мемориальный музей имени Николая Константиновича в Верхнем Уймоне... Шлю Вам мысли и пожелания бодрости и здоровья в 1981 году. Ваша работа прекрасна и очень ценна.

Обнимаю и целую Вас, сердцем с Вами. Зина Фосдик».

А 17 марта 1981 года Зинаида Григорьевна вновь вспоминает о нашей встрече и рассказывает о своей работе в музее:

«Ваше письмо от 24 февраля пришло и очень тронуло меня — спасибо за Ваши мысли и слова от сердца. Когда приходит неожиданное горе, друзья приносят не только утешение, но и укрепление на будущее. И я вспоминаю Ваше посещение нашего музея и нашу радость в беседе с Вами. Вести о Родине, о глубоком почитании у Вас искусства и культуры были очень нам дороги. Не хотелось Вас отпускать, но хотелось всё больше и больше знать о чудесном Алтае, о незабываемой Белухе и о Вашей работе в Академии наук, которая широко известна.

Я давно уже мечтала с Милочкой вновь посетить ваш замечательный край. Теперь многое изменилось, и мне придётся когда-то приехать самой... Очень дороги мне Алтай и воспоминания, связанные с ним, с моим участием в рериховской Среднеазиатской экспедиции в то время.

Сборник “Рериховские чтения” я получила и очень вам благодарна за него. С удовольствием читала вашу статью — она превосходна во всех отношениях, вы цитируете многие слова и мысли Николая Константиновича, дорогие нам всем здесь, и знаменательно заканчиваете: “о возможности беспредельного познания, духовного восхождения и совершенствования в трудах каждого дня...”. В Ваших словах чувствуется полностью дух Николая Константиновича. Многие другие статьи также дают прекрасный подход к изучению творчества и философии Николая Константиновича. Всё это очень дорого и близко нам и нашим сотрудникам. Этот сборник показывается мною всем нашим русским посетителям.

Удивительно строится дружба! Только русские понимают значение истинной дружбы — я пришла к этому убеждению после многих лет пребывания здесь... Работа наша очень усилилась — Рерих, его искусство и философия проникают в культурные слои общества. Учащаяся молодёжь всех возрастов, художники, учёные — наши постоянные посетители. Как этого желали Николай Константинович и Елена Ивановна, русская культура вливается в культуру Америки. Поэтому радостно сеять “разумное, доброе, вечное” ... Наш музей идёт по пути, указанному нам нашими любимыми Учителями. Будущее всего мира зиждется на охране Культуры и мира. Обнимаю и целую вас. З.Г.Фосдик».

В письме от 8 мая 1981 года Зинаида Григорьевна подчёркивает важность международного сотрудничества и взаимного уважения: «Очень была тронута Вашим сердечным письмом

от 17 апреля и особенно Вашими словами о помощи в совместном труде. И это может оказаться возможным в будущем! Я твёрдо верю в него, работаю и прилагаю усилия для такого осуществления. Что может быть важнее охраны мировой культуры?! Ведь нужно уважать талант и особые качества каждого народа. Человечество должно постоянно стремиться к этому. Идя к этому сознательно, мы можем устранить многие проблемы нашего времени.

Как Николай Константинович направлял свой огромный опыт к этому заданию, так и мы следуем его заветам. Горячо любя нашу родину, мы уважаем особенности других народностей. Наш музей очень служит этому. Привлекая посетителей из многих стран, наши контакты ширятся, и мы находим общий язык. Главным стимулом является красота — великое искусство Николая Константиновича. К красоте, как мы знаем, ведёт действие, и третьим звеном является любовь. Конечно, немыслимо приобщить человеческое сознание сразу к этой троице, можно лишь бросить зёрна в благодатную почву. Так мы и действуем.

Подходят молодые, новые, выказывая проблески нового мышления... Очень хочется быть в 1982 году на «Рериховских чтениях» у вас, повидаться с Вами и подышать воздухом любимого Новосибирска. Буду цементировать пространство!

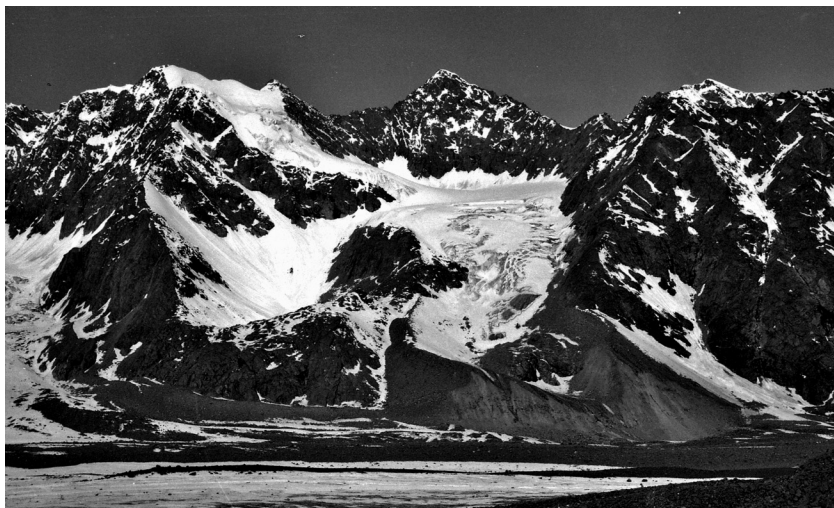
Обнимаю Вас и крепко целую. Идите, как всегда, по пути Света. Любящая Вас З.Г.Фосдик».

А узнав об ожидаемом рождении дочери, она пишет мне летом 1981 года слова, полные заботы и внимания: «Мне написала одна из наших общих корреспонденток о том, что Вы ожидаете нового члена семьи. Если это так, шлю Вам мысли радости. Берегите себя и не взбирайтесь временно на Белуху... Знаю, что Вы полны бодрости и энергии, но беречься надо. Очень бы хотелось вновь увидеться с Вами и поговорить о светлом будущем — оно указано. У нас всё хорошо, работа идёт, всё время увеличиваясь, чему мы очень радуемся. Творчество Николая Константиновича притягивает новые сердца, и его мысли насыщают многих. Если смогу, приеду на будущие “Рериховские чтения”.

Обнимаю и целую Вас. В духе с Вами. З.Г.Фосдик».

И чуть позднее: «Поздравляю Вас с рождением дочери — Василисы Прекрасной — и уверена, что она такой и будет... Шлю Вам мысли от сердца, обнимаю Вас и Ваших девочек: и большую, и маленькую...»

ГЛАВА 3. ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ

Вершины семьи Рерихов и Беликова (вид с Аккемского ледника). Слева направо: вершина Урусвати (с неё спускается ледник), вершина Юрия Рериха, далее треугольной формы пик Рериха (Н.К.), ещё правее вершина Святослава Рериха, за ней вершина П.Ф.Беликова. Между вершиной Урусвати и пиком Юрия Рериха перевал Урусвати. Перевал Рериха — чуть правее пика Рериха. Фото В.Волкова, 1988 г.

Вершина Урусвати, пик Рериха, пики Юрия и Святослава Рерихов, пик Беликова, пик Маточкина... Я произношу эти священные для меня имена, и звук этих слов перехватывает моё дыхание. Я переношусь в то время, когда были совершены самые первые восхождения на вершины семьи Рерихов. Мне даже не надо и переноситься, потому что моё сердце принадлежит этим вершинам — они всегда со мной, так же, как и люди, вдохновившие меня на эти восхождения.

1. Памяти Елены Ивановны Рерих. Вершина Урусвати. Восхождение на Гору Жизни, 1978 год

«... Каждое восхождение всегда трудно, но в то же время оно и самое воздающее. Будем всегда помнить, что наша жизнь должна быть постоянным устремлением вперёд, устремлением к чему-то тому, что над нами, что светит нам из глубин беспредельности. Мы должны нести в своём сердце ясное убеждение, что цель нашей жизни — самосовершенствование, саморазвитие. Будем стремиться к Прекрасному во всех своих проявлениях, и мы поднимемся над всеми препятствиями с новыми крыльями духовных решений...» Святослав Рерих. (Из письма Л.Андросовой 13 апреля 1983 г.)

«Нельзя чужим примером. Можно только личным. Ваш пример для других очень важен. Перед Вами — Восхождение на Гору Жизни. Идите смело, не сомневайтесь. Вы можете. Вы же сильная». Святослав Рерих. (Из дневниковых записей 12 ноября 1982 г.)

Вершина Урусвати... Впервые я увидела её с пика Рериха в яркий солнечный день летом 1975 года. К тому времени несколько месяцев прошло с момента нашего зимнего горнолыжного восхождения на перевал, который по праву первопроходцев мы называли перевалом Рериха (руководитель — Е.Великанов). Тогда, летом 1975 года, вместе с Женей Маточкиным и Володиёй Карлинером мы поднялись на пик Рериха. (Это было первое в жизни Володи восхождение, позднее он стал классным альпинистом. Володя погиб при выполнении спасательных работ.) На этот раз мы совершили восхождение по только что открытому и пройденному нами зимой западному пути. Это тот самый путь, по которому мы в сильную пургу спускались с перевала. Теперь мы поднимались по нему на пик Рериха.

Путеводной вехой послужил нам нарисованный мною на отвесной скале в ту самую сильную пургу знак — символ Знамени Мира. Только теперь, летом, эти три красных круга в круге вечности были высоко подняты над мореной, словно невидимая рука вознесла этот рукотворный знак и защитила его от ветров и непогод. И летом 1975 года этот знак, хорошо видный издалека с морены, послужил замечательным ори-

ентиром при подъёме на перевал и пик Рериха с запада, со стороны Кучерлинского озера. Это самый близкий, относительно несложный и безопасный путь на пик Рериха, он не требует специального снаряжения.

И вот мы на пике Рериха. Редкая по красоте панорама открылась перед нами. Вокруг — величественные вершины Алтая, мягкие очертания убегающих анфилад синих гор; ледники, сферическими волнами спускающиеся с вершин. Глубокая тишина... Ощущение полёта и чувство радости... Двуглавая Белуха так близко, что кажется: вот сейчас разбежишься, оттолкнёшься, раскинешь руки — и ты уже там, на её вершинах...

По направлению к Белухе, в северном отроге Катунского хребта между пиками Рериха и 20-летия Октября, прямо перед нами — белоснежный купол безымянной вершины со спускающимися в обе стороны Катунского хребта снежно-ледовыми склонами. Её мягкие очертания удивительно напоминают лебедя, раскинувшего свои крылья в полёте. Эта безымянная вершина словно звала дальше, к высотам сверкающей на солнце двуглавой Белухи — матери алтайских гор. И Жене Маточкину приходит мысль посвятить эту вершину Елене Ивановне Рерих. «Да, — соглашаюсь я, — это будет достойным памятником Елене Ивановне». Как в жизни шли они рядом, Елена Иванов-

Двуглавая Белуха. Фото В.Тельнова, 1983 г.

на и Николай Константинович, всегда устремлённые к новым высотам, она — впереди, ведущая, раскрывая и направляя, так и эта открывшаяся вершина, соединительное звено горной цепи, ведущей от пика Рериха к Белухе, словно протягивает руку-путь и зовёт, ведёт к сияющим высотам...

В начале ноября 1978 года намечались переговоры президента Академии наук СССР академика А.П.Александрова со С.Н.Рерихом по поводу возможного сотрудничества в за-консервированном Гималайском институте «Урусвати». Президиумом СО АН мне было поручено провести переговоры с сотрудниками иностранного отдела АН СССР, снабдив их необходимой информацией, а также с имеющимися у нас материалами, связанными с институтом «Урусвати». У меня была тайная надежда привезти Святослава Рериха к нам в Сибирь. Я упоминаю сейчас об этом событии, ибо волею судьбы событие это определило всю мою последующую жизнь.

2 ноября 1978 года П.Ф.Беликов позвонил мне в гостиницу: «Святослав Николаевич спрашивал о вас. Он хочет видеть вас...».

*Вершина Урусвати (с неё спускается ледник) и пик Рериха
(треугольной формы).*

Фото В.Тельнова, 1983 г.

И начиная с этого момента Святослав Рерих вошёл в мою жизнь и озарил её своим светом, теплом и любовью.

К сожалению, Святослав Николаевич не смог приехать к нам. И, зная о моём предстоящем восхождении на новую вершину Алтая, посвящаемую Елене Ивановне, Святослав Николаевич просит назвать вершину именем Урусвати. *«Да, Урусвати, назовите её именем Урусвати»*. *«Помните, — сказал он слова напутствия, — мы будем с вами в этом восхождении»*. В тот самый момент я ещё не до конца поняла глубокое значение его слов и осознала его только по возвращении.

И вот теперь в самом центре Алтайских гор возвышается вершина с индийским именем. Имя это в переводе означает «Свет утренней звезды». Именем Урусвати был назван созданный Рерихами в Гималаях научно-исследовательский институт, 50-летию со дня основания которого посвящались наши вторые «Рериховские чтения». На вершину Урусвати было вознесено Знамя института «Урусвати» — белое полотнище с нашитой красной двойной ваджрой — символом Равновесия Вселенной. Это глубоко символично и имеет свою историю.

В 1979 году в статье, посвящённой открытию этой вершины («Рериховские чтения», 1979 год. К 50-летию института «Урусвати». Материалы конференции. Новосибирск, 1980), я писала: *«Известно, какое значение придавал Николай Константинович Рерих Сибири, называя её “страной глубокого прошлого и великого будущего”. С особым чувством относился он к Алтаю: “Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной всей Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию”. В творчестве Н.К.Рериха Алтай и его высочайшая точка легендарная Белуха, становятся символами духовного восхождения и совершенствования, созидания и красоты.*

Здесь, на Алтае, Н.К.Рерих с женой и старшим сыном Юрием Николаевичем жил и работал в 1926 году во время Центральноазиатской экспедиции “Алтай—Гималаи”. Для Н.К.Рериха Алтай на севере и Гималаи на юге были как бы полосами единого горного мира. В глубоком историческом прошлом Алтая, в его флоре и фауне, геологических богатствах, традициях древнерусского уклада жизни, в легендах и сказаниях находят Рерихи удивительную общность и родство Алтая и Гималаев. Очень важный интерес для Рериха представляла Белуха — ма-

терь Алтайских гор. Множество легенд и сказаний, связанных с грядущим, было собрано Рерихами о Белухе. Уймонскую долину на Алтае, расположенную у подножия Катунского хребта с его вершиной Белухой, Н.К.Рерих считал очень благоприятным местом для создания научно-культурного центра. Об этом он неоднократно упоминает в путевых заметках.

По мысли Н.К.Рериха научные исследования на Алтае и в Гималаях творческим содружеством учёных разных стран могут привести к открытию новых страниц познания современного мира. После завершения экспедиции “Алтай — Гималаи” Рерихи основали в Гималаях комплексный научно-исследовательский институт, названный “Урусвати”. Елена Ивановна была его президентом-основателем. Юрий Николаевич Рерих стал его директором. Материалы, собранные Рерихами во время экспедиции на Алтае, явились существенным вкладом в развитие деятельности института “Урусвати”. За недолгое по времени существование институт стал признанным центром международного научного сотрудничества.

Создавая институт “Урусвати”, Рерихи мечтали о “городе науки, где в тишине и мудром общении будут познаваться истины, где каждый учёный работник будет иметь в своём распоряжении лучшие аппараты. Можно представить, какие открытия воспоследуют при общей согласованности и при сотрудничестве всех отраслей науки!”. Неслучайно знаком института “Урусвати” явился древний символ Равновесия Вселенной — двойная ваджра. Знаменателен и символичен тот факт, что в словах “урусвати” и “культура” один и тот же корень “ур”, что значит “свет”.

Во время Второй мировой войны деятельность института “Урусвати” была прервана. Но у мечты о взаимном сотрудничестве учёных всех областей знания оказались добрые крылья. В 1957 году в самом центре Сибири в новосибирском Академгородке, было создано Сибирское отделение Академии наук СССР, мощный научный центр с 22 научно-исследовательскими институтами всех отраслей наук. Символом Сибирского отделения становится известный в математике знак “Сигма”, означавший интеграцию всех отраслей наук на основе творческого содружества многотысячного коллектива учёных. Здесь были созданы все условия для проявления лучших качеств человека, для развития его дарований, для осуществления его дерзких замыслов и проектов.

“Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычайные. Сокровища азийские доверены этим многим народам для дружного преуспевания. Доверены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная целеустремлённость к обновлению жизни”, — писал Н.К.Рерих. Познание нетронутых богатств древней сибирской земли, рациональное их использование и охрана были доверены сибирским учёным.

Сибиряки с любовью чтут память своего великого соотечественника. Алтайские художники Илзе Рудзите и Леопольд Цесюлевич, внимательно изучив маршрут Рерихов и пройдя его, восстановили неизвестные страницы жизни Рерихов в Сибири. На Алтае, в с. Верхний Уймон, живописно расположенном в отрогах Катунского хребта на правом берегу Катуня, они обнаружили сохранившимся дом, в котором жили Рерихи. В год 100-летнего юбилея со дня рождения Н.К.Рериха на этом доме была установлена мемориальная доска. Сегодня рядом с ним величественно возвышается двухэтажное деревянное здание будущего музея Н.К.Рериха.

Имя Н.К.Рериха увековечено в названии пика, находящегося в отроге Катунского хребта, рядом с Белухой. Пиком Рериха называли его в 1963 году первые восходители — томские альпинисты под руководством Г.Андреева. В марте 1975 года новосибирские учёные-восходители, в числе которых мне довелось быть, по праву первопроходцев дали имя Победы перевалу, ведущему к пику Рериха (руководитель — Е.Великанов). Это очень символично — через перевал Победы к пику Рериха. Эти два слова нераздельны. Картины Н.К.Рериха всегда символизируют Победу — победу духа, победу добра, победу разума. А в 1942 году Николай Константинович, веря и предвидя победу советского народа, пишет картину, которую так и называет — “Победа”: русский воин с мечом на фоне белоснежных гор, удивительно напоминающих Белуху, у поверженного дракона.

О синтезе науки и культуры мечтали Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи, создавая институт “Урусвати”. Мечта эта претворяется в деятельности сибирских учёных. Неслучайно именно здесь, в Сибири, зародилось тесное сотрудничество между деятелями науки и культуры на ставших уже традиционными “Рериховских чтениях”. В нынешнем году они

посвящены 50-летию со дня основания института “Урусвати”. И, называя алтайскую вершину именем Урусвати, сибирские учёные-восходители отдавали дань глубокого уважения научной деятельности этого замечательного института в Гималаях. О возможности беспредельного познания, духовного восхождения и совершенствования в трудах каждого дня будет напоминать нам древний символ Равновесия Вселенной, изображение которого оставлено восходителями на новой алтайской вершине — вершине Урусвати. Не случайно также и то, что именно здесь зародилось и пошло быть по всей русской земле Рериховское движение».

Эти строки написаны много лет назад. И сейчас, вспоминая это время, я нахожу его одним из самых счастливых в моей жизни. Тогда там царил дух вольномыслия и свободы. Были созданы и любимы Клуб межнаучных контактов, клуб «Под Интегралом», где частыми гостями были академики Е.М.Лифшиц и Л.Д.Ландау. В университете я слушала лекции Льва Гумилёва, а в Доме культуры Белла Ахмадулина читала свои стихи. В концертном зале Дома учёных я аплодировала одному из самых выдающихся скрипачей нашей страны — Виктору Третьякову. Большим радостным событием были выступления знаменитой пианистки — француженки Веры Августовны Лотар-Шевченко. Её пригласил к нам жить и работать сам основатель Сибирского отделения АН СССР академик Михаил Алексеевич Лаврентьев. Именно она, Вера Августовна, стала первым Учителем моей жизни. «Я?! — как-то сказала она мне. — Унывать?! Это зависит только от меня!» Я запомнила это на всю жизнь. Не забыть в её исполнении фортепьянную пьесу Мориса Равеля «Павана», её любимую. Ту самую, что она сыграла, впервые сев за фортепьяно по выходе из ГУЛАГа. Я ценила каждое мгновение общения с ней. Она угощала меня кофе-глясе и учила французскому. Да, вот в таком окружении, среди таких людей жили мы и работали в Сибирском отделении АН СССР.

Восхождение на вершину Урусвати состоялось в июле 1978 года под руководством мастера спорта Владимира Пивоварова. Вот что записала я в своём дневнике: *«Сегодня мы идём на вершину Урусвати. Спокойный, ясный рассвет. Золотятся вершины Белухи. Уже позади казавшийся бесконечным подъём по крутой каменной осыпи в обход ледопада ледника Маркошева. Здесь, у последнего ледопадного взлёта, откуда мы берём с собой только*

Группа восходителей на вершину Урусвати.

Слева — руководитель группы, мастер спорта В.Пивоваров. В руках у него барельеф Н.К.Рериха, оставленный на вершине Рериха. 1978 г.

самое необходимое, небольшой отдых. Ни единого облачка. Прямо перед нами — стена Белухи, её две царские вершины. А слева — три дороги, три ледника красивыми волнами ниспадают вниз, к общей дороге, ведущей к блестящей сейчас на солнце узкой ленте аккемских озёр. А там дальше, далеко внизу — метеостанция, наш лагерь у подножия Белухи, где оставила я своих детей — Ингу и Данилу, племянника Серёжку, где меня ждут...

Ещё десять минут на передних зубьях кошек по стене чаши ледопада — и мы попадаем на полукруглое плато, с которого начинается стремительный взлёт двух вершин: одна острая, сплошь из скал — пик Рериха, другая — чуть пониже, округлая, с самого основания покрытая вечным снегом и льдом, — вершина Урусвати. Они стоят в гармоничном сочетании, соединённые спускающимися с них навстречу друг другу узкими гребнями: снежно-ледовым — со стороны Урусвати, скальным — со стороны пика Рериха. Встречаясь, они слегка взлетают, образуя в месте встречи повышение гребня (названного позднее пиком Юрия Рериха. — Л.А.). Гребень этот венчает снежно-ледовую стенку, почти отвесно падающую к нашим сейчас ногам.

Уже выходим на предвершинное плато. “Люда-а! — кричат мне с соседней связки. — Смотри, вокруг солнца корона, видишь? Какой добрый знак, да?” Да-а. Зрелище необыкновенной красоты. Корона горит, искрится цветами радуги.

С предвершинного плато вверх ведёт крутая ледяная сфера. Последний взлёт. Паша Кормилец первый вступает на вершину, и до нас доносится его голос: “Давай!”. Это значит — верхняя страховка готова. Самого Паши не видно, только верёвка спускается сверху, оттуда, куда уходит, сливаясь с горизонтом, белоснежный купол вершины. Я беру эту верёвку, накидываю на плечи и нагружаю, делая первые шаги в небо. Кошки оставляют красноватый след — это обнажается лёд, слегка покрытый тонкой корочкой мягкого снега. И вся эта сфера красна. Ещё усилие, одно, последнее и... вершина!

Вершина! Торжественное безмолвие. Совсем рядом величественно стоит, возвышаясь над всем, Белуха. Отвесной километровой стеной обрывается её белоснежный склон. Чередой тянутся от неё гребни окружающих вершин. Они словно плывут в мягкой синеве, разделённые спускающимися, плавно огибающими их ледниками. Стекаясь к подножию Белухи, ледники увлекают за собой вершины, а те, словно малые её дети, по-

Вершина Урусвати. Фото И.Мёришиной

слушно возвращаются в её лоно. Так стоит она, подобно сказочной птице, широко раскинув огромные крылья — горные цепи вершин, заботливо и зорко охраняя их. Мы стоим на узком вершинном гребне. По ту сторону Катунского хребта горные вершины амфитеатром убегают к горизонту. Ощущение невесомого парения в синих даях и чувство глубокой радости.

На вершине мы разворачиваем знамя института. “Урусвати” — белое полотнище с нашитой красной двойной ваджрой, символом гармонии и равновесия Вселенной. Мы оставляем на вершине репродукцию картины Н.К.Рериха “Держательница мира”, посвящённую Елене Ивановне. Это произведение Н.К.Рериха удивительно созвучно величию горной природы Алтая, его космичности и указывает на великую роль и ответственность Женщины — Держательницы Мира, Женщины — Матери Мира.

На вершине оставлена написанная мною записка:

«Елене Ивановне Рерих — “другине”, спутнице, вдохновительнице Николая Константиновича Рериха — в канун 100-летия со дня её рождения мы посвящаем эту вершину и называем её “Урусвати”, что в переводе означает “Свет утренней звезды”».

Именем Урусвати назван научно-исследовательский институт, основанный Рерихами в Гималаях как Город Знания. Еле-

На вершине Урусвати. Слева — Л.Андросова. Фото С.Севрюкова, 7 июля 1978 г.

*«Мы оставляем на вершине репродукцию картины Н.К.Рериха
“Держательница мира”...».
Фото Л.Андросовой, 1987 г.*

на Ивановна была его президентом. Институту принадлежит знак, изображение которого мы здесь оставляем. Существенным вкладом в развитие института явились научные материалы, собранные в 1926 году на Алтае экспедицией “Алтай — Гималаи”, организованной Рерихами.

Вершина Урусвати вместе с пиком Рериха вливается в единый ансамбль Белухи, о которой Н.К.Рерих писал: “Белуха ... является свидетелем прошлого и поручителем будущего. 7.7.78”.

Как одно мгновение прошли полтора часа, что провели мы на вершине. Спускаемся там же, по месту подъёма. Усталые, измученные, но гордые сознанием сделанного, возвращаемся в лагерь. Как, оказывается, просто совершаются самые важные события — мои дети Инга и Данила, племянник Серёжка бегут мне навстречу, вот они рядом, и я с ними. Неужто и правда это я сейчас, живая и невредимая, здесь, в лагере, и Урусвати позади, и выполнен долг, и осуществилась мечта? И всё идёт своим чередом? И хорошо, и просто, и легко. И вместе с тем чувство какой-то грусти, печали... Отчего это?»

Наш поход был заявлен на первенство Союза среди походов высшей категории сложности, и вскоре мы узнали, что нам присуждено третье место и даны бронзовые медали. Для нас

Вид на Белуху с вершины Урусвати. Фото О.Фомичёва

это было большой радостью, свидетельством не только признания нашего мастерства, наших заслуг, но и признанием выполненного нами гражданского долга, ибо мы знали, что с этого момента на картах Алтая появится новая вершина — Урусвати.

Вид на пик Рериха с вершины Урусвати. Фото О.Фомичёва

В период с 6 по 11 июля мы трижды поднимались на новую вершину, в том числе и через новый перевал, который так же, как и вершину, мы назвали перевалом Урусвати. В тот же день с той же западной стороны мы сделали и радиальное восхождение на пик Рериха, и я сняла с вершины нашу с Женей Маточкиным записку с пожеланием самим себе доброго пути. На этот раз ориентиром нам послужила высокая отвесная скала у самого поворота на перевал Рериха, где на самом верху сияло нарисованное мною красной акварелью, хорошо видимое издали с морены изображение Знамени Мира Рериха. Это было в марте 1975 года во время первопрохождения и открытия нами перевала Рериха. Тогда после спуска с перевала при сильной пурге нарисовала я это изображение, чтобы служило оно вехой на относительно безопасном пути к перевалу и пику Рериха.

После восхождения на вершину Урусвати меня спрашивали, как повлияло это событие на мою жизнь, изменилось ли что-нибудь в ней. Мне и самой в это трудно было поверить, но самое главное, что случилось: чему бы я ни пожелала свершиться — свершалось. По возвращении в Академгородок я

*Перевал и вершина Урусвати
(скальная вершина слева от ледника).
Вид с северо-запада. Фото О. Фомичёва*

узнала, что готовится группа молодых учёных Сибирского отделения Академии наук для поездки в Америку. Я обратилась в иностранный отдел президиума с просьбой включить меня в эту поездку. Но строгий отбор был уже завершён, кандидатуры утверждены. К тому же для поездки требовались деньги, которых у меня не было. Но я-то нисколько не сомневалась, что поеду. Как бы со стороны наблюдала я за происходящими событиями — мне и самой было интересно, как это произойдёт. И прямо на глазах все препятствия постепенно исчезали: неотложные дела заставили одного из моих коллег отвести свою кандидатуру, и к тому же вскоре президиум принял решение о финансировании поездки. И уже в сентябре я оказалась в Нью-Йорке и помню первое, что Зинаида Григорьевна Фосдик воскликнула, увидев меня: «Мы только что получили от вас письмо о восхождении, и вот вы уже здесь!»

Восхождение на вершину Урусвати получило широкий резонанс как в нашей стране, так и за её пределами. Святослав Николаевич Рерих тепло и сердечно поздравил с восхождением. Его письма ко мне в этот период проникнуты особым теплом и вниманием. Они для меня — слово Учителя. Адити Васиштва, ближайшая помощница Святослава Рериха, директор основанной им школы имени Ауробиндо Гхоша, писала из Индии, что письмо моё к Святославу Рериху с описанием восхождения она читала вслух в школе ученикам. А выдержки из него были написаны на доске. Она сообщила также, что присланные мной фотографии пиков Рериха и Урусвати висят в кабинете Святослава и что там же камень с вершины Урусвати.

От имени правления Музея Рериха в Нью-Йорке участников восхождения сердечно поздравила вице-президент музея Зинаида Григорьевна Фосдик. В октябре 1978 года в Нью-Йорке, во время встречи с молодыми учёными Сибири, в числе которых мне довелось быть, З.Г. Фосдик, тепло поздравив восходителей с победой, передала в дар сибирским учёным репродукции картин Нью-Йоркского музея Рериха. «Я и мои друзья, — сказала она, передавая дар, — хорошо знаем достижения вашей страны. Мы гордимся успехами и достижениями сибирских учёных. Науке Сибири принадлежит великое будущее...»

Очень дороги были мне слова Павла Фёдоровича Беликова. В декабре 1978 года он писал мне: «*Мы очень рады были получить*

Ваше письмо о восхождении на вершину Урусвати. Всё это одновременно является и восхождениями на определённые этапы своего жизненного пути, этапы, с которых будут шириться и шириться новые дали и просматриваться перспектива Беспредельного. У Вас уже состоялись важнейшие Встречи. Рассматривайте их как передачу Вам эстафеты Великого Служения Свету, преобразующему человеческие сущности и всю нашу Планету. Никогда не бойтесь больших масштабов мышления и действий, но не закрывайте глаза на малейшие подробности, которые окружают Вас. Помните совет Н.К. — искать ближе, а особенно тогда, когда хотите смотреть дальше. Ведь именно самое близкое часто застилает нам далёкий горизонт и, ещё чаще, самыми близкими возможностями мы пренебрегаем, считая их “маловажными”». И далее в марте 1979 года он пишет: «Громадное дело Вы сделали, посвятив поход “Урусвати”».

Татьяна Калугина, журналист, в своей небольшой книге «Пути восхождения» (М., 1978) так описывает встречу со мной: «...На следующий день после того, как мы покинули Горный Алтай и я стала гостьей “Золотой долины” — так поэтично назвали свою гостиницу жители новосибирского Академгородка, — меня познакомили с участницей восхождения на вершину Урусвати, учёным секретарём президиума Сибирского отделения Академии

Слева направо: Д.Рани-Рерих, П.Ф.Беликов, Л.А.Андросова

наук Людмилой Андросовой. В этой маленькой скромной женщине проступали черты истинной “хозяйки горы”, когда она рассказывала мне спокойно и как-то удивительно проникновенно, будто о самых задушевных друзьях, про любимые синие горы. В её облике я почувствовала ту особую сердечность и внутреннюю крепкость человека, познавшего торжественную красоту и величие гор».

2. Пик Юрия Рериха, 1981 год

А в это время мы начинаем организационную работу по подготовке третьих «Рериховских чтений», которые планируем провести в Бурятии и посвятить 80-летию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха. И опять, казалось бы, неожиданная случайность: именно в этот момент мне в аппарате президиума поручают вести работу по планированию и организации конференций всего нашего отделения. Оказалось, что к этому времени проведение нашей конференции запланировано московскими коллегами на региональном уровне, то есть на уровне местного значения. Вмешиваюсь, разъясняю, доказываю, убеждаю, и в конце концов удаётся утвердить третьи «Рериховские чтения» как всесоюзные, а значит можно будет издать сборник трудов конференции.

18 августа 1981 года в честь наступающего юбилея Юрия Рериха тройка восходителей из новосибирского Академгородка под руководством Жени Маточкина взойшла на безымянную вершину между пиками Урусвати и Рериха и назвала её пиком Юрия Рериха. Путь восхождения начинался со стороны Кучерлинского озера от памятного знака Знамени Мира, нарисованного мною на скале. Далее через перевал и вершину Урусвати по острому волнообразному гребню с узкой снежной тропой, обрывающейся в обе стороны крутыми сбросами. Вершинный взлёт пика Юрия Рериха скальный. На вершине была оставлена фотография Ю.Н.Рериха.

В письме от 19 мая 1982 года Зинаида Григорьевна в ответ на сообщение о намечаемой к проведению в Улан-Удэ конференции и восхождении на пик Юрия Рериха вновь говорит о своей мечте приехать на Алтай: «Очень обрадовалась Вашему письму от 28 апреля и оценила Ваши мысли о всех тружениках, работающих

для общего блага нашей Земли. Делюсь с Вами также и мыслями о других планетах и их жителях, которые, безусловно, должны там существовать. Не может же быть во всём Космосе лишь одна наша Земля! Уже поступают время от времени сведения о других планетах и их обитаемости — пошлём и мы им привет...

Посещаемость нашего музея почитателями искусства Рериха необычайно выросла — мы начинаем удивляться этому явлению. Посетители прибывают из разных стран Европы и Азии... Благодарю за сообщение о конференции, которая состоится в сентябре 1982 года. Вероятно, она также будет посвящена памяти Юрия Николаевича Рериха. У меня сохранились самые светлые воспоминания о нём — выдающемся учёном и прекрасном человеке. Всё ещё мечтаю о возможности приезда на Алтай, когда там откроется музей имени Н.К.Рериха. Шлю Вам радость духа и лучшие мысли в Вашей плодотворной работе, а также бодрости и здоровья Вам и сотрудникам Вашим.

Обнимаю и целую Вас. З.Г.Фосдик»

Получив моё письмо с поздравлением с Международным женским днём 8 Марта и с сообщением о «Рериховских чтениях» в Улан-Удэ, Зинаида Григорьевна пишет 22 марта 1983 года: «День 8 Марта мне очень близок — он подчёркивает эпоху женщины, о которой много знают на Востоке. Женщины занимают ответственные должности во многих странах! Не могу понять, почему этот день не празднуется здесь! Всё же должна сказать, что культурными учреждениями здесь ведают в большинстве своём женщины.

Пришлите Вашу карточку с Василисой — Вас я помню, Вашу устремлённость и прекрасное лицо! Побывали ли Вы этим летом на Белухе? Благодарю Вас за присланную газетную заметку о «Рериховских чтениях» в Бурятии — хороший, ясный доклад. Имеются ли у Вас легенды о Беловодье?

Обнимаю и целую Вас и Ваших детей. В духе с Вами. З.Г.Фосдик».

3. Пик Святослава Рериха, 1983 год

В апреле 1983 года я пишу Зинаиде Григорьевне о планах нового восхождения на Алтае — на новый безымянный пик, который стоит в одном горном массиве, у северной стены Белухи, завершая комплекс вершин, посвящённых Елене Ивановне,

Николаю Константиновичу и Юрию Николаевичу Рерихам. Этот безымянный пик по предложению Евгения Маточкина будет называться пиком Святослава Рериха, это самый северный из пиков семьи Рерихов.

Мы готовим это восхождение вместе с Женей Маточкиным. Оно планируется международной группой молодых учёных из Чехословакии и Института гидродинамики Сибирского отделения Академии наук. Научное сотрудничество и совместное восхождение сибирских и чешских учёных — достойный пример единения наших народов на основе международного языка Знания и Красоты, о котором мечтал и к воплощению которого призывал Николай Константинович Рерих.

Перед самым восхождением мы побывали в Новосибирской картинной галерее, где наши гости из Чехословакии воочию увидели картины Рерихов — Николая и Святослава, взглянули их глазами на красоту и величие гор, прикоснулись к их внутреннему духовному миру.

Мы вручаем восходителям записку-посвящение и репродукцию картины Святослава Рериха «Ты не должен видеть этого пламени», чтобы оставить их на новой вершине.

Обо всём этом я рассказываю в письмах Зинаиде Григорьевне, делюсь с нею радостью предстоящего восхождения, а также радостью встреч со Святославом Рерихом и перепиской с ним.

С.Н.Рерих. «Ты не должен видеть этого пламени». 1968 г.

Восхождение на пик Святослава Рериха совершилось в июне 1983 года международной группой под руководством Иржи Пржидалы (Чехия) и Владимира Юдина. На вершине Святослава Рериха хранятся репродукция его картины «Ты не должен видеть этого пламени» и записка-посвящение:

«Мы, восходители советско-чехословацкой группы молодых учёных, называем эту вершину пиком Святослава Рериха в честь его наступающего 80-летия. Этот пик завершает массив вершин, посвящённый членам широко известной во всём мире семьи Рерихов — Елене Ивановне, Николаю Константиновичу и Юрию. Как в жизни шли они рядом, устремлённые к новым высотам духовного совершенствования, поддерживая, направляя и дополняя друг друга, внося достойный вклад в мировую сокровищницу, каждый в своей индивидуальной области Науки, Культуры и Искусства, олицетворяя их синтез, так и эти четыре рядом расположенные вершины гармонично сливаются в единый ансамбль, ведущий к сверкающим высотам легендарной Белухи.

Святослав Рерих — выдающийся художник современности, гуманист и общественный деятель, патриот индийско-

*Вид на Белуху с вершины Святослава Рериха.
Фото В.Тельнова, август 1983 г.*

советской дружбы, активно борющийся своим искусством за утверждение гуманизма, красоты и мира. Мы оставляем здесь репродукцию его картины “Ты не должен видеть этого пламени” как призыв к объединению людей планеты против угрозы разрушительной войны».

По возвращении на родину, в Чехию, Иржи Пржидалы писал мне: *«Книгу, которую ты дала нам о Рерихе, я прочитал. Мы много о ней говорили. В нашей научной библиотеке в Градце Кралоуе я получил ещё другую интересную книгу “Зажигайте сердца”, которая содержит много мыслей Н.К.Рериха. Теперь я узнал, какой великой личностью был Н.К.Рерих... Мы счастливы и гордимся тем, что нам выпала высокая честь завершить историю пиков, связанную с великими именами Рерихов на Алтае. Мы счастливы также, что могли по мере сил способствовать претворению в жизнь заветов Рериха о возвышении культуры духа, служении свету. Мы гордимся тем, что вложили свою крупицу в общее дело единения двух братских народов во круг Знамени Мира, поднятого Николаем Константиновичем».*

Написанная мною в соавторстве с Иржи статья «Знамя Мира над Алтаем» была опубликована в сборнике «Рериховские чтения» 1983 года. У себя в Чехии Иржи переводит статью на родной язык, дополняет её прекрасными фотографиями и публикует в местной прессе. Вместе с этой статьёй он высылает мне (в счёт гонорара, как он написал) прекрасной работы вазу из чешского цветного стекла в виде полураскрывшегося тюльпана. Я храню её до сих пор.

И вскоре, через два месяца после этого восхождения, 14 августа 1983 года, в канун Дня независимости Индии мы поднялись на пик Святослава Рериха. Нас было трое: Женя Маточкин (руководитель), Валерий Тельнов и я. Путь на вершину Святослава Рериха проходил сначала через ступени ледника Западный, а затем по снежно-ледовому плато у подножия пиков Святослава и Николая Рерихов к предвершинному взлёту — скалам из «живых камней», вплавленных в ледяную броню. Слева — несколько сот метров вертикальной скалы, справа — крутой склон ледника.

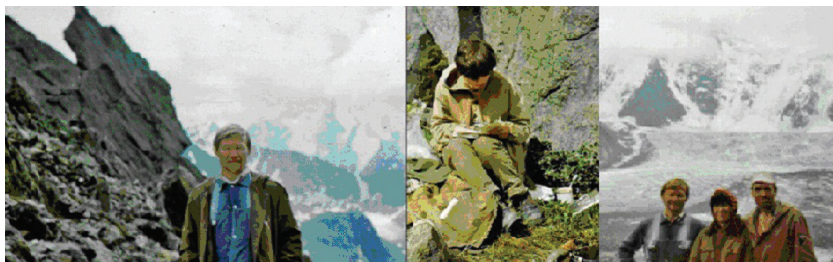
Этим восхождением был полностью разведан и окончательно завершён путь к вершинам семьи Рерихов на Алтае. Как в жизни шли они рядом, так и эти четыре рядом

Людмила Андросова (в руке записка-посвящение) и Евгений Маточкин на вершине Святослава Рериха. Фото В.Тельнова

расположенные вершины гармонично сливаются в единый ансамбль, ведущий к сверкающим высотам легендарной Белухи...

Восходители на вершину Святослава Рериха. Слева направо: Валерий Тельнов, Людмила Андросова, они же и Евгений Маточкин. Август 1983 г.

4. Вершина Сердце, 1983 год

Вершина Сердце на фоне Белухи, Алтай

И вот передо мной последнее письмо Зинаиды Григорьевны, написанное ею 30 июня 1983 года, за две недели до ухода из жизни. В нём она пишет: «...Когда будете на Белухе, поклонитесь ей от меня! Вспоминаю с радостью время, проведённое вблизи этой чудесной горы с Е.И. и Н.К. Рерихами. Обнимаю и целую Вас, сердцем с Вами. З.Г. Фосдик».

Это письмо я получила за несколько дней до нашего восхождения на Алтае. Мы уже знали о её уходе. И тогда я сказала себе: «Я обещаю, я клянусь. Я выполню Вашу просьбу, Зинаида Григорьевна». И я выполнила своё обещание. Мы не только поклонились от её имени Белухе, но и посвятили памяти Зинаиды Григорьевны одну из вершин Алтая у самой Белухи, так ею любимой. Находящаяся у северной стены Белухи, вершина эта по форме очень напоминает сердце. По предложению Жени Маточкина мы так и назвали её Сердце.

17 августа 1983 года в непосредственной близости от Белухи было одновременно совершено два первовосхождения — на вершину Сердце, посвящённую З.Г.Фосдик, и на вершину Беликова. На вершину Сердце поднялись В.Якубовский (руководитель), Наталья Саватеева и я.

Вершина Зинаиды Григорьевны Фосдик находится у северной стены Белухи, рядом с вершиной Урусвати. В записке-посвящении, оставленной на вершине, говорится:

«Мы, группа восходителей, называем эту вершину Сердце. По форме напоминая сердце, она находится в сердце Алтая, под покровом его легендарной Белухи, вблизи массива пиков семьи Рерихов.

Сердце — основа духовности и духовной культуры, и именно его значение подчёркивали Рерихи в своих трудах. Одно из произведений Елены Ивановны, раскрывающее путь Света, путь Познания, путь Красоты, так и называется — “Сердце”.

Мы посвящаем эту вершину памяти Зинаиды Григорьевны Фосдик, бывшей вице-президентом Музея Рериха в Нью-Йорке, верной соратницы Рерихов. З.Г.Фосдик была вместе с Рерихами на Алтае в 1926 году.

Мы посвящаем эту вершину также людям, несущим свет в своём сердце, — людям, посвятившим и посвящающим свою жизнь служению Свету, Красоте и Истине.

“Зорко одно лишь сердце, — самого главного глазами не увидишь”, — сказал Антуан де Сент-Экзюпери. И как символ горящего сердца Данко, эта вершина будет напоминать людям о стремлении к Свободе, к Свету».

Так была отмечена память выдающейся женщины нашего времени, верного соратника и друга семьи Рерихов, их верного и надёжного стража — Зинаиды Григорьевны Фосдик.

О ком я думала, когда писала строки посвящения вершины также людям, несущим свет в своём сердце? Прежде всего — о своей матери Анастасии Ильиничне Феофановой, любовь которой охраняла и оберегала меня на всех путях моих восхождений, о её пламенном сердце. Передо мной вставал также образ двух удивительных женщин, соратниц семьи Рерихов — Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе и Гизелы Ингеборг Фричи, которые подарили мне свою любовь; образ Рениты Андреевны Григорьевой, передававшей мне сокровенные знания.

5. Вершина Беликова, 1983 год

В тот же день, 17 августа 1983 года, группой туристов в составе Андрея Морозова (руководитель) и Евгения Маточкина было совершено восхождение на безымянную вершину, находящуюся рядом с пиком Святослава Рериха. Она посвящена памяти Павла Фёдоровича Беликова. И это совсем не случайно, что память об этих двух великих людях увековечена в пиках, стоящих рядом. Во время подъёма на вершину было видно, как наша группа поднимается по скально-ледовому взлёту на вершину Сердце.

Через три дня 21 августа 1983 года было совершено ещё одно первовосхождение на вершину Учитель: А.Морозов (руководитель) и Е.Маточкин. Выбор вершин и предложение назвать их именами Сердце, Беликова и Учитель принадлежат Евгению Маточкину.

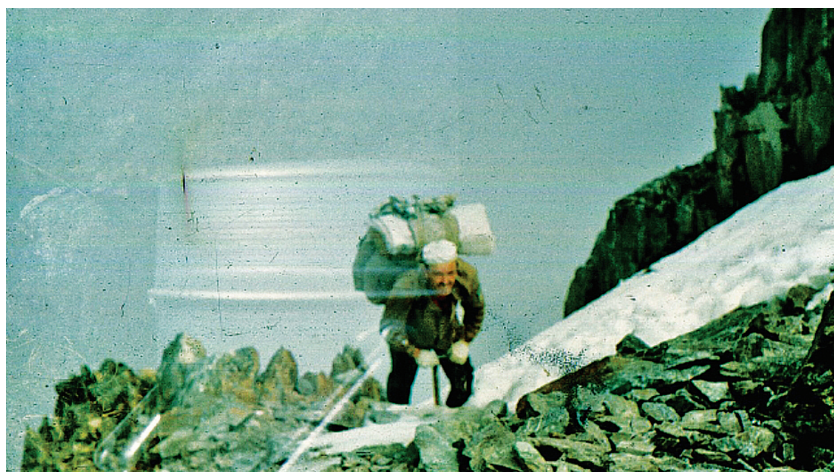

*На пути к вершине Беликова и вершине Сердце.
Слева направо: Андрей Морозов (руководитель восхождения),
Евгений Маточкин, Людмила Андросова, Валерий Тельнов.
Август 1983 г.*

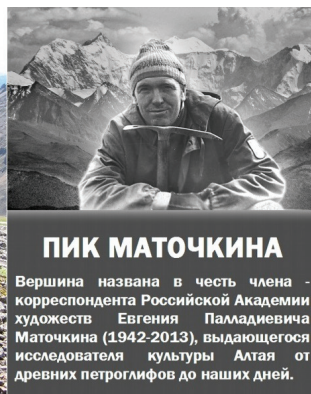
На вершине Беликова была оставлена фотография Павла Фёдоровича и записка с посвящением:

«Мы, восходители, посвящаем эту вершину Павлу Фёдоровичу Беликову — большому другу Сибири, человеку пламенного сердца. Его самоотверженная работа по изучению и пропаганде наследия семьи Рерихов стала проводником по пути служения Свету. Его вершина как маяк стоит перед массивом пиков семьи Рерихов».

*Евгений Маточкин на пути к вершине Беликова. Фото В.Тельнова.
17 августа 1983 г.*

6. Вершина Маточкина, 2013 год

Памятная доска на вершине Маточкина

28 июля 2013 года группа туристов г. Новосибирска под руководством Владимира и Александра Волковых поднялась на безымянную вершину Алтая (2926 м) на Теректинском хребте. Вершина названа пиком Маточкина в честь Евгения Палладиевича Маточкина. С вершины, как на ладони, виден весь Катунский хребет с легендарной Белухой. По Теректинскому хребту, рядом с вершиной, проходит древний караванный путь из Уймонской в Чуйскую долину. Возможно, величественный вид Катунского хребта вдохновлял людей на создание легенд о Беловодье.

В августе 2014 года группа новосибирских туристов под руководством Владимира Волкова совершила восхождение на пик Маточкина на Алтае. На вершине установлена памятная доска с надписью: *«Вершина названа в честь члена-корреспондента Российской академии художеств Евгения Палладиевича Маточкина (1942–2013), выдающегося исследователя культуры Алтая от древних петроглифов до наших дней»*. Мне выпала честь принять участие в этом восхождении.

Вид с вершины Маточкина (Катунский хребет с легендарной Белухой)

*На восхождении к пику Маточкина.
В белой куртке — Л.Андросова. Август 2014 г.*

И в заключение слова Святослава Рериха, его обращение ко всем участникам восхождений (отрывок из письма Святослава Рериха от 3 декабря 1983 г.):

«Очень прошу Вас передать всем участникам экспедиции на вершины Алтая мою глубокую благодарность. Скажите им всем, что меня глубоко тронула их мысль назвать эти вершины Алтай именами нашей семьи. Лучшего памятника не может быть. И я приношу мою сердечную благодарность всем участникам восхождения на эти прекрасные вершины и буду надеяться на возможную встречу с ними в будущем ...»

ГЛАВА 4. ПЕРВОПРОХОЖДЕНИЕ И ОТКРЫТИЕ ПЕРЕВАЛА РЕРИХА. АЛТАЙ, 1975 ГОД

Людмила Андросова на пути к вершине. Алтай, Фото Н. Плетнёва, 1975 г.

Меня как-то спросили, почему я хожу в горы, зачем я совершаю восхождения, ведь это же очень трудно. Я задумалась, согласилась, что трудно, и ответила, что хожу в горы потому, что они есть. Страстное желание увидеть мир с высоты. А трудности и опасности в горах повсюду. Бывает, что опасно каждое твоё движение, каждый шаг. И чтобы не упасть, чтобы выжить, ты должен идти, другого пути нет. Идти, преодолевая и тем самым осуществляя самого себя. Так закаляется мужество. И однажды тебе открывается, что вершины эти поднимают тебя не только на высоту, с которой открываются новые доселе невиданные дали, но они поднимают тебя на высоту, с которой тебе открывается новый взгляд на самого себя и на жизнь, тебя окружающую. Вот зачем я хожу в горы.

Рассвет над Белухой. Вид с перевала Каратюрк

Эти записи — не воспоминания о минувших событиях и не описание похода в общепринятом смысле. Написанные много лет назад, эти живые дневниковые записи с достоверностью отражают мысли и чувства людей в то самое мгновение (день и час), когда эти события происходят. В целом — это своего рода поэма, сказ о мужестве четырёх человек, не только в сложнейших условиях поднявшихся и покоривших перевал и вершины, но и сумевших подняться на вершину своего Духа и покорить Себя.

К моменту этого восхождения зимой 1975 года за моей спиной было много покорённых перевалов и вершин, в том числе и самая высокая вершина в моей жизни — 6097 метров. Но только после алтайского восхождения я остро осознала, что вместе мы — одно, единое, целое. И сколько раз, а точнее, сколько тысяч раз, я из своего далёкого далека переносилась на вершину, вставала, преисполненная благодарности, рядом с собой той, такой сейчас близкой, и ощущение полёта и всепоглощающей радости пронизывало меня. Вот как сейчас, когда я пишу эти строки...

Некоторые слова вызывают у меня сейчас невольную улыбку, но из уважения к себе той, что писала эти строки, я оставила всё как есть, всё как было и не изменила ни единого слова.

А частые интервалы в тексте указывают на разное время записи в течение дня, если только удавалась хоть какая-нибудь возможность их сделать.

«Живые» дневниковые записи

**ЕВГЕНИЮ ВЕЛИКАНОВУ,
руководителю первопрохождения —
открытия перевала Рериха на Алтае,
ПОСВЯЩАЮ**

Год 1974. Ноябрь

Святослав Рерих — в Москве, на нашей земле. Неожиданно встречу с ним перенесли на час раньше. Не удалось предупредить только Великанова. И больно, что его не будет, больно не за то, что Женьке не повезёт, а больно за себя, за Святослава, который не увидит по-настоящему здоровых сибиряков, не потерявших в искании истины, не вымученных ошеломлённых, не ахи-, охи-, охающих, а просто здоровых, молодых, незанудных, видящих, творящих руками собственными, головой, трезво мыслящих. Им и принадлежит будущее. Для них и вся мудрость. А пока — открытые двери. У них и для них.

Гостиница «Советская». Павел Фёдорович Беликов встречает нас, сибиряков, у широких дубовых дверей огромного кабинета: «Проходите, проходите». Навстречу поднимается Святослав. В мягком светло-коричневом, наглухо застёгнутом пиджаке. Строен. Прям. Среднего роста. Глаза тёмные. Плотные сжатые губы. Неотрывно, внимательно смотрит на каждого. Крепкое рукопожатие. Всюду цветы. Алые и белые розы, красные гвоздики. Садится за огромный письменный стол в углу кабинета, откидывается на спинку стула, руки сцеплены. Внимательно смотрит. Говорит: «Расскажите мне о Сибири, какие у вас планы, как живёте...» И неторопливо ведётся беседа. В присутствии Святослава всё очень спокойно. Голос ровный, мягкий. Становится хорошо и главное — просто... Нет гнёта собственного при-

сутствия. Не думаешь, что делаешь неловкость какую-то, и даже не приходит в голову, как обычно, что он о тебе подумает. Волна — когда ты такой какой есть, и это принимается. Словно знал его всю свою жизнь...

Запаздывает старушка Наталья Дмитриевна Спирина. Вот и она. Входит. Восторженный горящий взор. И незаметно садится вместе с нами. И продолжается беседа. Пауза. Робкое покашливание, дверь гостиной неуверенно открывается — входит Вера Яковлевна Кашкалда, хранитель картин Н.К. Рериха в нашей галерее. В руках букет белых цветов. Она издали здоровается, подходит к столику, вокруг которого мы сидим. Неловко пытается воткнуть в полную вазу красных гвоздик и роз принесённые цветы, все они не входят. Ещё одна попытка, ещё. Она смущается, затем кладёт цветы на стол, рядом с собой.

Беседа продолжается. Уже П.Ф.Беликов выразительно смотрит на свои часы. И вдруг распахивается дверь. На пороге Великанов. Загорелое русское лицо светится белозубой улыбкой. Плотный свитер подчёркивает ладность стройной фигуры. Через весь кабинет проходит прямо к Святославу, протягивает ему руку. Садится. И всё просто. Без ненужных движений и смущений.

Ну вот, всё-таки пришёл. Наконец-то не только болезненные лица, не только старость, не только пожирающий горящий взгляд, но и само здоровье, бодрость, сила — здоровый смех, здоровый желудок, здоровый (здравый) смысл. И уверенность. Словно пахнуло свежим ветром. Поистине Великанов на нашем фоне.

«Я твоё пальто, Людка, увидел, — рассказывает потом, — смотрю, вроде бы вовремя пришёл, никого нет, время идёт. Спросил номер Рериха — и пошёл».

* * *

— Женька, если пойдёшь на пик Рериха в горы — возьми меня. Возьми, Женька. Вот посмотришь, я пригожусь тебе. Возьми.

— Если не будет народа, тогда возьму.

— Нет, Женька, возьми. Я Пойду. Вот увидишь. Я Пойду.

Год 1975. Март
Горнолыжный поход на Алтай
(поход посвящён 30-летию Победы)

Восходители — группа туристов Сибирского отделения Академии наук:

Евгений Великанов — руководитель,
Людмила Андросова,
Николай Плетнёв,
Анатолий Полищук.

Маршрут: Новосибирск — Бийск — Горно-Алтайск — Тунгур — Кучерла — перевал Кузюк — Метеостанция — перевал Трудный (3А) — пик Разоружения (3772 метра) — Метеостанция — открытие-первопрохождение перевала Рериха (Победы), пик Рериха — Кучерлинское озеро — перевал Капчал — Язёвка — Усть-Каменогорск — Новосибирск.

3 марта, 15 часов. Горно-Алтайск. Сюда пришла весна. Яркое солнце. Капель. Со звоном падают сосульки.

— И какое это может быть удовольствие? — тётя Груша, страж гостиницы, наблюдая наши потуги с рюкзаками.

4 марта. Уже 8 утра, а семичасового автобуса всё нет... Зато есть краски неба. Оно постепенно обволакивается золотом и наступает рассвет.

— Смотри, Людка, — небо горит, — Женька.

4 марта, 19 часов. Усть-Кокса. Измотала нас дорога. Одиннадцать часов автобусной тряски. Долины среди гор. Ни снежинки. Удивляешься, почему трава жёлтая, а не зелёная. Навстречу иногда выплывают резко очерченные скальные глыбы, подобно монументам, что, как сказал Женька, «пахнут древностью». Вокруг Усть-Коксы синие-синие горы, окутанные дымкой тумана и вечерних сумерек.

5 марта, 8 часов утра. Снег, снег, снег... Падает крупными хлопьями. Тепло. Уже покрыты белыми шапками ещё вчера совсем чистые ближайшие холмы. В воздухе разлиты белизна и свежесть.

И вот наступила хмарь. Ещё вчера казалось, что в этом благословенном месте всегда солнце. А сегодня с утра этот мокрый тяжёлый снег. Туман закрыл, занавесил горы.

А автобус-то свой, деревенский. Пока всю родню не объездил и все встречные-поперечные магазины — не пошёл дальше. И вместо обычных трёх-четырёх часов едем из Усть-Коксы в Тюнгур уже шестой.

— Добрый день у нас, — говорят мужики и пьют.

Великанов встречает Макарыча, знакомого местного алтайца, и мы идём в его дом, в Кучерлу, что в трёх километрах от Тюнгурса. Кучерла — последнее алтайское поселение на пути к перевалу.

— Считайте, поход начался ночью, о-ри-гинально! — Женька.

— Ты знаешь, Макарыч такой человек. В войну до Одера шёл. Однажды в день с боями прошли 110 километров. Пятки отставали... Он может о многом порассказать. Работал здесь председателем райисполкома, — рассказывает Великанов.

— Любитель ты, Женька, что ли? Я бы взял отпуск, рядом с бабой и ни-ку-да, — Макарыч.

— Да знаешь, Макарыч, живём-то ведь как. Сидя. В домах каменных. Вот и ходим. Двигаемся. Дышим.

— Ну ты и дыши. Завалился — хочь один, хочь с бабой под деревом, ну и лежи себе. Куда идти-то? Отдыхай. Ну мужиков-то, мужиков-то не жалко, а вот девка — ейдрит...

6 марта. День походный первый

Избушку Макарыча кедры обступили в снежном уборе. Стройные ели. Внизу сразу речка. В избе современная мебель, плюшевые занавески, гора подушек на перинах. Половиками домоткаными устлан пол. Русская печь. Весело потрескивает. Урчит. Музыка моего детства.

7 часов утра. Кучерла. Идёт и идёт мокрый снег.

— Погода шибко плохая, на перевале оно, знаешь, как. Воет. Метёт. Испокон веков наверху у нас теплее, чем внизу.

А сейчас на горе холодно. Потому — весна. Да и оплывни там должны быть. Наш совет — не ходи, если тепло. Сейчас самое время оплывней... — Макарыч.

— Ну и денёк у нас будет сегодня. Без рюкзаков. На лыжах. Сани будут, — Женька, возвращаясь с алтайцем-аборигеном.

— Ну, Женька, сам мучаешься и людей мучаешь, — первые после приветствия слова аборигена.

— Для нас, знаете, это не мучение. В городе чахнешь просто. Без свежего воздуха...

— Да отдохните тут. Куда вам идти?

Макарыч притащил мясо маралье. И пошёл жор.

— Пока работать не работаем. А есть — едим. Мясо, — Женька, наваливаясь на жратву.

— Нет, так я, пожалуй, редко ем. Чтоб до седьмого поту... — Толя, еле вылезая из-за стола и качая головой.

— Макарыч, не знаю уж, как и благодарить тебя. Слепой он. Может, вылечат, — Женька, принимая в дар медвежью желчь.

— Не-а, ты говоришь, раз для друга... Другому я бы и не сказал даже, а тебе, Женька... Мне Женька — друг великий.

— Ну что, будут лошади или нет? — допытывается Толя. Для него всё должно быть ясно и однозначно.

А вот и сани.

— Может, молочка парного попьёте, а? На дорожку!

Мы медленно, глоток за глотком выпиваем этот нектар, нектар доброты и гостеприимства.

15 часов. В одной маечке, как Бог, Женька скользит на лыжах. Снег кружится, медленно падает на голые плечи, руки. Тут же тает. Кедры обступили со всех сторон. Хрустальные ветви склонившихся берёзок. Тишина. Только Женька иногда прерывает её пронзительным гиком. Во всю мочь орёт песни типа: «Ан-дрю-ха! А не пойти ли нам слегка выпить кружечку пивка — знать дорога до пивной недалеко!». Поёт так заразительно, с такой бодростью и вкусом.

— Всё-таки есть смысл в движении зимой. Именно в скольжении. Придаёт особую лирику, я бы сказал, — Женька.

На самом перевале отдали честь Алтаю. Я по алтайскому обычаю привязывать многочисленные ленточки-надежды к

ветвям ёлочки пристраиваю свою. Толя закурил с кайфом, как он сказал.

19 часов. Аккем. Зимовка скотоводов. Избушка на курьих ножках. Правда, с небольшими оконцами и дверью с поклоном. Внутри — полати с шубами мехом наружу и печь почёрному.

Коптилка, импровизированный стол и всё как надо. Гостеприимные радушные алтайцы — Женькины друзья. Вытащил он свою C_2H_5OH (этиловый спирт) — и пошли мужички, разошлись.

— Тяжело вам будет идти-то...

— А мы доходили за день. Если озвереем — дойдём.

— Одна женщина. Берегите.

— Мы её на 8 Марта понесём — у неё ноги-то идти уже не смогут...

— Вот я бежал 86 километров, ёлки. За 10 часов, — Женья.

— Женька наш до сих пор остановиться не может...

— Карелов, говорю, — продолжает Женька, — ты как старый пердун рассуждаешь. Вот, мол, придут два человека, помрёт там все и будут катить на туристскую секцию. А мне потом говорят — сделали такое дело. Всю рутину нашу всколыхнули. А я горд, что идея-то моя...

Аккем зимой. Фото В.Тельнова, 1977 г.

— Снег-то идёт помаленьку...

— Да-а-а...

— В деревне, говорят, медведь-то 130 овечек задушил. Прямо рядом жил-то. Пока с этой лицензией на него, а он душит себе да душит...

Вплотную к стеклу окна вдруг приблизилась белая морда со свисающими слюнями. Белая, во всё окно. Жуть!

7 марта. День второй

— Ох, погода нехороша!

— Сейчас первые два километра без рюкзаков до избушки...

— Ха! Там и заночуем!

— Люда, запиши, как Колька сказал: «Какой горячий снег!». Поставь кавычки и напиши, — Плетнёв.

Сегодня по существу первый день похода. Первый день у нас за плечами, нагруженные тяжеленные рюкзаки, и мы в полном вооружении идём сначала на лыжах, потом вверх-вниз по тропе без оных. Колька забурился, сошёл с тропы. Спустились к Аккему. Проясняется.

— Ах, какая красота, — Толя.

Скальные крутые берега. С ледопадами. Узенький проход. Беспреданно обходим полыньи незамерзающего Аккема. Снег рыхлый, не очень глубокий. Палка ищет опоры и не находит. Лёд.

Если прислушаться — шумит Аккем под ногами. Иногда прямо ревёт, тогда невольно поднимаешь глаза к небу — очень напоминает рокот реактивного самолёта. Миг — и уже ничего не слышно.

Разноцветные скалы покрыты мхом. Лес хотя и частый, но не густой. Тонкие ели, склонившиеся берёзы.

17.30

— Набросились на дармовщину. И не жевали, небось, — Женька, видя наши с Колей мучения с животами.

— Что-то палец большой жмёт, ужас один, — Колька.

— Врёшь поди, — Женька.

— Вру? Как вру?

8 марта. День третий

Полыхает костёр. Ясное утро. Небо безоблачное. Впервые не идёт снег.

У костра за завтраком:

— Никогда со мной такого не было, — Толя.

— А что?

— Да сжёг я ботинок-то!

— А я нож потерял.

— Вот Карелов потерял кольцо обручальное. И нашли его через месяц. Может, и ты нож найдёшь.

— Я тоже потерял, Валентина до сих пор пытается окольтцевать... А спальник?! Продали ведь меховой. Полутораспальный! Ни за что, говорит... Ох, ёлки, ну какое сердце выдержит, рядом мёрзнет девчонка, а ты... в тепле. Ну ничего, будет теперь новый. Потайное дно сделать, что ли? — Женька. Он собирается и ворчит: «Ведь говорила мне жена: “Ты прежде чем делать, подумай”. Ищу, ищу я штаны запасные, потом остановился, подумал: они же на мне!». Мечтаем о хорошем лёгком снаряжении, и заодно Женька выводит формулу Жизни:

— Я вот что понял: чтобы дело двигалось, вообще любое, надо помнить о нём ежедневно, и каждый день должен быть шагом. Иначе — конец. Если будешь выполнять время от времени — это годы и годы. Ёлки! Железно. И вообще — любая невозможность определяется только нашей инертностью...

11 часов. Сол-ныш-ко. Солнышко. Впереди засияли вершины. А вот и двуглавая Белуха показалась. ЗДРАВСТВУЙ! И поклон тебе от всех. Какой сегодня день солнечный. Какой ясный день! Белуха так отчётлива на фоне голубого неба. Лишь лёгкое облачко над ней. Не уходит. Как охраняет.

14 часов. Обед. Костёр. Женька наполняет лес здоровым криком очередной песни.

— Сейчас душу погреем кипятком и пойдём, — Толя.

— Ну я, братцы, рвану на метеостанцию. В два раза быстрее на лыжах, — Женька.

А нам так не кажется, и мы на своих двоих — тянем каждый свою верёвочку дурости. На лыжах легче, быстрее, и то

ещё важное обстоятельство, что на них видишь не одни только собственные ноги. А сейчас мы уткнулись в снег — чуть не туда ногу поставил и провалился разве что не по пояс.

18 часов. Уже совсем смеркается. И первые звёзды зажглись. И вдруг — горы раздвинулись и такая ширь! Неожиданно — после двухдневного пути по реке и по лесу. И совсем близко свет из окошка дома, что стоит на самом берегу озера, наверху. Ярко выпали звезды. Необычная взору глубина пространства, гладь озера, открывшаяся панорама гор — всё это завораживает, притягивает и манит к себе.

И стоишь перед Белухой. Как в середине цирка. И ледник от Белухи плавно спускается в раскинувшееся озеро, прямо к твоим ногам. Чтобы дом стоял здесь. И в доме этом ждут. Баня по-чёрному. Вне очереди принимаю эту сауну. И всё осталось там: и усталость, и тяжесть от непривычных рюкзаков. Показалось так легко и невесомо.

БЛАГОДАРЮ. БЛАГОДАРЮ...

Метеостанция на Аккеме.

*Фото В. Тельнова,
1977 г.*

9 марта. День четвёртый

Вытаскиваю книгу стихов хорошего поэта Павла Васильева: Женя Маточкин передал с нами для ребят, которые работают здесь, на метеостанции.

Коля разочарованно смотрит: «Передай Женьке, чтоб таких подарков больше не посылал. Ненавижу стихи». А я думаю: вот молодец Женька. Ведь это единственный способ заставить человека поверить в стихи. Ведь других книг здесь всё равно нет. Ах, молодец. И точно, на следующий день: «Передай Женьке спасибо. И подумать только. Стихи...»

Ясный солнечный день. Утром минус 19. Выходим в 14.30. И потопали. Прямо навстречу к солнцу, навстречу спускающемуся к озеру леднику. По озеру. Кто в валенках, кто в ботинках. С бахилами. По следам шатуна или рыси, а может быть, росомахи.

На пик Разоружения (Караююк). Через перевал, который так и называется — Трудный. Завтра вернёмся сюда. Идём без лыж.

Женька далеко впереди. А у меня — шагу сделать не могу, назад еду. Колька. Терпеливый. Для страховки давал всё — ледоруб, ногу, руку. Вместо мата вслух, по крайней мере, говорил: «Людочка!» или: «Ну, мать!..» Это когда я от страха — ни туда, ни сюда.

— Вот что я вам скажу, ребята, — Женька, как только мы подошли к вынужденному месту ночёвки. — Если так будем идти завтра, мы не подойдём даже к подножию перевала. — Пауза.

А сейчас: уютно шумит примус. То и дело раздаются — «кайфы», «экстазы»... Тепло. Колькин чай с лимоном. Завтра всё оставляем здесь и уходим. Вверх. Перевал по описаниям должен быть не очень сложным. На пик Разоружения и назад.

10 марта. День пятый

Дежурный Женька рано заурчал примусом. Уже светло. 8 часов. Ветра нет. Ясно. Не холодно. Выход.

Один маленький рюкзак на всех с продуктами на сегодняшней день. Надеваем кошки. Выходим навстречу солнцу, которое вот-вот выйдет из-за горной гряды, куда идёт наш

путь вверх. Оглянешься назад — и перед тобой раскинется панорама, от которой становится тепло на душе. Милая сердцу картина. Спускающиеся из цирков ледники-дороги. Они навсегда уже стали для нас символом веры в непоколебимость и неуклонность движения. В них — наши восхождения, к ним — наши возвращения.

Лазурное небо. Иногда набегающие облачка бросают над всем цирком лёгкую тень. И уходят. Здесь всё вечно. Как должно быть. Сияние чистоты и внутреннего света. И среди этого необъятного мира вовсе не чувствуешь себя потерянным, маленьким — как бывает в узком пространстве среди людей.

Открылся перевал, и стал виден наш пик. Перевал с виду очень крутой и высокий. Только в 12 часов мы у его подножия. Фирновый крутой язык. Идём на кошках. Две связки. Наш склон всё время в тени. А через два часа подъёма столкнулись с ледовой стенкой. Перила с попеременной страховкой.

Женька рубит ступени с нижней страховкой на ледовых крючьях. И уходит вверх на длину верёвки. Забывает и заворачивает крюк, принимает нашу с Колькой связку и пропускает вперёд Кольку. Тот рубит ступени и уходит вверх. Дохожу до

Ледники-дороги. Фото О.Фомичёва

Женьки, и он уходит на рубку ступеней. Подходит Толя — он в одной связке с Женькой.

Становится холодно. Ледовой стенке конца не видно. Работы. Ожидание. Неизвестность. Иногда ноги беспомощно скользят по льду, ища опоры.

— Знала б моя мама, — бормочет Толя. — Сейчас залезем на тот гребешок и погреемся на солнышке.

— Мы на тот гребешок залезем, когда не солнце будет, а звёзды, — Коля.

Холодно. Холодно. Задерёшь голову — и тогда увидишь перемычку. Ещё по верёвке вверх и ещё. Нет, это опять не конец. И тогда глаза тоскливо снова упираются в стенку.

7 часов вечера. Небольшое плато. Фирн. Начинает темнеть. Вверх идти поздно, вниз — тоже. Остаётся одно — холодная ночёвка.

— Может, пещеру выроем? — Колька.

Он пытается рубить ступени вверх, и ты с отчаянием смотришь: неужели снова, сейчас, когда стоишь так устойчиво, и снова лезть?!

— Стой! — Женька кричит, — вниз чуть, Колька. Посмотри, что там за трещина.

Минут через десять Колька спускается в неё по верёвке. Кричит:

— Давай! Люда, ты меня видишь? А тебе ни зги не видно. Только внизу чёрная пропасть, словно разинутая пасть. Нет палатки, нет спальников, нет огня, нет тёплых вещей. Есть жестокий и холодный ветер, временами пронизывающий до костей. Есть вершины, к которым ты тянулся. Утром такие бесконечно далёкие, теперь совсем рядом. Есть синие-синие дали — там, внизу. Есть твои товарищи, друзья — ты здесь с ними и благодаря им. Есть сознание ответственности твоей за всё происходящее. Есть улыбка, есть твоя радость, ибо идут минуты, несущие в себе конец и начало. Минуты, имя которым — жизнь.

В ледовой трещине тихо, ветра нет. Холодно. В свете вспыхнувшей спички видишь ледяные своды. Блестящие, отливающие синью. Снег выкристаллизовался в ажурные свисающие навесы. Мгновение — и всё снова погружается во мрак.

Вдоль сквозные отверстия. Немного сифонит. И мы углубляем нишу. Сидеть не на чем. Одна верёвка. Жиденько растя-

нута по кругу. Выдержать. До рассвета. Целых 12 часов... Измерение времени минутами. Чувствуешь, как оно тягуче, это время.словно струна, которая натягивается, натягивается и скоро должна лопнуть. Сидим, прижавшись друг к другу. Колотишь ногами. Шоркаешь спиной. Устраиваешься часами. И так неловко, и так холодно. Меняешь место. Стоишь. Так и проходит время. И удивляешься, что оно проходит.

Мечтаем. Кто о чём. А всё больше о тепле, о горячем чае.

— Я тебе чай такой заделаю, Людка, вот как придём только... — Колька.

— Сколько верёвок-то набросили? — раздаётся чей-то голос.

— Да метров 250, верёвок десять.

— Давай покурим.

— Давай. Одну оставим. В семь утра раскурим. Табачок там просыпался. Сейчас наскребу.

А Женька умудряется спать. Просыпается, когда отмерзает нога. Потом орёт песни. Потом снова засыпает. Колька вскакивает:

— Ой, мамочка! Не могу больше! Промёрзли ноги!

А на нём только одно трико из синтетики. Да и мы не лучше одеты. И шапки нет никакой. А холодно...

— Людка! — кричит, — что у тебя болит? Говори! И растирает, растирает... — Садись на меня!

А Женька снова спит. Только и слышишь: «Который час?» И механика одна и та же. Колька спрашивает, Толя чиркает спичкой, Женька смотрит на часы.

— Смотри-ка, уже шесть. Ещё час осталось. Надо ж... просидели, — Колька.

Трещина постепенно наполняется светом, новым днём. Натягиваем кошки. Никак не могу: всё смёрзлось. Колька помогает:

— Спасибо!

— Вот детей своих увидишь, тогда и скажешь спасибо...

Вверх по верёвке из трещины. Морозный рассвет. Тихо-тихо. Прозрачный синий воздух. Ясно. Чуть поднимаемся к туру. Выходим на перевал. Уже предвестники солнца — рдеющие невесомые розовые облачка на востоке. И Белуха. Прямо перед тобой, ты на уровне её вершин, гордо вознёсшихся к небу.

Читаем записку группы туристов Томского политехнического института, недавно поднявшихся на перевал по на-

шему пути. Подъём по стенке занял у них 16 часов, почти в три раза больше времени, потраченного нами. Они дали ему категорию сложности 3Г.

Белуха уже в облаках. Идём вверх к гребню. К пику Разоружения. Каменная не очень крутая осыпь. И постепенно поднимаешься над всем Алтаем. И удивительно: шаг шагнёшь — всё меняется. Взглянешь — открывается новый вид. Яркое солнце. Заглянешь за гребень — и видишь новые цирки, отливающие синевой ледники, сверкающий снег. И ты. И солнце. И ветер.

— Я схватился за ухо. Смотрю, оно ничего не чувствует. Растираю, толку нет, потом второе, — рассказывает Колька.

На гребне сильный ветер. Мы с Толей отстаём. Доходим до ребят. Они там уже давно и насквозь промёрзли, ожидая нас. Но нет, это ещё не пик. И снова вверх, теперь уже все вместе со страховкой. Наконец-то! Пик Разоружения! 3772 метра.

Белуха напротив протянула две иглы к небу, тянется, гордая, сверкает своей белизной, светит нам. Словно ты поднялся на крыльях и кто-то держит. И всё кругом горит цветами разными, разукрасилось, голубые и фиолетовые дали. Сумеру Азии. В середине Азии, в сердце Алтая. Эту высочайшую точку

*Людмила Андросова на пике Разоружения.
Фото Н. Плетнёва, 1975 г.*

Алтая, легендарную красавицу Белуху, называют Владычицей Алтая, Матерью Алтайских гор. Гордо стоит она, возвышаясь над прочими вершинами, взметнув почти вертикально вверх километровую неприступную стену.

Легенды многих народов, обращённые к будущему, связаны с Белухой. От этой замечательной вершины в обе стороны своеобразным полукругом отходят отроги хребтов. Отсюда, с вершины Разоружения, кажется, что они, эти отроги хребтов – словно её заботливые материнские руки, распростёртые для объятия и покрова. Как у Рериха: «А за Белухой кажутся... Гора Божественной Владычицы и Пять Сокровищ Снегов, и сама Владычица Белых Снегов и всё писаное и не писаное, всё сказанное и не сказанное». И вспоминается: «Задумана картина. “Сосуд нерасплесканный”. Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несёт Он сосуд свой...»

Чувство глубокой усталости.

– Что, забралась, а радости нет? – Колька.

Решили идти вперёд в надежде отыскать не такой трудный спуск. Острый гребень. Такой узкий, что возможно поставить только одну стопу, оставить только один след. А по обеим сто-

Н.К.Рерих. «Сосуд нерасплесканный». 1927 г.

ронам пропасти. И тоненькая ниточка жизни между ними, по которой ты ступаешь. Снег белый-белый, рассыпается, а небо чистое-чистое, бесконечное, солнце яркое-яркое, сверкающее, горы синие-синие, звонкие. И тишина. Звонящая.

— Потрясный гребень, да? Толщиной в два пальца, — Женька, — хоть верхом садись.

Спуск по верёвке на следующий гребень. Последним — Колька. Вытягивает верёвку.

Опасный ледовый переход. «Не смогу, — мелькает мысль, — лёд, траверс, кошки. Они ж не держат. Да и как на них? Не умею я...» — Женька уже перешёл. Рядом Колька. И протянутая между ними по ледовому склону верёвка. Через мой карабин на груди. И срыв. И падение... И ещё раз срыв. Треугольником напряглась верёвка, застрахованная через ледоруб. Побелевший Женька:

— Ты, ты, ты... понимаешь, кто ты? Потенциальный труп — вот кто ты. Труп. Это же случайность, что карабин твой застёгнут, что правильная обвязка, что ледоруб выдержал... Страховка — это ж так... Опасно? Да, очень. Но... просто.

— Понимаю всё. Женька, прости. Я всё равно буду ходить в горы. Я боюсь. Но я преодолею. Я клянусь тебе, клянусь себе. Мне только победить себя. Всего один шаг. Ведь это сложно. Прости...

Ещё один гребень. И... стена. Круто обрывается вниз. А у нас всего две верёвки, и что нас ждёт дальше — неизвестно. Время далеко за полдень. Мы стоим в нерешительности. Решено повернуть назад.

— Ребята! Ребята! Соберитесь с мужеством, я прошу вас. Если сейчас не будем копошиться, то мы должны, должны спуститься.

Вид с Восточной Белухи. Фото В.Волкова, 1995 г.

Двуглавая Белуха. Фото В. Тельнова, 1983 г.

Сегодня. Иначе снова холодная ночёвка. А это гроб. Нужно быстро. Во что бы то ни стало, — отчеканивает Женька слова.

И вот снова через этот ледовый склон. Теперь без страховки. — Иди! — Женька.

И я иду... и прохожу!

По верёвкам забираемся на вершинный гребень. И по нему, по этому гребню, по уже вделанным нами ступням-следам. Солнце в лицо. И Белуха. Протяни руку — и дотронешься до её главы.

16 часов. Мы снова на нашем перевале, куда поднялись на рассвете после холодной ночёвки в трещине. Если спускаться, то по своим ступеням только можно успеть. Но тогда последний должен идти по ледовой стенке без страховки, пренебрегая всякой техникой безопасности, чтобы остальным можно было передать вытаскиваемые крючья и верёвку.

И Женька идёт последним. Раз, раз, раз, лицом к склону, словно по невидимой лестнице. Как маленький ловкий зверёк. Потому что горы — его, потому что они приняли, потому что он имеет себя. Потому что в ответе за нас. За всё. И за всех.

А ты идёшь с верёвкой. По ступеням своим. Вниз. И когда ноги не находят ступени, верёвка ходит туда-сюда. И замирает

сердце, и клянёшь себя за медлительность. И изо всех сил стараешься быстро, чтобы не задерживать. Не получается.

— Ты видишь как Колька? Вот так и ты должна, — Женька мне, и уже не стесняясь называет вещи своими именами. Как будто включается кнопка какая, и веер слов, однозначных и определённых, при виде меня или Толи. Чувство такое, что хочется просто сесть и — вниз, и будь что будет. Внутри монолог с собой, а вслух глупые просьбы:

— Коленька, подожди! Подстрахуй!

Удивительно: всё, что ни скажешь, — не попад. Всё ерунда, всё лишнее.

— Да ты что, Людмила, здесь же фирн. Опять страховка? Ты что?!

А Людмила эта идёт по фирну со страховкой и до боли, до слёз стыдно за себя.

Ледоруб Колькин, что удержал меня на срыве, устал рубить, да и вообще устал, глядя на нас. Не выдержал. Сломался пополам.

7 часов вечера. На пятой точке по последнему снежнику вниз. Спокойные краски заката. Горящие вершины. Два дня. Не ели, не пили, не спали. Без огня, без тёплых вещей. Ночь в трещине при 30 градусах мороза. Срыв, падение. И этот спуск! Но усталость чем-то побеждается. Просто ты победил — и чувствуешь силу свою. И можешь сделать, кажется, всё. И всё по плечу. И всё доступно. Вниз, вниз. Чуть ли не бегом. Солнце ласковое, заходящее, отблесками заката, спокойным светом своим благословляет. Всё так спокойно. И мирно. И просто. Красота и свежесть необыкновенные. И всё родное, твоё. Руки протягиваешь к горам, ласкаешь их взором, ищешь на небе первые звёзды, слушаешь тишину.

Ты идёшь к палатке. Там свет, там тепло, там огонь, там чай. Подходим уже в темноте. Временами ветер пронизывает до костей. Кончики пальцев рук и ног потеряли чувствительность и отчаянно мёрзнут. Оставаться здесь, в палатке, на леднике, залезать в холодный спальный мешок, когда рядом, внизу, всего в пяти-шести часах ходу — Дом, где тепло... 40 часов напряжённой опасной работы без еды, без питья, без сна, без отдыха. Но желание тепла беспредельного, какое только возможно лишь дома, — сильнее усталости. И мы уходим вниз в темноте.

Высыпали все звёзды, какие только есть во Вселенной. Горят. Огромные. Каждая с блюдце. Вот-вот вспыхнет небо от них или скатятся к ногам. Словно Земля простёрла руки свои — горы снежные — к небесному своду, и тот откликается аккордом света звёздного, переливающегося.

Берём слишком глубоко вниз и напарываемся на скальные обрывы. А прямо под ними — озеро, на котором стоит наш дом... И до чего же обидно снова вверх. В обход. Колька же спускается на верёвке. Что-то ухнуло. Кричит: «Жив! Не идите сюда. Я один пойду. Обходите!»

— Дурной! — качает головой Женька, сматывая верёвку. — Но... молодец!

И мы снова вверх и снова вниз. Слышно только — у-ух! Это Толя в очередной раз уткнулся по пояс в снег. Палатка, которую он небрежно привязал к низу рюкзака, постепенно распускается и тянется за ним как шлейф. Он останавливается, подбирает концы, и вместо того чтобы как следует собрать рюкзак, равнодушно рассовывает их куда попало. И вновь тянется шлейф.

На очередном спуске окунаешься в снег. Лицом. Боже, до чего же приятно. Мгновение лежишь. Смотришь на звёзды. Необычное небо. На снегу так приятно. И снова смотришь на звёзды. Но вдруг понимаешь: это от усталости. Встать и идти.

Наконец и озеро. И рукой подать до метеостанции. И спокоен путь, и лёгок. Уходим с Женькой вперёд, оставляя позади тоненький отзвук Толиного голоса, извещавшего, что скоро он до нас доберётся. Последние три-четыре километра. Под звёздами. По глади озера. Женька пытается навязать свой темп, но, увы... И уходит вперёд.

А у тебя состояние вне времени и пространства. Оглядываешься назад. Белуха, язык ледника — так близко. Впереди виден огонёк метеостанции. Огонёк далеко. Это наша Земля Обетованная. К ней идём. Но горы-то ближе и роднее. Повернуть назад? Ведь горы ближе... Останавливаюсь. Отдых. Нет, нельзя. Даже две минуты отдыха настораживают. Слушаю себя. Отдыхаешь, потому что устал, или, может, чтобы не идти?.. Тишина-то какая! Небо горит. И кольцо гор окружает тебя. Близко. Огонёк впереди — далеко.

И немного начинаешь понимать. И тогда встряхиваешься. И уже без всяких остановок. Всё. Мир в тебе. Огонь впереди.

Чай. Тепло. Отдых. Уже слышен лай собак. И идти ещё можно сколько угодно. Усталость — понятие столь относительное. Равнодушие — только не сейчас.

Огонёк в ночи всегда манит. Но этот огонь для нас сейчас особенный. Он суть всего. В нём весь смысл. Он помогает преодолеть путь. Вся сущность твоя, вся мечта — этот огонь. И нет больше никаких желаний. Временами мощный луч прожектора освещает путь, словно протягивает тебе руку и зовёт. И тогда до дома, кажется, рукой подать. И чувство глубокой благодарности тем, кто ждёт нас, благодарности за этот огонь, который сконцентрировал в тебе все твои желания, устремил к себе все помыслы. Ибо он несёт тепло. Тепло от глаз усталых, тепло от улыбок доверчивых и тихих, тепло от радости быть вместе и сидеть за одним столом. Тепло в ногах. Тепло в руках. Тепло от того, что можешь пить Колькин чай. И только после чая понимаешь степень усталости. Ноги гудят... Глаза отяжелели... Всё. Сон.

12 марта. День седьмой

И какой солнечный! И Белуха с ледником сверкают перед глазами, больно смотреть. К метеостанции подошла группа из Москвы.

- Откуда вы?
- Да вот снизу.
- Давно здесь?
- Давно. Вчера вернулись с пика Разоружения.
- А-а-а... Вы альпинисты, значит?

Стол праздничный — такой, что Женька не выдерживает и идёт за фляжкой. Печка уютно потрескивает, и стол весь светится.

- За ваш поход дальнейший, чтоб удача была.
- За вашу жизнь здесь...

И пошли разговоры:

— Ищешь всякие пути, чтоб убежать с работы. В прошлом году — пик Рериха — юбилей, руководитель. Потом Памир. Отпуск всего месяц, нужно полтора. Опять же первенство страны...

- В общем, ты сачок, Женька.
- Сачок, не сачок, но не перерабатываю...

— Как я вчера плёлся. Может быть, с голодухи. Хотя... хилость, — Толя.

— Крюк забиваешь, весь склон гудит: «у-у-у!» — того и гляди, доска сойдёт, — Колька.

— Холодрыга. В трещине ночь просидели...

— Как я за крюки боялся. Всё думаю: выдержат или нет.

— С алтайками невозможно договориться — у меня всё есть, но без мужа ничего нет.

Женька тем временем снова выводит формулу жизни:

— Меня всегда возмущает — не могу попросить. Значит, и дать не можешь. С натягом у него всё это будет. Жизнь формирует человека. Когда человек просит, это совершенно спокойно. Взаимный процесс — вам отдам. Человек, не умеющий просить, не может и давать. Это же однозначно совершенно. Не может быть, чтобы он давал, если просить не может...

К столу нашему из печки вытащили только что испечённый хлеб.

— Ты знаешь, как они хлеб здесь пекут? — Женька. — Лучше всякой бабы, не говоря уже о женщинах.

— Люда, вырази чувства туриста, прошедшего холодную ночёвку и попавшего на метеостанцию. Вырази душевно, в стиле Рериха, а? — Колька.

А в местной газете в заметке под названием «Седло двуглавой красавицы», нахожу такие слова: «В ближайшее время район Белухи должен стать объектом охраны. Здесь будет организован заповедник».

13 марта. День восьмой

Невесёлые кряхтящие сборы. Кроме рюкзаков берём с собой лыжи на пристёжку и дрова.

10 часов.

— Да, ребятки, погодке каюк. Уже флажки на вершинах гудят...

— Может, в связи с этим сократим маршрут, а? — Толя.

— Да нет, — Женька.

— Но ведь ты говорил, что этот перевал никто никогда не проходил...

- Говоришь, пять часов ходу до перевала?
- Может, залезем тогда сегодня на перевал?
- Сейчас даже говорить не будем. Посмотрим, ёлки.

13 часов. Ползём к перевалу.

- Тучи за горы зацепились, гады, — Толя.
- Ребята, всем смотреть вон в ту сторону, — очередная привычная просьба.
- Мои глаза вообще бы ни в какую сторону не смотрели, — Коля.

16 часов. Ветер. Снег.

— В прошлый раз такая же была погода, — Женька. — Перед нами цирк заключительный. Чуть левее — наш перевал.

- А спуск там сложный, а? — Толя.
- Да нет, я думаю, двоечный.
- А что такое двоечный? — Толя, почти про себя...
- Ох, эти морены... Как я их не люблю, — Колька.
- Да, мне они тоже не нравятся, — Толя. — А в чём тогда вообще счастье восхождения, если не походить по моренам? Погода? Хорошая редко бывает. Вот никогда я не был приверженцем горных походов...

- И не будешь, — заканчивает Колька.
- Вот в тайге хорошо... — Толя.
- А меня в тайгу никогда не заманишь, — Колька.
- А мне везде хорошо, — Женька. — Вот, Толя, летом я тут на леднике, и шага не пройду.

— Не, я работать летом хочу. Мне надоела такая жизнь. Сто рублей лежит в запасе, очередь подойдёт на холодильник — не на что купить, — Толя.

- Толя, да брось ты насчёт работы.
- Нет, надо, Женька, надо. У меня даже пальто хорошего нет.
- А я семь лет в демисезонном хожу — и зимой, и летом. Никогда не работал и не буду. Украсть что-нибудь могу, но чтобы работать... ха-ха! Ну что, сейчас уже ищем место ночёвки? — Женька.

- Сейчас в палатку зарыться — самое то для меня, — Толя.
- Людка у нас дежурная, пусть чай варит на снегу.

Сильный ветер. Устроились под защитой большого камня. Толик взял на себя добровольно заботы о костре — из дров, что мы подняли с собой (Колька наш примус потерял, когда спу-

скался). Но, увы, — как завоюет, заметёт, крылья палатки напрягутся, хлопнут изо всей силы — и от костра одни угли да снег. После многочисленных попыток пришлось оставить эту затею.

14 марта. День девятый

8 часов утра. Ветер вроде чуть ослаб. На этот раз костёр удаётся разжечь. И мы пьём горячий чай.

— Понимаешь, Люд, всё это плешь, что в горах, мол, откровение и всё такое... Вот когда ты пашешь, никаких таких ощущений нет, просто тупость. Все извилилки стираются, сглаживаются, ни одной не остаётся. А всё остальное — для идиотов, — Колька.

— Нет, давно замечено, что русские, когда собираются, говорят либо о смысле жизни, либо о бабах...

— Ура-а-а! На Рериха! На перевал Победы! Ура! — орёт Женька.

Сильные порывы ветра. Метёт... Открылся перевал. Крутизна страшной. И почти на одной высоте с ним — пик Рериха. Знакомый по фотографии «абрис Эвереста», как сказал нам Святослав Рерих.

Перевал Рериха со стороны Катунского хребта (последний взлёт).

Слева — пик Рериха.

Фото В.Хвостенко, 1978 г.

Здравствуйте! К вам иду так долго. Целую жизнь. Женька убеждает: там же нет льда, нет. Только фирн. Поднимаемся по крутому фирновому склону. Ничего не видишь из-за пурги. При порывах закрываешь лицо чем придётся, закрываешься руками. Жестокий колючий ветер. У бергшрудта кратковременный отдых. Подтягиваешь лыжи и можно спокойно оглянуться. Метёт, метёт, метёт... И сколько нам ещё вверх!

Женька рассказывает: «Вот на этом самом месте я сидел однажды, погода точь-в-точь такая же. Сажу, сажу, рюкзак снял, жду Усольцева, он где-то отстал и из-за пурги не видно. Мы с ним вдвоём тогда решили пройти перевал, остальные все заболели. Ни зги не видно. Потом отстегнул лыжи и пошёл вниз к нему. А его-то сдуло оказывается. Но ничего, обошлось. Но идти дальше отказался наотрез. Пришлось, ёлки, назад за рюкзаком подниматься».

А дальше вбиваем крючья и попеременная страховка. И... лёд (!) вопреки предсказаниям Женьки. И снова рубим ступени. Как на том перевале. Только тогда не пурга, а яркое солнце, не было тянущих рюкзаков за плечами и не болтались позади, мешая движению, лыжи.

Ледовая трещина на крутом склоне. Колька прошёл, уже вышел вверх на всю верёвку. Женька втыкает ледоруб на уровне моего носа: «Наступай, я держу, и лезь». Мои многочисленные попытки подтянуться приводят только к расширению трещины. И я беспомощно скатываюсь назад. Женька наклоняется: «Становись на спину коленками. Я подниму тебя», — и ложится поперёк трещины.

Становлюсь. И неожиданно сообщается ощущение абсолютной устойчивости и надёжности, словно то маленький остров, принявший потерпевшего крушение. И возникает уверенность, что, пока островок этот есть, всё будет в порядке.

Толя пытается сам преодолеть трещину, но, увы, поднимается по моим следам — Женькиной спине. «Я голову одной рукой закрыл, чтоб не саданули, а другой держал их ногу с кошками. Заедут ведь, ёлки. Снесут башку-то», — Женька.

А Колька там, выше, видя только мелькание наших папок, страшно замёрз и исчерпал уже весь запас выразительных слов. Но и ты чуть не кричишь от боли, когда пальцы ног после отчаянных попыток вернуть им чувствительность

Вид с перевала Рериха на пик Рериха. Фото О.Фомичёва

начинают отходить. Оказавшийся незащищённым участок тела из-под задравшегося рукава штормовки мгновенно покрывается ледяной коркой.

Только в 18 часов мы на перевале. Ветер страшный. И от него никуда не укрыться. В лицо кидает острые колючки льда и щебня. Глаза открываешь руками, отдирая ледовую корку. Уже поздно. Надо спускаться. Впереди — полная неизвестность, никто никогда здесь не спускался. И мы не идём на пик Рериха. В промежутках относительного затишья видишь некрутую каменную осыпь, выводящую на пик. И что-то сжимается внутри. Что ж, не судьба, видно, сейчас.

Оставляем записку о первопрохождении нового перевала Победы — перевала Рериха (так мы его называем) — и сразу вниз. Ветер перехватывает дыхание.

— Да, братцы, не помню, чтобы у меня хоть раз такое было на перевале. Ужас! — Женька.

Спускаемся в трубу. Постоянно сгребашь лёд с лица. А у Толи борода — сплошная ледяная корка с длинными сосульками. Сначала по камням. Узкая-узкая труба. Затем, слава богу, снежник. Крутой. И уже по нему. Толя поскользнулся и полетел вниз: голова-ноги, голова-ноги... Но впереди нет

*Перевал Рериха с запада. Наш спуск.
Фото О.Фомичёва*

каменной. Выводит прямо на ледник. Бог ты мой. Всё обошлось. Спуск-то какой. словно неожиданный подарок. Этот спуск, впервые пройденный — единственный относительно доступный для многих путь на пик Рериха.

Темнеет. Сразу после спуска прямо на леднике ставим палатку. Сухомятка — и в мокрые задубелые спальники. Всю ночь сильный ветер.

— Да, ничего себе, заделали перевал. ЗА, наверное, — Женька.

— Если бы я знал, что такие перевалы, я бы ещё подумал, идти или нет, — Колька.

15 марта. День десятый

Раннее утро. И снова метёт. Сильные порывы ветра. Видимости почти никакой. Усматриваю в небольших перерывах затишья огромную скалу как раз у поворота на перевал и в его основании. Рисую на этой скале красной акварелью, что дал мне Женя Маточкин, изображение Знамени Мира Рериха. Этот знак, хорошо видный издалека с морены, послужит будущим восходителям ориентиром при подъёме на перевал и пик Рериха с запада, со стороны Кучерлинского озера. Это самый близкий, относительно несложный и безопасный путь на пик Рериха, он не требует специального снаряжения.

(P.S. Летом 1975 года, спустя несколько месяцев после нашего зимнего восхождения и открытия перевала Рериха, мы втроем: я, Женя Маточкин и Володя Карлинер — снова поднялись на пик Рериха. На этот раз мы совершили восхождение по только что открытому и пройденному нами зимой западному пути. Путеводной вехой послужил нам начертанный мною на отвесной скале в сильную пургу Знак Знамени Мира. Только теперь, летом, эти три красных круга в круге вечности были высоко подняты над мореной, словно невидимая рука вознесла этот рукотворный знак и защитила его от ветров и непогод.)

Уходим. Кто на лыжах, кто — пешком.

— Никудышные вы горнолыжники, — заключает Женька в ответ на наши многочисленные падения и наши мучения, когда вновь и вновь, зарывшись по пояс в снег, приходится надевать спавшие крепления и натягивать рюкзак, который всё норовит опять воткнуть тебя в снег. И метёт, метёт, метёт...

Спускаемся ниже. Ветер потише.

— Нет, всё-таки когда тепло, — лучше, чем когда холодно, — глубокомысленно заключает Женька.

Только что спустились к реке. И у первых кустарников заделали чай. Чай! Целую вечность мы его не пили. И потому пьёшь его с закрытыми глазами, не пьёшь, а впитываешь. Стихает. Иногда даже солнышко проглядывает. Идём к Кучерлинскому озеру.

16 часов. Ползём на лыжах по руслу реки. На лыжах — это потому, что они вроде бы на ногах. Но чаще — на пятой точке по камням и льду. Пошёл бурелом. И лыжи на пристёжке. А кругом тайга и горы. Могучие кедры убегают вверх. Снега всё меньше. Обнажается земля. Сухая трава.

— Хорошо в тайге, а, Людка? — Женькино лицо светится белозубой улыбкой.

— Людка у нас идёт как танк — впереди. Да и здоровье поди есть — сберегла на перевалах...

— Вот сейчас ветер подул, мягкий такой, весенний, скажи, да? А наверху там глаза выдирает...

Толик немного отстаёт. И приходит своим путём по руслу реки, раздирая в кровь помороженные запястья рук.

Кучерлинское озеро весной

21 час. Какой костёр! Часов в 17 спустились к Кучерлинскому озеру. «Необыкновенная красота», — замечает Женька. Пирамидами спускаются кедры и стройные ели. Окружённое горами, убегающими сопками. Группа литовцев, что встретилась нам на озере, видимо, побывала здесь и оставила нам прекрасно оборудованное место ночёвки — лапник, кострище. Выдуваем уже третий чайник. Тепло. Уютно. Разве такое может быть в избе (которую мы, кстати, не нашли)?

Каждый сушится. Кто что. Женька сунул чуть ли не в костёр свою пятую точку и больше ничего не сушит. «Два часа на ветру — и сухой. Во! Понятно, как надо сушить?» — это он про свой спальный мешок. Посмотрел, посмотрел Толя на свой новый экстрашерстяной носок, да и бросил его в костёр — догорать. Тепло располагает к беседе.

— Романтика, — zaczynaет Колька.

— Не в романтике дело. Здесь чистая жизнь. Жратва, спанье, препятствия. Без всяких там. Жизнь самая что ни на есть. А там — обман, грязь, бардак, грызня...

— Ажно хохочешь иногда, — вставляет Женька.

И Рерих... И Алтай...

16 марта. День одиннадцатый

Идёт снег. «Наверху сифонит-то как! — докладывает Толя. — На леднике чувствуешь себя беспомощным, а в тайге — ой как хорошо!» Холмы, скалы окружают озеро с набегающими волнами ёлок и кедров.

13 часов. «Четвёртый день сыпет и сыпет, никуда не годится», — Женька. На пути встретились литовцы — возвращались назад: снег, мол, глубокий, да и непогода. А сейчас по их лыжне мы подошли к месту ночёвки. Кедр, кедр, кедр. Ледопад. Мощные отроги. Идёт снег. Тихо-тихо.

— Цейлонским чаем их пои, тоже мне, — ворчит Колька.

— Мама моя милая, куда ты меня пустила и зачем? — бубнит Толя, подходя к костру. — Иногда порывы ветра очень сильные. Тревожат. Заслоняют всё. Это здесь, в лесу. А что же там, наверху?

— Что это всех европейцев волнует, как это нас выпустили на маршрут, а? — Женька.

Сбегали с Колькой наверх. До ледника. Проторили тропу. Там тихо. Как и здесь. Ночуем на месте ночёвки литовцев. И снова костёр, чай, уж который раз за сегодня. Снег идёт. Тихо. Тепло.

Рерих... Алтай — будущее всего человечества.

— Бросьте вы, на юге лучше, — Толя.

— Так езжай туда, чего ж не едешь-то?

И сами себе доказывают, почему Алтай, почему Сибирь. Сегодня. Главное. И яблоки-то сибирские вкусные, и урожай-то на душу выше, и народ-то работающий... А уж воздух, а прозрачная хрустальная вода, а кедр-то могучие, а горы... Костёр аж до небес! «Сидят как куры на насесте», — Колька.

Это он про нас. Нет-нет, да и провалится в снежную яму костра снег от чрезмерного упора ногами. И тогда к всеобщему удовлетворению Женька кричит: «Карниз обвалился!» А сейчас он углубился и сосредоточенно уже не в первый раз за сегодня зашивает бахилу.

17 марта. День двенадцатый

8 утра. Ясное небо. Ни облачка. Подарок Алтая. Наконец-то после стольких дней непогоды. Солнце наступает — освещены соседние склоны. Скоро и к нам спустится. И весь день солнце. Прямо в лицо.

— Идём, морды к солнцу крутим, — Женька.

Сегодня день Белого Безмолвия. Ледник под снежным плотным покровом медленно-медленно поднимает нас к перевалу. По мере движения вверх всё грандиознее панорама. Спускающиеся с соседних цирков ледники, горные вершины, причудливые скалы. И всё залито солнечным сиянием. И всё белым-бело. И тишина.

Ты поднимаешься — и расступаются горы. Всё шире. Всё выше. Скалы, пики, трапеции, эллипсы — всё тебе в дар. Вместе с ярким солнцем и спутниками твоими. И реально в мире только то, что ты идёшь, окружённый Белым Безмолвием.

Через шесть часов подъёма выходим к заключительному цирку. Перевал Капчальский. Колотун.

— Смотри, Алтай перед тобой, Людка, — Коля.

Здесь уже Казахстан. И вниз — на лыжах. Как полёт, как парение. О-го-го-го! Это Женька, раскинув руки с палками в стороны, подобно распрямившимся крыльям, осуществляет скоростной спуск.

Огромный цирк. И снова тишина. И снова застывшие горы. И снова белым-бело. И снова яркое солнце. И снова холодно. Двенадцать часов по Белому Безмолвию. Спокойные краски заката. Синие сумерки. Голубое небо. Вечереет. Небо темнеет. Впереди виднеется лес, разбросанные тёмные купола кедров. Издали на склонах они кажутся понатыканными, словно бутафория. Так неожиданно тёмные, одинокие на ослепительно-белом. В синих сумерках тонкие покровы снега над гладью реки излучают свет. словно внутреннее сияние. И он, этот свет, направляет и ведёт.

Совсем стемнело, когда мы подошли к месту слияния Капчала и Катунь. Устали. Холодно. Да ещё Женькино крепление ни к чёрту, как он говорит.

При свете коптилки в палатке:

— Ну, братцы, зимой в горы я больше не пойду. Уж очень это суровое мероприятие. Какой колотун сегодня! — Женька. — День красивый был, но холодный, ёлки. Я постоянно боялся обморозить пальцы.

— Красивое ущелье Капчал-то. И мощное.

— Эх, была бы на Алтае памирская погода, — вздыхает Колька. — Не ходи, Людка, на Рериха больше, замёрзнешь.

— Да, ходить в горы зимой — это большое мужество, — Толя.

— Откуда, откуда, за что меня так, а? Понадеялся на технику, а она оказалась... — Женька показывает оба сломанных крепления лыж. — За что же такие напасти? Никогда у меня такого не было...

18 марта. День тринадцатый

Просыпаешься — весь спальник усыпан маленькими кристалликами льда. И холмы, и солнце, и тепло, и Катунь, и грустно от того, что каждый шаг приближает к концу похода. Небо подёрнуто дымкой облаков. Очень тепло. Парит. И Толя сжигает глаза (а перед этим он оставил свои очки на метеостанции: лишние, мол). Кедры столпились по склонам холмов. Вниз по Катунь. На юг. Идём в Язёвку. Километрах в двадцати по Катунь должна быть изба. К ней наши устремления. Очень хочется тепла. Ну тягун! Ох и тягун! Ноги сами по себе, а ты сам по себе. Переставляешь как ходули (по рыхлому проваливающемуся снегу).

17.30. Катунь уходит на запад, а мы — вверх по холму к Язёвому озеру. Оттуда, куда течёт Катунь, показались синие-синие горы. Гребни их блестят на солнце и сливаются с голубизной неба. Трудно оторвать взор от этой гармонии цвета. Всё в голубых нежных тонах: и снег, по которому мы идём, и глубокие тени по отрогам гор, и воздух, и небо. И вода в Катунь прозрачная и хрустальная, от разлитой всюду лазури кажется слегка голубоватой. И вспоминаются слова Н.К.Рериха: «Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны травы и кедры. Кто сказал, что суров и неприступен Алтай? Чьё сердце убоялось суровой мощи и красоты?».

Поднимаясь по склону, попали в берендеевский лес. Лучи заходящего солнца пронизывают стройные могучие кедры.

И вдруг деревья распахнулись, и прямо навстречу солнцу выкатилось озеро...

Алтай улыбнулся нам прощальным закатом. Тихим и спокойным. Серебром и золотом отливают белоснежные сопки, за которыми скрылось солнце. Изумрудом растекается, переходит в розовое и заливает всё небо. Торжество тишины, необъятной дали, белоснежных гор и спокойного небесного сияния.

Белуха в лучах заката

— Людка, смотри, какой закат. Тянет, как мать родная, — Колька.

И прямо над золотым ореолом нам навстречу выплывает избушка. Движок стучит издалека. Ну вот, это уже всё. Десяток чумазных здоровенных лесорубов режутся в домино и карты...

* * *

Это я, это ты — через много-много лет. Ты пришла на берег Тихого океана, где сейчас живёшь. Ты слушаешь музыку волн прибоя, ощущение Беспредельности пронизывает тебя... И мне так легко перенестись к тебе на вершину и встать рядом с тобой...

Вершина... Глубокая тишина... Ощущение полёта и всепоглощающей радости... Посмотри на меня... Я пришла к тебе из твоего далёкого далека, я склоняю свою голову перед тобой и говорю тебе спасибо! Ты раскрыла передо мной свою тайну, и с тех самых пор я знаю, сколько внутренней непознанной силы таится во мне и что для меня нет ничего невозможного... В трудные минуты жизни моей это ты из своего сияющего глубокого далека протягивала ко мне руку и говорила: «Встань! Вспомни, кто Ты».

Ты ещё не знаешь, что пройдёт 10 лет, и Святослав Рерих скажет тебе слова, которые ты будешь нести в своём сердце: «Помните, я всегда думаю о Вас. Вы дороги мне. Вы знаете, что я люблю Вас. Это главное». «Но почему, — вскинешь ты изумлённый взор, — как могло это случиться? За что?» — И он ответит: «Это неважно, за что. Важно, что это есть...». И добавит: «Если у вас растёт дерево, полное яблок, не надо считать, сколько их, достаточно съесть одно или два...»

Прости меня... Ты видишь — я плачу... Вот моя рука. Полетим вместе...

**ГЛАВА 5. ВСТРЕЧИ И ПЕРЕПИСКА
СО СВЯТОСЛАВОМ РЕРИХОМ (1974–1989 гг.)**
«Живые» записи встреч

*Святослав Рерих и Людмила Андросова.
1984 г. Фото Д.Энтина*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ (март 1975 г.)

Недавно я прочла обращение Шри К.Г.Сайдэйна (Shri K.G.Saieydain) к группе студентов при посещении ими выставки Святослава Рериха в Дели в 1960 году, и меня взволновала глубокая правдивость его слов (перевод с английского — мой).

«Если вы живёте на берегу Ганги, — пишет он, — возможно, вода покажется вам совсем неважным делом. Но если вы будете лишены её в течение всего лишь 24 часов, вы поймёте, как она вам необходима. То же самое происходит и с вашим отношением к сверкающей красоте Природы. Она в своей бесконечности открыта вашим глазам и днём и ночью, и вы не испытываете трепета перед нею. Утро наступает каждый день сиянием своей красоты, а вы не удосужитесь даже оторвать голову от подушки, чтобы поприветствовать его! Лунный свет чарует ночью — вы закрываете окно своей комнаты и идёте спать!

Но если красота Природы, которая наполняет наши дни и ночи, вдруг исчезнет или вы потеряете зрение или слух, как вы будете чувствовать себя? Не поймёте ли тогда, что всё это было бесценным подарком? Спросите жителя района, где значительную часть года небо заволакивают облака, существует ли бóльшая радость в жизни, чем тёплый поцелуй сияния солнца? Спросите беспомощного, прикованного к постели больного — и он расскажет вам, какую радость и умиротворение может дать видение ясного голубого неба. Человек, который потерял зрение, может рассказать вам, как это мучительно — идти по жизни без сияния цветов и времён года.

Вы часто гонитесь за искусственным богатством и считаете запасы золота и серебра — распространённый признак богатства — как самое важное в жизни, забывая, что Природа дала непосредственно в распоряжение каждого человеческого существа щедрые дары радости, которые не могут соперничать с придуманными человеком ценностями. Да не попросит ничего другого тот, кто имеет сокровища Природы! Как может человек чувствовать себя бедным и несчастным в мире, где солнце воз-

вещает улыбку рассвета каждый день, а вечером исчезает под усыпанный драгоценностями занавес ночи, где небо усыпано звёздами и сиянием луны, а земля убрана цветами и зелёными полями — мир света и цвета, запахов и музыки, каждый с его бесконечным разнообразием! Будет ли тот, кто имеет глаза, чтобы видеть, и разум, чтобы понимать, оплакивать свои несчастья и потери в мире, подобном этому?»

И, обращаясь к картинам Святослава Рериха, Шри К.Г.Сайдэйи говорит далее:

«...Представленные здесь картины многозначительны, потому что художник не только отразил жизнь, но и дал выразительное толкование, выявив внутренний смысл жизни. Взгляните на панель из трёх картин, названную “Триптих”. Возможно, Рерих уже говорил вам о ней. Я не знаю, что он сказал, но я поделюсь с вами своим отношением к ней. Мне представляется, что эти три картины показывают бесконечную историю человеческой жизни и устремлений. Здесь дана картина великой борьбы человека во все времена.

С.Н.Рерих. «Распятое человечество» (триптих). 1939—1942 гг.

Эти картины заставляют нас забыть, что мы суть жители определённых городов и стран, определённого столетия, и мы становимся частью великого пульса человечества. Это история о том, как люди возвышаются и падают, об их скорбях и радостях, надеждах и крушениях, и мы чувствуем, что

по сути своей мы — несущая жизнь, очень важная частичка движущейся истории.

В первой картине показано, что человек тяжко трудился, боролся и страдал, и вот он устал и в отчаянии задаёт себе вопрос: есть ли путь, который мог бы привести его в лучшее будущее? Вторая картина возвещает о том, что в каком бы столетии ни жил человек, в этом или тысячу, а то и пять тысяч лет назад, он всегда страдал и проходил через испытания и невзгоды, войны и голод, а эпидемии и человеческие страдания обступили его, подобно разбушевавшемуся огню.

Подобно Иисусу Христу, человечество распято на Кресте. В чём же тогда его будущее? Сможет ли оно найти выход? Посмотрите на третью картину. Она говорит нам о том, что, какие бы ни были у человека неудачи, страдания или срывы, существует нечто внутри него, что всегда зовёт его вперёд и вверх, что ведёт его от разочарования к надежде, от гнёта зависимости к радости свободы. Да, люди находятся в рабстве, но цепи этого рабства скованы не внешними силами. Цепи рабства скованы самими людьми: их слабостями, их нерешительностью, их несправедливостями, их преступлениями.

Человек вечно стремится освободиться от оков, и не только от оков внешних, но и от более опасных, внутренних, которые он создал сам себе в сфере духовной жизни. Итак, эта картина изображает ту извечную истину, что человеку свойственно постоянное стремление пробудить свои духовные силы и возможности. Величайшая гордость и триумф человека состоят в том, что он оказывается всё более способным победить свои слабость и ограниченность и устремиться навстречу величию истины, величию красоты, величию добродетели и соединить эти бесценные сокровища в своей жизни. Науки, которые вы изучаете в школе, мастерство, которое вы приобретаете, ремёсла, которым вы учитесь, — всё это само по себе очень важно. Но гораздо более важным является понимание того, что «не хлебом единым жив человек», что существуют тысячи вещей в жизни и природе, которые более важны, потому что они представляют извечный смысл правды, добродетели, красоты и благопристойности, которым мы должны учиться, чтобы ассимилировать в су-

ществе своём. Наш великий индийский поэт выразил это стремление человеческого духа такими словами:

Что я могу? Мне не пристало отдыхать.
Моё сердце нетерпеливо подобно бризу
В море красных полевых маков!
Когда глаза созерцают предмет красоты,
Сердце устремляется к ещё более прекрасному!
От искры к звезде, от звезды к солнцу моё вопрошение
С нетерпеливым взором и надеждой в сердце.
Я ищу конец в том, чьё имя — Бесконечность!

Великий дар Рериха для нас состоит в том, что он показывает эти различные аспекты жизни, равно как и неудачи и крушения, и раскрывает нам откровения надежды, созидания и устремления. Благодаря ему мы имеем как бы своеобразные очки, с помощью которых можем увидеть внутренний смысл вещей...»

Год 1974-й. Ноябрь

Впервые я встретила со Святославом Рерихом в Москве в октябре 1974 года, во время празднования 100-летнего юбилея Николая Константиновича Рериха. То была первая встреча группы сибиряков, как и я, приехавших на этот юбилей.

Год 1975-й

Летом 1975 года в Академгородке г. Новосибирска проходит выставка картин Николая Рериха из собраний Святослава Рериха. 13 июля 1975 года перед самым закрытием, я записала в книге отзывов: *«Святослав Николаевич! Неужели никогда, никогда больше не увижу эти картины? Неужели сегодня своими собственными руками буду упаковывать их в тёмные ящики?»*

Ранним утром, когда лучи солнца находили лицо, и ты ещё не проснулся, но ощущение радости полной и не знаешь, отчего это, и вдруг — ну, конечно же, сегодня опять, снова можно пойти к Рериху.

От дома моего к нему ведёт тропинка. Через лес. И лес этот становится тебе другом. Ты видишь его пробуждение, видишь, как день ото дня всё расцветает и набирает силу (ведь у нас, в Сибири, всё цветёт так поздно!). Он приветствовал тебя каждый день, этот лес, зная о ведущем сквозь него пути, и этот каждый день приносил новую радость — и ему, и тебе.

Так как же мы теперь?

Да-а, понимаю, “когда даёшь себя приручить, случается и плакать...”».

Год 1978-й

Мне и в голову не приходило, что, будучи в Москве, отчаянно прилетев туда по поручению президиума со всеми бумагами и документами по институту «Урусвати», я увижу Святослава Рериха. Всё получилось как будто случайно и так, что приехала, чтобы быть с ним. И быть всегда.

1 июня. Государственный музей народов Востока. 15 часов. В залах Рериха — Святослав Рерих, Девика Рани, ещё несколько человек. Павел Фёдорович Беликов твёрдо настаивает: «Подождите!». «Святослав Николаевич, познакомьтесь, — подводит меня к Святославу, — учёный секретарь Сибирского отделения Академии наук». Святослав Николаевич внимательно смотрит на меня и протягивает руку. *«Вы когда прилетели?»* — «Вчера». *«О, вместе, значит. Я тоже вчера»*. — «Мы ждём вас в Сибири...» — *«Не могу приехать. Не знаю даже, как мы будем здесь. Мы 14-го должны быть в Дели»*. «Здесь Окладников», — вставляет Павел Фёдорович. С.Н.Рерих: *«С ним надо связаться. У Вас есть телефон номера гостиницы?»* Диктует. Павел Фёдорович поправляет. Там много цифр, и я говорю: «Потом запишу». *«Зачем же потом? Ничего потом не надо. Сейчас запишите»*, — Святослав Рерих.

На выходе на лестничной площадке неожиданно сталкиваюсь с Юной Дроздовой, и пока мы, обрадованные встречей, останавливаемся в разговоре, выходит Святослав. Он спускается по лестнице. Он протягивает нам обе руки и вкладывает их в наши — её и мою.

2 июня. Утром Павел Фёдорович звонит мне в гостиницу и просит привезти к С.Н.Рериху письма и другие документы

по институту «Урусвати». «Но я не могу, Павел Фёдорович, не имею права...» «Хорошо. Наверное, приезжать тогда не надо», — замылся он.

Да я и не просила его о встрече. Мне бы хотелось только поприсутствовать и посмотреть на Святослава хотя бы издали на какой-либо деловой или официальной беседе. «Но такая вряд ли будет в ближайшее время, — поясняет Павел Фёдорович, — Святослав Николаевич занят, у него встречи, встречи, встречи...» Ну что ж, не судьба, значит. И я мысленно уже еду к тётке в Рязанскую область.

А поздно вечером, возвратившись в гостиницу, вижу записку с просьбой позвонить в любое время Беликову. Звоню. «...Святослав Николаевич сам спрашивал о вас. Он хочет видеть вас...»

3 июня. Уже половина 12-го ночи. У Рениты Андреевны Григорьевой дома. С босыми ногами, в длинной ночной Рени-тиной сорочке подхожу к порогу комнаты, где ждёт меня постель, и... застываю. Запах сандала. Свет лампы освещает изображения Сергия, Вивекананды, картину Белухи, цветы на столе. Большой письменный стол завален листками исписанной бумаги, портрет Василия Макаровича Шукшина на нём.

— Иди сюда. Я отдаю тебе свою келью. Это самое дорогое, что я могу сделать для тебя, — Ренита.

Из последнего письма Василия Макаровича к Рените, последнего в его жизни:

- Ренита, родная, я люблю тебя...
- Собственники! Мы и солнце спрятали бы в свою кубышку...
- Евангелие от Матфея: Друг жениха радуется...
- Всё ложь, ложь, ложь. Не хочу лжи...

Ренита. Её стихи. Слова их и ритм куда-то уносят, успокаивают. Глаза закрываются на мгновение, я отчётливо вижу ярко-красную полосу предвечернего неба. Очнулась: сколько прошло — секунда, минута или больше? По-прежнему волны стихов.

Ренита. Её мысли, слова.

- Надо вносить своё — в любовь, в жизнь.
- Главное — в равновесии. Агни Йога и вот они — Шукшин, Распутин. Не два полюса, а равновесие. Распутин и знать не знает об Агни Йоге, а ведь делает, зажигает огонь. Можно всё читать, главное — делать. Фатей Шипунов — коммунист

больше чем кто-либо. В тюрьме бийской сидел. Беречь таких надо. Его и Распутина, сильных духом. Ревякин тоже...

— Любишь если, ты не убивай. Поверни любовь в другую сторону. Трансмутируй.

— Замкни истину в сердце, и да проявится она в делах твоих...

Господи! И за что мне такое? Я ведь обычный человек. «Не говори так, всему приходит время», — Ренита.

4 июня. В гостинице у Святослава Рериха. Вместе с Рени-той. Передо мной — чудо творения. Красота человеческая, совершенство. Благодарит за поклон от сибиряков. *«Всё ещё наде-етесь, что мы приедем? Всему своё время. Сколько времени летит самолёт? Часа четыре? Всему своё время. Да...»*

Внимательно и очень пристально смотрит, улыбается глазами. И даже в общей беседе я постоянно чувствую этот глубоко прони-кающий, полный теплоты, завораживающий взгляд на себе.

Святослав рассказывает:

— *Всё в историческом развитии правильно (Болгария и СССР). Ещё не поняты произведения Блаватской. Их время будет. Болга-рия. Поразительно. Страна маленькая. Живкова, она не только читала Учение, она его знает наизусть, занималась теософией. При поддержке её отца Болгария претворяет в жизнь сознатель-но. Лекции им читал об Агни Йоге. Официально. Поразительно, насколько жизненно Учение сейчас в Европе. В Британском музее выставлены подлинники писем Махатм. В Болгарии предложил заменить знак об охране памятников знаком, предложенным Ни-колаем Константиновичем. Они согласны. Начали работать...*

— *В «Рериховских чтениях» о Елене Ивановне упоминали в каждом докладе, а потом в конце отдельно...*

— *Вершину назовите Урусвати. Да. Урусвати.*

— *Останьтесь, будем вместе обедать. Так?* — спрашивает он меня.

21-й этаж гостиницы «Россия». Здесь обед. Я сижу рядом со Святославом. Чувство глубокой теплоты, несказуемого оба-няния. Я вся в волнах света, льющегося из его глаз.

Стоит рядом, чуть позади. Ласково и твёрдо прижимает к себе. И уже у самого лифта: *«Так когда мы увидимся?»* — «В 1979-м». — *«О, как она вперёд смотрит...»* — обнимает он одной рукой. Вот он стоит, подняв над головой руки, сложенные в знак приветствия-прощания. Белые руки, белая борода, весь светлый.

Секунда — и двери лифта закрылись.

* * *

Ну вот и осталась я одна. Нет, не жалел. Понимал. Не забыть глаза. «Печаль моя светла... да, Ренита, милая, светла...»

5 июня. «Всё здесь для тебя, — Ренита, — я передаю тебе... Слушай...»

6 июня. «Он просил передать, хотел видеть», — твёрдо и настойчиво увещевает Ренита мои отчаянные попытки не сопровождать к Святославу Рериху Людмилу Степановну Митусову, приехавшую из Ленинграда. «Людмила Степанновка, милый вы мой человек, я очень, очень хочу его видеть, но зачем я пойду, зачем, за-чем?» «Но почему, почему? Это такая возможность, неужели не хочешь? Да на твоём месте... не понимаю», — Людмила Степановна. Господи, что ж тут непонятного, не могу, потому что очень хочу. И потом — всё так полно во мне, а вдруг всё исчезнет?

Волею судьбы снова у Святослава Николаевича. И во время общего разговора Людмила Степановна вдруг обращается ко мне: «Людочка, если вам нужно что сказать, я уйду». «Да что вы, Людмила Степановна, — пугаюсь я, — я уже всё сказала, что вы!» «*Неужто вы уже всё сказали?*» — подхватывает Святослав Николаевич, — *так и нечего сказать?*» Мы проходим с ним в соседнюю комнату.

— Хочется сделать что-то...

— *Ничего не нужно. Будьте лучше. Старайтесь сами, и всё вокруг вас будет лучше. Нужно самому совершенствоваться. Нужно всё делать лучше. Сознательно. Вы должны быть лучше сами. Каждый раз, каждую минуту. Так ведь, да?*

— Но ведь это самое трудное...

— Да.

Он подписывает на память книгу, ставит дату: 6.6.78. «*Какая замечательная дата!*» — говорит. И ещё: «*Вас не будет при вручении диплома? Почему? Зачем же сдавать билет, если он есть?.. Хорошо, пусть будет так. Уезжайте... Не уходите сейчас. Если есть время, побудьте, посидите...*»

Мы возвращаемся в общую комнату. И снова Святослав Николаевич обращается ко мне.

— Недавно была на пике Рериха...

— *Вот как?*

— Вместе с Женей Маточкиным. Вы помните его?

— Да. И там лежит вечный снег?

— Да.

— Какой он?

— Очень красивый. Напротив Белуха. Снова пойдём в горы. Как жаль, что вы не сможете с нами...

— Откуда вы знаете?

— Теперь я на пик Рериха вожу людей.

— Почему вы?

— Должна быть соответствующая квалификация.

— А у вас она есть?

— Да.

— На какой высоте вы были?

— 6070 метров — самое большее.

— Это достаточно высоко.

— Я была во многих горах: на Памире, Тянь-Шане, Кавказе, в Саянах, на Алтае...

— В Гималаях не были...

И уже при самом прощании:

— *Я хотел вас видеть. Помните. Пишите. Пишите нам. Помните, расстояние не преграда. Для духа всё возможно. Так ведь? У вас есть адрес? Вы уверены? Когда я вас увижу?*

Я подхожу к нему, становлюсь, как обычно рядом, чуть впереди. Он кладёт руку на плечо, крепко прижимает к себе: «Так когда я вас увижу?» Он берёт обе мои руки в свои. Тепло сжимает. Внимательно смотрит. Тугой воздух. Два чёрных зрачка. Неожиданно привлекает к себе, крепко целует, ещё раз, крепче. Снова обнимает.

— Я вас никогда не забуду...

— *Не забывайте. Помните. Берегите себя. Мы увидимся. Осенью. Передайте привет всем вашим. Мы помним о них...*

— Живите долго, пожалуйста...

— *Это не от меня.*

— Я желаю вам сегодня успешных переговоров с нашим президентом...

— *Не беспокойтесь...*

* * *

— Почему ты плачешь, а?

- Ренита, я отдала ему душу...
- Душу отдавать никому не надо, душу оставь себе...

* * *

- Почему ты плачешь, а?
- Ренита, я никого не любила...
- Так-таки и не любила?

* * *

- Я тебе подарок приготовила. На свадьбу.
- И жениха тоже?
- И жениха...

7 июня. Академия художеств. Его речь. Из глубин вечности. Я смотрю на людей, сидящих и стоящих в зале. Проникновенная тишина. Женщины вокруг меня плачут. Его голос обращён к каждому, находящемуся в зале. Он говорит о при-
сущем бытию стремлении к совершенствованию, которое
вложено в нас самой природой; о космической эволюции,
в которой мы находимся; о красоте мысли, которая преобра-
жает мир.

Господи, я ли это стою здесь, живая?! Мне никогда в жизни не приходилось слышать такие убедительные, проникновенные слова.

«Вы ... здесь?! Не уехали?» — это он мне успевает заметить, окружённый толпою кино- и фотожурналистов. Вместе с букетом ландышей он берёт из моих рук визитную карточку, на обратной стороне которой я написала ему: «Ты ли тот, кто должен прийти? Или ждать мне другого?» Я знаю, вы — тот, и не жду другого. С любовью».

* * *

«Ты обрушиваешь любовь свою на ни в чём неповинных людей, как я...» — вспоминаю я голос Юны. Юна! Святослав выдержит!

* * *

Людмила Васильевна Шапошникова. Везёт на своей машине к Рените:

— Что же вы не позвонили даже, а? Сколько дней в Москве?
— Пять уже.

— Как же так, а? Отбросила бы я дела свои, прокатила бы вас с ветерком по Москве... Уезжаю на шесть месяцев. Вернусь, уж тогда...

— В Индию?

— Да как будто бы.

— Я приду к вам с Юной Дроздовой, можно?

— И с Юной, и без...

Валентин Митрофанович Сидоров:

— Вот где солнце-то оказывается! В Сибири! Рад вас видеть. Перед самым отъездом звонит: «Не забывайте нас!»

Фатей Яковлевич Шипунов

Провожает до такси. Всегда такой сдержанный, настороженный. Господи, думаю, так хочется тепло попрощаться с ним. Весь вечер так хотелось голову свою, набитую всем, положить ему на плечо. (В Америку?! — слышу его голос. — Променять Алтай на Америку!?) На прощание не подаёт руки, не обнимает — целует.

Ренита Григорьева:

— Вот так, Людочка, всё это происходит рядом, с нами. И у тебя (ласково гладит по голове) пробудятся центры. Не пугайся. Будь твёрже!

Я всё думаю, почему тебе я передаю, почему тебе. Думаю, что так надо. И Святослав так хорошо тебя принял. Это подтверждает и убеждает меня. Мы едины в духе. Ты поймёшь...

Новосибирск. 13 июня. Ясно и просто поняла: на вершину пойду сама. И тот час же позвонила в Москву Святославу Рериху. П.Ф.Беликов соединил:

— Святослав Николаевич, через месяц пойду на вершину. Это будет вершина Урусвати. Прошу вашего благословения.

— Людочка! Будьте осторожны. Берегите себя. Мы помним о вас. Передайте. Пусть вершина будет Урусвати. Мы будем с вами. Обнимаю вас... Берегите себя. Всего ясного. Всего светлого...

На вершине Урусвати. 1978 г.

Год 1980-й

Письмо 1-е. 14 января

«Дорогая Людмила Александровна,

Спасибо Вам большое за добрые слова и мысли, которые я очень ценю. Пусть этот Год будет особенно плодотворным и откроет новые пути к прекрасному!

Крепко Вас обнимаю. Берегите Себя. До новой встречи!

Всегда Ваш. Святослав Рерих».

14.1.80
Дорогая Людмила Александровна,
Спасибо Вам большое за Ваши добрые слова и мысли, которые я очень ценю. Пусть этот Год будет особенно плодотворным и откроет новые пути к прекрасному!
Крепко Вас обнимаю
Берегите Себя.
До новой встречи!
Всегда Ваш. Святослав Рерих.

Письмо Святослава Рериха.
14 января 1980 г.

Письмо 2-е. 1 октября

«Дорогая Людмила Александровна,

Спасибо Вам за Ваше письмо от 1.9.80. Надеюсь, что у Вас пройдет благополучно — шлю Вам мои лучшие мысли. Я был очень рад Вашим словам о “Рериховских чтениях” прошлого года, будем ждать издания сборника статей.

Планы нашего посещения Союза ещё не оформлены, так как очень многое надо здесь ещё закончить. Много работаю, мыслим о будущем, о том, о чём мечтали Е.И. и Н.К.

Всегда Вас вспоминаю, и теперь особенно будем думать о Вас и ждать Ваших вестей.

Всего Вам светлого. Берегите себя и пишите.

Ваш Святослав Рерих.

Сердечный привет всем друзьям».

Год 1981-й, 14 июня

Разговор по телефону.

«...Я рад слышать вас. Скажите мне как ваше здоровье, как ваше самочувствие, как работа?..

... Я очень хочу вас видеть...

... Вас помнят, любят и хотят связи намного теснее и ближе. Все ваши дни, месяцы и годы вас ещё больше свяжут (с нами). Нужно достаточно верить, и тогда это осуществится. Для настоящей дружбы нет расстояний. Мы являемся одним из проявлений особого чувства дружбы. Эта дружба будет мостом...

... И вас, Людмила Александровна, мы хотим вас видеть в Гималаях, если не на вершине, то вблизи больших гор. Мы должны делать, верить, и тогда это осуществится. Будем работать на всех путях...

... Всегда помните — мы думаем о вас. Берегите себя. Это очень нужно. Следите за собой хорошо. Сегодня напишите мне письмо в Индию...

... Всего вам самого светлого и свершения многих дел...

... Передайте всем сотрудникам и друзьям — они близки нам и дороги. Мы думаем о них...»

Год 1982-й. Москва, 12—15 ноября

Восхождение на Гору Жизни

В гостиницу «Советская» я пришла немного раньше назначенного мне времени, где-то в половине шестого. Робко приоткрыв входную дверь его номера, я сразу же в глубине гостиной через открытую туда дверь увидела Святослава Николаевича. Он стоял, слегка наклонившись над столом и упёршись в него руками.

Всё замерло. Он и я — мы стоим мгновение на месте, никакого движения. Затем он подходит, обнимает, берёт мою руку и ведёт в гостиную. Он словно не замечает, что я в пальто. Представляет: *«Это восходитель на вершины все. Так?»* И улыбается: *«Главные — впереди»*. Потом спохватывается: *«Да ведь раздеться надо. Пальто и сумочку вот сюда положите»*, — указывает на кресло в углу гостиной. Я говорю: пойду в коридор, к вешалке. Он идёт со мной, помогает снять пальто. *«А это нельзя снимать?»* — указывает на тёплый шерстяной свитер. Нет, — говорю, это не снимается. Он улыбается.

«Мы будем вместе ужинать, правда?», — говорит он и просит Генриетту (Генриетта Михайловна Беляева. — Ред.) принести ещё один прибор.

На ужин творог с изюмом. *«Пасха, — говорит Святослав Николаевич, — будем праздновать Пасху в ноябре. Нет яицек, чтобы похристосоваться. В каждой Пасхе есть Воскресение. Ешьте Пасху. Возьмите ещё. Я ем, очень вкусно. И вы тоже. Съешьте, съешьте. Ещё»*. Так и кормил меня Рерих с ложечки — мне ложечку и себе. Мне и себе...

«Идите сюда». Мы проходим в кабинет, и он садится со мной рядом на диване. *«Как хорошо, — говорит Святослав, — вот мы и встретились. Я ждал вас. Давайте обсудим ваши дела»*. Он взял мои обе руки в свои и уже больше не выпускал их.

«Где вы остановились? Вы уже долго в Москве?» Я рассказываю — и про дочку Василису, и про дом, где остановилась. Рассказываю про Рениту, которая пригласила меня пожить в Москве.

Сибирское отделение. Окладников. Урусвати.

«Не беспокойтесь ни о чём. Всему своё время. Окладников ушёл, плохо — но... не волнуйтесь. Пусть вас это совсем не беспокоит. И здесь, и в Академии в Болгарии не получилось — уход Живковой. Но беспокоиться не надо...»

И снова мои слова: «Я с грустью смотрю на то, что происходит вокруг имени Рериха в Москве. Много замечательных людей, но все они не связаны между собой, ревниво следят друг за другом, практически не общаются».

«Это ростки. Энергия не пропадает. Это процесс. Самая тёмная ночь бывает перед рассветом...»

Я показываю Святославу Знамя Мира, что приняла от госпожи К.Кэмпбелл как восходитель, рассказываю ему об этом.

— Вот это Знамя...

«Да, вижу. Вы хотите мне его отдать?»

— Нет. Это я его приняла. Но не знаю, как теперь быть, куда и когда его передать...

Он смотрит на Знамя у меня в руках. А мне хочется, чтобы Рерих подержал в руках эту святыню, и я робко прошу его об этом. Он бережно берёт Знамя, говорит: *«Я хочу, чтоб Знамя хранилось у вас. Вы найдёте сами — когда и кому его передать. Спрячьте его. Берегите Знамя...»*

«Главное направление — делать лучшее дело Николая Константиновича, и тогда вам будут пути. И может быть один легче».

— Значит, если будет путь легче, можно идти по нему?

«Если. Да. Если». И продолжает: «Во всём должна быть целесообразность и соизмеримость. Всё будет, как должно быть. Направление и всегда думайте. Подумайте. Посмотрите. И решите... Нельзя чужим примером. Можно только личным. Ваш пример для других очень важен. Перед вами — Восхождение на Гору Жизни...»

Беспокоиться не надо. У вас есть свои дела. Решайте их. Распознавайте. Нет только добра и только зла. Это просто — распознать. Если вы что-то по своему разумению считаете достойным, будьте к этому ближе. Распознавайте. Вы можете. Вы же сильная. Сколько дочке? 1 год? Это много...»

«Давайте разберёмся в ваших делах вместе...».

Я рассказываю ему про своё желание поехать работать в Уймон.

«Мне было бы хорошо, что Уймон в добрых руках. Но самое главное для меня — знать, что вам хорошо. Не надо страстно

желать. Будьте спокойны. В будущем, может быть так и будет. Обстоятельства могут так сложиться, что помощь придёт. Мы поможем. Но куда вы сами хотите? Спросите себя... Нельзя ли временно в Уймон? Так договориться, чтобы понять, увидеть. И если будет работа и будет хорошо — то остаться, а если нет — значит, нет...

Не бросайте то, что имеете...

Может быть, в Москву? Нет, в Новосибирске? Какие там возможности сейчас? Вы переходите на новую работу? Научный сотрудник? Вот и хорошо...

Работайте. Будьте лучше. Светите. Вы несёте огонёк, который может светить в любом месте...

И, конечно, в Уймон иногда можно приехать. Посмотреть. В Уймоне могут сейчас и другие. Там нельзя учиться, нет школы? Я не знал этого. Вам нельзя туда. Пусть другие. Сделайте так, как лучше для вас. В Новосибирске останьтесь. А, может быть, в Москву?..»

— Можно и в Москву, но я не знаю зачем. Не решила для себя. Николай Константинович говорил, что будущее — Сибирь, и если я уеду...

«Это, в общем, да. Но бывает индивидуально. Дерево надо ограждать, надо соизмерять. Есть звери, чтобы не поели. Важно о себе заботиться тоже...»

«Боль — она даётся для испытания, для роста. Надо найти мужество преодолеть её...»

— Боль — и физическая, и духовная, вы имеете в виду?

«Да, это очень связано... Кто ваши родители? Откуда они? Помните о матери. Это очень важно. Где лучше вашей маме будет?»

Читайте книги. Они направят на прекрасные образы...

Когда будете читать “Добротолюбие”...

Серафим Саровский говорил ... Антоний Александрийский...

Видите Божественное в деле. Если вы делаете хорошо — это всегда воздастся (по заслугам дела), но при этом вы сознательно знаете, что эта ступень ваша, что ведёт она к Божественному, — это есть смысл. Дело каждое, как ступень. Каждый день. Каждую минуту. Просто помнить об этом...

Почему люди уходят в монахи, от общества? Так им лучше, обеспечение. Но это далеко от Бога. Да, конечно, есть, уходят в

горы, сидят в снегу, им жарко. Или вот у нас в Бангалоре. Святой. Рассказывают, что когда к нему как-то пришёл почитатель, остановился у комнаты его и подумал: как это войдёт он с немymi ногами? Только подумал — кувшин со стены сорвался, наполнился водой... Но зачем думать об этом? Есть, конечно, и такие...

Про Учительство. Что-то узнал, и вот он уже учит...

— А я чем больше знаю, тем больше в отчаянии, что ничего не успею узнать...

— *Это хорошо. Всего нельзя постигнуть. Иметь это надо в виду и работать... Делать надо небольшое дело. И хорошо. Притча есть о двух братьях. После долгого учения они встретились. «Чему ты научился?» — спрашивает один. «Я могу перейти на тот берег по воде». И перешёл. Тогда другой крикнул перевозчика и в лодке переплыл на тот берег. «Это стоит 4 анни, — говорит, — и этому ты учился 12 лет!»*

О перенапряжении. О соизмеримости.

— *Монах и Антоний. Антоний играл с учениками в игры на поле. Монах возмущился. «На, — говорит Антоний, — натяни тетиву. Сильнее. Ещё сильнее». Тетива лопнула...*

— *Сколько людей приходит! Они обо всём спрашивают. И надо каждому... Ко мне приходят, говорят о воспитании. Я задаю вопросы, каким они хотят воспитать человека. Они совсем не то рисуют... Воспитание важно очень. Но нельзя искусственно ограждать. Пусть окунётся в жизнь. Благословенны препятствия...*

Сейчас рождаются дети с большими потенциальными возможностями, чем у родителей. В наше время их рождается больше... В Индии люди и рождаются, и воспитываются с более утончённым видением, без грубостей. Они живут в деревнях, неграмотные, но они велики духом...

Святослава Николаевича попросили к телефону. Я рассматриваю гостиную. На шкафу в углу замечаю картину Б.Смирнова-Русецкого «Белуха». Видимо, его подарок. Мы подходим к ней. Я показываю Святославу: «Вот — Белуха, вот — Урусвати, чуть дальше по хребту (здесь не видно) — пик Рериха. А между ними — пик...» «Да, мне говорили, — перебивает Святослав, — пик Юрия». «А вот следующая за пиком Рериха безымянная вершина. Мы тоже назовём её. И тогда семейство Рерихов всё будет вместе на Алтае». Он улыбается.

*Людмила Андросова на вершине Святослава Рериха.
Фото В.Тельнова, 17 августа 1983 г.*

Выставки картин Николая Константиновича и Святослава. Его радует очень, что они пользуются в нашей стране большим успехом. Он показывает мне памятку о выставках картин. В ней написано, где, когда, сколько людей посетило и просьбы-заявки из различных городов, в том числе из Верхнего Уймона. Выставки планируются на Кавказе. Он выглядит гордым и довольным.

— *Кеннет Арчер? Да? Он пишет? Он посылает вам деньги? (Деньги?! Ну что вы!)* Пришлите мне его доклад...

— *Пишите мне. Какие решения будут. Они могут прийти неожиданно.*

— Если найдёте время — ответьте.

— *Я обещаю вам.*

— *Мы ведь временно прощаемся, да? Приходите завтра.*

— Может, послезавтра, ведь у вас много встреч...

— *Да. Но могут быть перестановки, кто-то не придёт. Вы позвоните. Откуда вы будете мне звонить? Где вы живёте сейчас? У кого?.. Вот что, сейчас мы посмотрим в талмуд наш...*

Не выпуская моих рук, он ведёт меня в свой кабинет. Мы стоим у стола, он находит в своём расписании незаполненные часы и пишет для Генриетты Михайловны: *Людмила Андросова.*

Потом внимательно смотрит, кладёт руки мне на плечи, легонько приближает и целует. Очень нежно. Прикоснётся — губы к губам и отстранит, ещё раз — ещё отстранит, как бы всмотрится, ещё раз тёплое прикосновение — и долгий испытующий взгляд тёмных глаз.

Глаза. Смеющиеся, ласковые, тёмные. Где видела я близко тёмные глаза? Да, конечно же, у своей давно умершей тётки, монахини. Человека, возле которого я провела свои детские и ранние юношеские годы, под чью молитву я просыпалась утром и засыпала вечером. Его глаза напомнили мне о ней. Хотя вспоминаю о ней очень редко.

Он так прощался, так целовал, что я подумала: сейчас заплачет. Прижалась к нему крепко и положила свою голову на его плечо.

— Спасибо вам за всё.

— *Я хотел видеть вас и говорить с вами.*

— Но за что? За что вы помните и хотите видеть? Почему?

— *Вы дороги мне. Вы близкий мне человек. И вы всегда помните об этом. Мы любим вас.*

— Я верю вам, но я не знаю, чем я заслужила ваше внимание и любовь...

— *Значит, заслужили...*

— Я буду уважать себя.

— *Уважайте. Есть за что...*

— Я буду помнить вас всю свою жизнь...

Мы проходим в коридор к раздевалке.

— *Ну-ка я посмотрю на вас, на вашу куртку, на капюшон! Вы тепло одеты. Но только теплее, когда мех внутри... Я провожу вас.*

Он выходит вместе со мной из номера, подводит к лифту. По дороге спрашивает:

— *Вы сны видите? Вам снятся хорошие сны?*

— Да. Иногда вижу вас.

— *Только иногда?*

Уже подошёл вызванный лифт. Он поднял руки в знак прощания.

Я вдруг вспомнила. Это было, наверное, сегодня, 12-го, или вчера?..

Я спокойно лежу, слушаю чудную музыку, глаза закрыты, и прямо перед глазами вместо обычной темноты по-

Людмила Андросова и Святослав Рерих

явился красно-коричневый фон радостной гаммы, цвета, любимого мной. На этом фоне возникает небольшой прямоугольник, внутри которого фон более тёмный. Подобие рамки, а внутри неё — лик Николая Чудотворца, словно с иконы. Он в движении: то уходит в глубину, затуманивается, то приближается ко мне. Я заметила, что появление Лика зависит как-то от моих усилий и желаний. Улыбнулась и подумала — сейчас снова придёт ко мне, проявится перед глазами, вот опять снова...

Я тогда особого внимания не обратила, даже забыла. И вот сейчас в момент прощания со Святославом, отчётливо вспомнилось об этом. И ещё — сегодня расцвела роза на моём окне, бутон раскрылся. Как объяснила хозяйка, бывает такое редко у них, чтобы цвела зимой роза...

Я хочу приехать к вам. Возможно ли это? Как могу я быть наиболее полезной, как могу я встретиться с вами? Всей силой души моей меня тянет к вам, но, может быть, это простое желание на самом деле не имеет смысла и значения. Ибо всё возможно на расстоянии...

Год 1983-й

Письмо 3-е. 13 апреля

«Дорогая Людмила Александровна,

Ваше письмо меня очень обрадовало, как всегда бывает, когда весть приходит от близкого человека.

Спасибо Вам за все добрые мысли и вырезку “Рериховских чтений”. Пусть всё растёт и ширится значение Николая Константиновича, Елены Ивановны и Юрия Николаевича. Пусть всё так обильно посеянное семя всходит, где только возможно.

Будем строить Жизнь Новыми Путиами, помня всегда, что мысли наши творят чудеса, что это могучая энергия, которая может всё изменить и направить нас по новым руслам. Каждые семь лет клетки нашего тела меняются. Пять лет нужно на развитие новых нервных путей — Центров.

Препятствия в жизни — необходимое условие для нашего роста. Есть статья Николая Константиновича “Благословенны препятствия”, и действительно это так! Поэтому будем стремиться к Прекрасному во всех своих проявлениях, будем искать новые подходы и решения, и жизнь сама нам подскажет правильные Пути. Будем всегда помнить, что мы не одни, что много невидимых нитей связывает нас с Высшим Миром. Так будем же стремиться, и мы поднимемся над всеми препятствиями с новыми крыльями духовных решений.

Всего Вам светлого — обнимаю. Ваш Святослав Рерих.

Моя жена шлёт Вам сердечный привет».

Письмо 4-е. 13 апреля

«Дорогая Людмила Александровна!

Я был рад получить Ваше письмо на английском языке. Мои секретари не знают русского, и поэтому я вынужден диктовать им по-английски, и я надеюсь, что Вы сможете прочесть это письмо. Я уже написал Вам по-русски о том, что я знаю — есть реальный путь к прогрессу. Нелегко изменить чью-либо систему и

изменить самого себя, но это возможно и это — самый реальный путь построения нашей жизни.

Каждое восхождение всегда трудно, но в то же самое время оно и самое воздающее. Будем всегда помнить, что наша жизнь должна быть постоянным устремлением к нечто тому, что над нами, что сияет нам из глубин беспредельности. Как Вы хорошо знаете, жизнь полна проблем, полна трудностей, которые существуют для нас, чтобы мы их преодолевали, и в процессе этого преодоления мы становимся сильнее, мы строим свой характер, и мы готовим себя для высшего назначения.

Это трудно — пытаться сочетать два устремления, одно — по направлению к высочайшим духовным контактам и другое устремление — к построению лучшей жизни на этой Земле. Оба они необходимы и оба можно сочетать при условии, что мы ясно несём в своём сердце убеждение, что цель нашей жизни — саморазвитие, самоулучшение, самосовершенствование. И, с другой стороны, попытаться повернуть самые лучшие обстоятельства нашей жизни и обеспечить лучшее будущее для наших детей и возможно более лёгкую жизнь для нас самих.

Я знаю, я убеждён, что Вы сможете сочетать эти два направления нашей жизни, и Вы сможете достичь успеха в построении замечательной жизни для самой себя и для тех, кого Вы любите. Чувствуйте счастье, что Вам дана великая возможность следовать по пути, который ведёт к Завершению.

Мы надеемся посетить Советский Союз где-то осенью, и мы твёрдо надеемся, что будем иметь радость видеть Вас снова. Для меня это великая радость — видеть Вас, говорить с Вами и усиливать узы нашей дружбы.

Святослав Рерих».

Письмо 5-е. 3 декабря

«Дорогой Друг, Людмила Александровна!

Спасибо Вам большое за Ваши письма и весточки. Ваши письма всегда очень радуют, и я всегда надеюсь на скорую встречу. Я думаю, что она состоится в марте, когда мы собираемся посетить Союз.

Очень прошу Вас передать всем участникам экспедиции на вершины Алтая мою глубокую благодарность. Скажите им всем,

что меня глубоко тронула их мысль назвать эти вершины Алтая именами нашей семьи. Лучшего памятника не может быть. И я приношу мою сердечную благодарность всем участникам восхождения на эти прекрасные вершины и буду надеяться на возможную встречу с ними в будущем.

Хотя я Вам и не писал многие месяцы, но постоянно думал о Вас и о Вашем прекрасном отношении к нашей семье. Напишите мне о Ваших планах, будем надеяться, в марте мы встретимся в Москве.

Крепко Вас обнимаю и шлю Вам мои самые лучшие мысли и пожелания к праздникам и Новому году.

Всего Вам Светлого. Берегите себя. Сердечный привет всем друзьям.

Всегда Ваш Святослав Рерих».

Встреча со С.Н.Рерихом в Москве.

*Слева направо: Н.Д.Спирина, Л.А.Андросова, С.Н.Рерих, К.А.Молчанова, А.А.Шпунт (сидят); Е.Л.Румянцева, А.Ф.Стрелкова, М.Н.Валл, дочь Л.А.Андросовой — Инга, Е.П.Маточкин, Д.Н.Попов, Т.Л.Шевелёва, Л.Попова (стоят).
1984 г.*

**Год 1984-й. г. Москва,
23 октября — 2 ноября**

«Я Благословляю Вас...»

26 октября. Музей народов Востока. 19 часов. Заключительное заседание конференции, посвящённой знаменательным годовщинам Н.К. и С.Н. Рерихов.

Зал набит битком. В президиуме — Святослав Николаевич, Девика Рани, Даниил Энтин, академики А.Л.Яншин, В.П.Казначеев, представители Академии художеств, Министерства культуры.

Моё выступление — последнее. О восхождениях. Я знала, что будет хорошо, что это — мой звёздный час. Я знала, что к этому часу я шла всю жизнь...

Глубокая тишина. Сила внимания, поднимающая мой голос. Я не знаю, как это произошло. Я не произносила, я вкладывала слова. Люди плакали. Святослав обнял и поцеловал меня.

После выступления десятки людей подходили, ловили меня в коридоре, на улице, благодарили, обнимали. Читали стихи.

*Выступление Л.А.Андросовой на конференции. Слева направо (сидят):
В.Е.Ларичев, В.Л.Яншин, Д.Рани-Рерих, С.Н.Рерих.
Москва, 1984 г.*

*Святослав Рерих сердечно приветствует Людмилу Андросову
после её выступления.
Москва, 1984 г.*

*В руках у Святослава Рериха эдельвейсы с подножия вершин семьи
Рерихов (подарок Л.Андросовой).
Москва, 1984 г.*

И вот моя счастливая ночь. Я одна в своём номере на 20-м этаже гостиницы «Украина». Сквозь распахнутое настежь окно я вижу блеск Москвы-реки, переливы огней на воде, разноцветные огни раскинувшегося передо мной города, улицы, стрелами расходящиеся вдаль...

Наверное, я всё-таки легла. Ночью открыла глаза. Радость и бодрость.

Я подошла к распахнутому окну. Высоко вверх через Москву-реку огромные часы с подсветкой показывали два часа ночи. Без трудных дум, счастливая и радостная, простояла у окна, радуясь жизни, свету, той красоте, что передо мной — до пяти утра. И только в начале шестого я подумала, что надо бы и лечь.

И вот мой сон: я летаю, я невесома, я всё могу, я ощущаю странную лёгкость во всём теле и парю над землёй, спускаюсь куда-то вниз, потом снова вверх. Всё ярко, сиреневый и малиновый цвета. И перед тем, как проснуться, я постигла миг, когда почувствовала тяжесть тела, как лёгкий толчок. Что всё. Кончился полёт. И я открыла глаза.

P.S.

В 2010 году студия СибРО создала фильм «Стремление к прекрасному. Воспоминания о Святославе Николаевиче Рерихе». Своими воспоминаниями о встречах со Святославом Рерихом поделилась Маргарита Валл (Вольфсбург, Германия):

«Святослава Николаевича я увидела впервые на юбилейной конференции. Помню, стояла милиция у входа, и пропускали строго по приглашениям. Но если отойти немного за угол, то там были ворота, которые выполняли хорошую роль в данном случае. Потому что через щель под воротами вошедшие передавали свои пригласительные билеты, и получилось много участников данной конференции. Вот это тоже осталось в памяти.

Что я запомнила — что было очень много интересных докладов, посвящённых искусствоведению, литературоведению. И все старались перед Святославом Николаевичем показать свои лучшие достижения в той или иной области, которой они занимались. И в то же время вот такое количество докла-

дов, оно в какой-то степени уже начинало утомлять, потому что это была уже вторая половина дня. В президиуме сидел Святослав Николаевич, немножко поодаль от него — Девика. Я помню Шапошникова была, Яншин был и другие члены президиума конференции.

И вот уже дело клонилось к вечеру, и наступил момент последнего доклада. Последний доклад делала Людмила Андросова. Её доклад был посвящён восхождениям на вершины Алтая, посвящённых семье Рерихов. И это было что-то совершенно необыкновенное, как будто Алтай ворвался в этот зал. Слайды, совершенно другое содержание, не научное, а основанное на этих удивительных эмоциях посвящения вершин семье Рерихов, обаяние красотой Алтая. Незабываемое впечатление. Она привезла букет из эдельвейсов, которые преподносила Святославу Николаевичу. Его освещённое радостью лицо, эта фотография тоже существует. И все так оживились, и весь президиум, и весь зал. И это было удивительное, чудесное посещение Алтая этой конференции...»

27 октября. Гостиница «Советская»

Беседа со Святославом Рерихом.
Слева направо: Н.Д. Спирина, М.Н.Валл,
Л.А.Андросова, С.Н.Рерих

17.30. Генриетта Михайловна Беляева: «Людочка, я сейчас уйду. Так что вы там будете одни. Телефон я сняла, иначе просто невозможно».

Я вхожу. Дверь гостиной открыта, за столом сидят Святослав Николаевич и Ростислав Борисович Рыбаков. Они оба встают мне навстречу. Чтобы не мешать, прохожу в кабинет. Святослав Николаевич оставляет двери кабинета широко открытыми в гостиную, где они продолжают разговор.

Рыбаков: «Мне было сказано, что я не должен был в тот день выходить на улицу. Рассказывал всем друзьям, не верил. Вышел — и случилось...»

С.Н.: *«Вы знаете, что Елена Ивановна и Николай Константинович обладали такими возможностями. Эти возможности заложены во всех нас, но только проявляются в разной степени. Картины Николая Константиновича до войны (1914 г.) основаны на снах и видениях Елены Ивановны. Она рассказывала, что будет, и он писал.*

Во вторник я буду говорить о самом важном, о краеугольном, что вело Николая Константиновича, что было в нём и как это было. В его присутствии люди чувствовали какое-то присутствие...

Но, впрочем, здесь Андросова, и я прошу вас перенести наш разговор к ней».

Они оба встают. Святослав Николаевич подходит, опускается на диван рядом со мной: «Я очень рад видеть вас. Единственное, что нас разделяет — это условия, в которых мы живём...» Крепко обнимает и прижимает к себе.

Подходит Рыбаков, садится напротив. Святослав Николаевич продолжает: «Так вот, вот мы говорили о тех возможностях, которыми обладали Елена Ивановна и Николай Константинович. Покажите ей фотографию», — обращается он к Рыбакову.

Рыбаков: «Вот что удивительно, Людмила Александровна, когда я шёл к Святославу Николаевичу, я взял с собой это фото, которое Святослав Николаевич дал мне в Дели уже давно, когда я там был. А сейчас я принёс с собой и решил спросить, кто на этой фотографии. И каково же было моё удивление, когда Святослав Николаевич, едва я вошёл, сразу же заговорил об этом человеке».

Подает фотографию, на ней сидят трое — Святослав Николаевич, Девика и посередине удивительный волшебник —

круглолицый индус с короной волос и очень пронзительным завораживающим взглядом. Он притягивает, словно магнит, и я с трудом отрываюсь от фотографии.

С.Н.: *«Это — Саи Баба. Он живёт недалеко от нас, он может делать разные чудеса, он обладает психической энергией и использует её на расстоянии. Мысль — это энергия. У нас в России тоже есть. Вы помните Дурова? И вот наш Бехтерев. Они учили, делали опыты. Бехтерев посещал нас часто.*

Однажды к нам пришёл Дуров и просил сказать Бехтереву, что у него есть удивительная собачка и не хочет ли её посмотреть Бехтерев. Тот, конечно, согласился, и Дуров принёс фокс-терьера. Бехтерев говорил своё желание, которое должна была исполнить собака. Дуров возлагал руки на голову собаки и та тот час же стремилась выполнить то, что ей внушалось. Тогда Бехтерев спросил, не может ли он сам передать ей свои мысли. Получив разрешение, он положил руки ей на голову, и собака выполнила его желание. А задание было сложное — надо, чтоб собачка вскочила на рояль, потом дотронулась в определённом месте лапкой до картины, что висела над роялем, и ещё что-то.

А когда мы были в Париже, там проводил опыты... И мы присутствовали. Была молоденькая девушка довольно болезненного вида, которая читала мысли, ей внушаемые. Вы могли записать то, что хотели, и отдать ей. И она выполняла сразу. Тогда Юрий спросил, нельзя ли написать на каком-либо другом языке. И он написал на персидском довольно сложное задание. Надо было подняться на второй этаж, войти в комнату Юрия, найти указанную книгу, открыть на определённой странице и прочитать абзац. И, вы знаете, она сразу вскочила и шла с закрытыми глазами и вытянутыми руками, как антенна, и всё сделала, как было написано Юрием.

Так что это возможно.

Мысль — это мощная энергия. К нам в Индию приезжал учёный, который изучал эти явления, и он установил, что сейчас феноменов таких всё меньше и меньше (Святослав показал рукой волну), и у нас в Индии — тоже. Он спросил моё мнение, почему это так. Я ответил ему, что условия жизни такие, что в человеке заглушается возможность раскрытия заложенных способностей. Если вам в ухо кричит труба, то звук свирели, если он будет, вы не расслышите...

Приезжал учёный... Он изучал явления перехода к смерти, тот самый момент. Он работал в госпитале во время войны,

где число смертей было велико. И вот он установил, что момент перехода из жизни в другое состояние у всех народов, вне зависимости от их национальной принадлежности, имеет определённые закономерности, сходные свойства. Это навело его на мысль, что самый этот процесс — не стихийный, а организованный. Как организация жизни, так и здесь организация смерти, перехода в иное состояние, это руководимый процесс...»

Святослав Николаевич спрашивает у Р.Б.Рыбакова, когда он будет в Индии, обсуждают возможность встречи в ноябре.

И вот мы одни. *«Извините, что вот так задержались мы разговорами»*. Ласково обнимает.

— Святослав Николаевич, а теперь меня спросите, когда я буду в Индии.

— *Да, когда вы будете в Индии?*

— Это моя мечта, я так хочу побывать у вас...

— *Думайте об этом. Представляйте. Образы могут стать реальностью.*

Опять ласково обнимает и спрашивает:

— *Так скажите, значит, вы уезжаете?*

— Да, но как сказала моя дочь, я боюсь, что у меня не хватит сил.

— *Идите смело. Это новый этап. Новое восхождение жизни. Не сомневайтесь. Разве вы ещё не поняли? Устремление должно быть, и вы достигнете многого...*

К нам подходит Даниил Энтин. Вынимает фотоаппарат: «Я хочу вас сфотографировать. Вас обоих, вместе». Святослав Николаевич встаёт. Я — тоже. Он кладёт руку мне на плечо, крепко прижимает к себе.

И снова спрашивает, почему Тверь, чем я там буду заниматься.

— *Твёрдо идите. Не сомневайтесь. Вас многое ждёт...*

— *Вы знаете, как я рад вам всегда. Я люблю вас. Когда вы уезжаете из Москвы?*

— Послезавтра.

— *Послезавтра? Жаль. Во сколько часов?*

— В ночь с воскресенья на понедельник...

Он берёт обе мои руки в свои, кладёт их к себе на колени, крепко сжимает. И медленно, с расстановкой:

— Ну вот... значит, наш сейчас этап заканчивается этим, но не кончается... Мы должны расстаться, чтобы мы могли встретиться. Иначе нельзя... Чтобы встретиться, надо расстаться... Помните, я всегда думаю о вас. Вы дороги мне.

— Если это так...

— Если? — перебивает он меня. — Это так. Вы сомневаетесь? Это так...

— Святослав Николаевич, почему вы сказали, что вам жаль, что я уезжаю?

— Потому что я остаюсь...

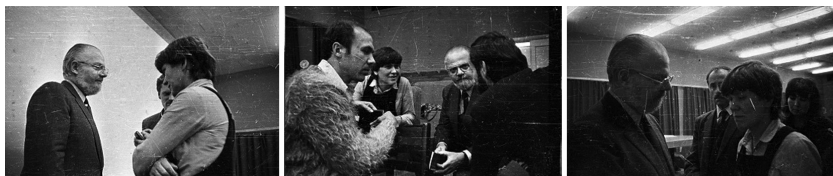
Подходят люди. Святослав Николаевич уходит, но ласково просит остаться, побыть ещё. Ко мне подходит Энтин. Мы разговариваем, говорим много, оживлённо. Я показываю фотографии вершин, объясняю. Несколько раз к нам вдруг подходил Святослав Николаевич: «Хочу послушать ваш английский».

Приходят ещё двое: мать и сын. Начинается общая беседа. Порываюсь уйти, чтобы не мешать людям быть наедине со Святославом. Но он просит не уходить.

А в середине разговора в возникшей паузе вдруг обращается ко мне, внимательно всматривается: «Вы всё же подумайте. Вы хорошо подумайте». — По поводу отъезда? — «Да». — «Подумаю». — На время покидает нас, а потом просит меня на минутку выйти: — «Вы можете с нами поужинать?» Счастье в моих глазах было безграничным.

Мы проходим в ресторан. Занимаем столик на четверых. Слева от меня Святослав Рерих. Он смотрит на меня подбадривающе, улыбается мне. Справа — Девика, напротив — Даниил Энтин.

Девика много расспрашивает меня — и что мы едим, и холодно ли в Сибири, и сколько у меня детей, и кто ухаживает за ними, и холодно ли в горах, и как мы там спим. И когда узнаёт, что и на снегу спим, и на льду, очень удивляется зачем. А куда

Беседы с Даниилом Энтиным. Москва, 1994 г.

я детей деваю, когда в горы иду? И, наконец, даже — а где мой муж? Девика всё сразу поняла: «Так, значит, вы сами и готовите, и за детьми ухаживаете, и работаете?» Гремит рядом ужасная музыка, как раз со стороны Святослава, и чтобы Девiku расслышать, я вынуждена наклоняться к ней.

Даниил и Святослав то внимательно прислушиваются к нашему разговору, то ведут свою беседу. А когда Девiku что-нибудь очень удивляет в моих ответах, она включает их в разговор, и мы уже тогда вместе. А Даниил спросил только, сколько мне лет.

Ужин продолжается долго-долго. Подали рыбу-закуску всех сортов — копчёную, солёную, потом котлеты пожарские с отварным картофелем, потом кофе с молоком, которое Святослав попросил отдельно.

В конце ужина Святослав спрашивает:

— *Как вы решили?*

— По поводу отъезда?

— *Да.* — Он ласково и твёрдо сжимает мою руку.

В номере Святослав отводит меня к столу, просит дать тверской адрес. Крепко целует в губы несколько раз. Обнимает. Какие-то ласковые слова.

— *Прошу вас, придите. Для меня это радость... Вот завтра. Давайте посмотрим, когда у нас тут пусто...*

Прощаемся. Девика целует и просит поцеловать детей. Мы уходим с Энтиным и едем с ним в метро. Он хотел бы знать, как много в Новосибирске интересующихся Рерихом. У них тоже разные группы со своими целями, задачами. На прощание нежно целует.

И я, счастливая, несказанно счастливая, иду домой...

1 ноября. Гостиница «Советская». Завтра Святослав уезжает. Я, конечно, приеду проводить... И Даниила тоже, рано утром, в 6 часов. А сегодня мы прощаемся...

В ответ на мои соболезнования по поводу ухода Индиры Ганди:

— *Индира Ганди... Для неё — то, что случилось — самое лучшее, что могло быть. Смерть возвеличила её и подняла на небывалую высоту. Этим она войдёт в историю навеки. Я разговаривал с ней перед отъездом, и она говорила мне, что одинока. Выборы могли быть не очень хорошими. А теперь — это случилось, и она на большой высоте, и дело её тоже. Вот так, дорогая...*

А потом обо мне. О моём переезде в Тверь.

— *Переезжайте скорее. Это важно. Это новый путь. Будут новые контакты, важные контакты... Идите смело. Колебаться не надо... Чем вы будете там заниматься?..*

— *Не обижайтесь на друзей. Просто проходит этап, когда старое отмирает и контакты тоже...*

— *Я расскажу вам о Кулу, об Урусвати... Разговоров много... (толку мало, — подсказываю я), толку никакого. Нужен толчок, нужно, чтобы кто-то продвинул... Александров говорит (ему подсказывают, конечно): «А что скажут китайцы?». Какое это имеет значение? Яншин — тоже. Мокульский собирается, я не знаю — зачем, не знаю, что будет он там делать...*

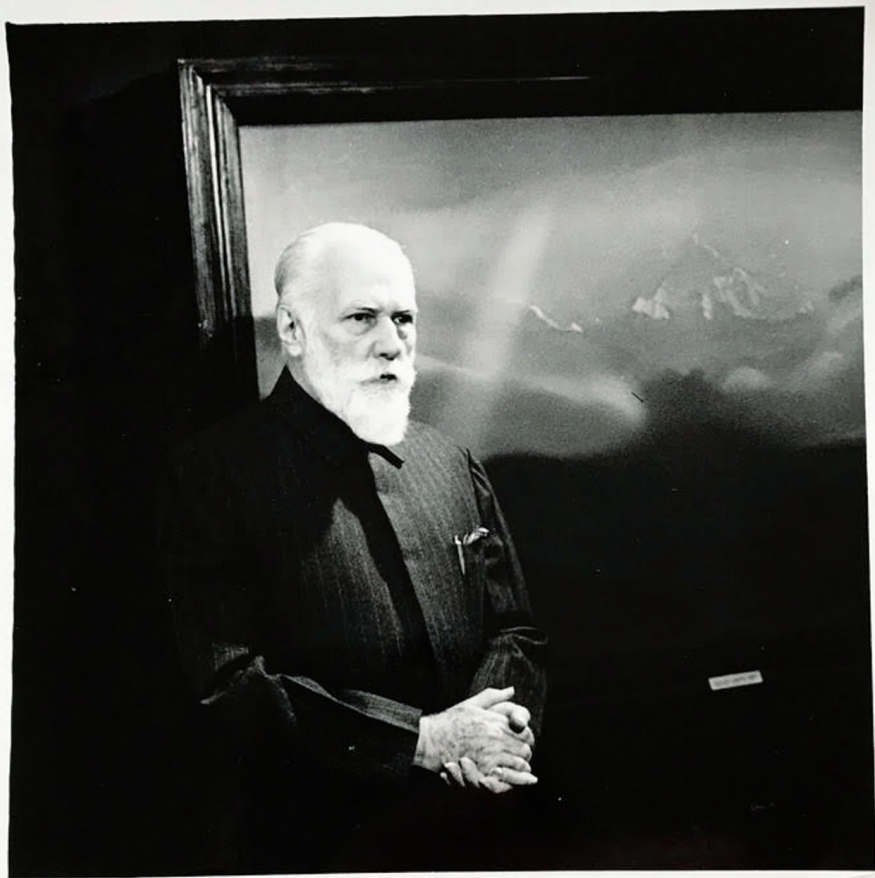
У нас были очень хорошие контакты с Болгарией, когда была жива Людмила Живкова. Она смело действовала, потому что с ней был её отец. Мы говорили очень конкретно о развитии. Ко мне обращались другие, из других стран, но я отодвинул всё это. Я не беспокоюсь о судьбе института. Но я хотел бы, чтобы это была наша страна. Там есть прекрасные коллекции засухоустойчивых растений, которые были собраны во время экспедиции. Всё сохранилось. Из Британского музея приезжали. Их интересовали ночные бабочки. Они сделали ловушки, даже поймали новый вид. Но это всё случайное...

Или вот из Шотландии. Приезжали альпинисты. Я заметил им, что в том месте, где они были, есть удивительные скопления минералов. Они ответили, что их это не интересует. Было полное равнодушие. И мне было очень жаль, что потрачены такие средства и энергия, и зря. Потому что люди не хотят даже знать, к чему прикасаются...

После перерыва. «Даниил сказал, что сейчас он вместе с вами пойдёт на встречу. Я очень рад этому и контакту с ним. Укрепляйте их...»

И потом при прощании: «Когда мы увидимся?» И пристально смотрит в глаза. «Когда вы приедете или когда я...» «Мы попробуем это организовать...»

И ещё: «Есть у вас фотография моя отсюда? Нет? Сейчас найду...» Вытаскивает из уже запакованного чемодана чудную фотографию, где он стоит на фоне своей картины «Канченджанга», и с самых её вершин из глубины картины яркий луч света спускается прямо на Святослава. «Подпишете её, а то подума-

Александръ Николаевичъ Агеевъ.

Членъ Общества.

1. 11. 84.

ют, что так просто...» И когда подписывает, поясняет: «Это — луч с Гималаев, который вам светит...».

И последнее. Святослав подходит ко мне: **«Я Благословляю Вас...»** Уголками глаз замечаю, что те, кто был рядом, тут, в комнате, уходят. Трижды крепко целует в губы. Обнимает.

Боже мой, как мечтала я именно об этом, о Благословении...

2 ноября я проводила их в аэропорту — сначала в 6 утра Даниила, а потом в 10 утра — Святослава Рериха.

В аэропорту. Людмила Андросова и Святослав Рерих. Справа Кирил Беликов, сидит О.В.Румянцева. 2 ноября 1984 г.

Год 1987-й.

**Гостиница «Советская»
(4–6 мая, г. Москва)**

«Помните: постоянное устремление.

Препятствия необходимы. Они рождают импульс. В нём — энергия. Без препятствий гаснет человек. Всё очень просто. Каждый день делать чуть-чуть лучше, зная, что это — путь к совершенствованию.

Серафим Саровский. Его спросили — зачем этот пост, молитвы и прочее? Для того, чтобы снизошло Божественное Откровение. Где оно? Оно рядом, всюду, надо только открыть ему путь в нас. Каждый день. Многие начинают, бросают, снова начинают, как много, мол, нужно было сделать. А надо каждый день.

Трое святых на острове. И епископ... решил их проведать. «Как?! Вы не знаете молитвы “Отче Наш”»? И начал их учить. Через день они выучили. Настало время его отъезда. В лодке он отправился назад. Поднялась буря. И вот появилось перед епископом сияние на волнах, и в этом сиянии идут по воде трое, берутся за лодку и говорят: «Отче, мы забыли третью строфу “Отче Наш”. Напомни нам.» — «Вам — не надо!»

Каждые 7 лет клетки нашего тела меняются. Они формируются нашими мыслями. Они новые. Конечно, они несут на себе следы прошлого, но всё-таки они новые...

Путь определён — он только вперёд...»

Моей младшей дочке Василисе 5 лет. Съедает почти целую коробку шоколада, отчего Девика чуть не в ужасе. Забирается к Святославу на колени, так и сидит там, теребя его белоснежную бороду...

И вот ей прощальное напутствие от Святослава Николаевича Рериха:

«Береги и жалей маму...»

Год 1989-й

Последняя встреча со Святославом Рерихом (24—27 ноября, Москва)

Святослав Николаевич Рерих в Москве. Он почётный гость М.С.Горбачёва. И потому он не в гостинице, как обычно, а в особняке горбачёвском, где-то в центре Москвы.

Отовсюду ко мне стекаются известия, что увидеть его практически невозможно и что при нём Шапошникова Людмила Васильевна. Рассказывают, что даже Людмилу Степановну Митусову допустили с большими и унижительными оговорками и Кирилла Беликова — тоже. Приезжают друзья из Новосибирска, Сочи — просят помочь встретиться со Святославом,

сообщить хотя бы номер его телефона. И удивлены, что я до сих пор не встретила с ним.

Но как? Я даже не пытаюсь. У меня есть домашний телефон Людмилы Васильевны, но она, конечно же, мне откажет. Я знаю, как сурова и жёстка она, нарываться на грубый и унижительный отказ... нет, не могу...

И я решила: пусть будет так, как должно быть. Но я сделаю своё, сделаю то, что от меня зависит...

Звоню Генриетте Михайловне Беляевой. Прошу её дать мне номер телефона, по которому я могла бы договориться о встрече со Святославом. «Людочка, — отвечает, — я была бы рада дать вам номер, но я его не знаю. Я полностью отстранена. Мне очень хочется вам помочь, но я не знаю как. Я могу вам дать номер телефона Н.М.Сазановой, может быть, она вам поможет. Удачи вам...». Сазанова... Знаю о ней по публикации В.М.Сидорова, видела её издавна, но никогда не встречалась с ней. Звоню. Вот что она говорит мне: «Я не могу не дать вам номер телефона Святослава Николаевича. Недавно я получила от него письмо, где он так тепло, так хорошо пишет о вас... Но хочу вас предупредить, что сам он к телефону не подходит и попасть к нему практически невозможно... Но попытайтесь. И я желаю вам удачи...».

23 ноября. Звоню. Трубку взял Святослав Николаевич. Утром следующего дня я — в Москву.

24 ноября. Длинный, высокий, глухой забор... Возле маленькой милицейской будки с крохотными воротцами внутрь вижу людей, стоят на морозе, некоторые из них — с цветами. Прохожу к особняку, что виднеется вдаль среди деревьев. Открываю тяжёлую дверь. Меня сразу же встречает один из клерков и предупреждает: только 15 минут. И сами служащие тут же, рядом, зрят оком своим.

Святослав — за большим столом, недалеко от входной двери. Замечаю выражение некоторой отрешённости на его лице, может быть, усталости. 15 минут как одна минута... И его слова: «*Прошу вас. Приходите завтра. Утром. Запишитесь вон там, у них...*»

Подхожу к одному из служащих, что за столиком недалеко от Святослава. Прошу записать меня на завтра.

— Нет, нет, это невозможно... — Но Святослав Николаевич просил прийти...

— Нет, невозможно... Завтра утром у него космонавты, потом приём, потом ... (перечисляет), он очень занят... Кто вы, как ваша фамилия?

— Андросова.

И вдруг, как по мановению волшебной палочки всё меняется:

— Вы?! Вы — Андросова?! Знаете, мы искали вас. Приходите, приходите завтра утром. Никаких космонавтов нет... И сейчас не уходите. Побудьте, пожалуйста, скоро приедет Людмила Васильевна.

И пока я жду, спускается сверху Девика, ей говорят, что Людмила Андросова здесь.

— Андросова?! Где?

— Это я, — обращаюсь я к ней.

Она рада видеть меня. И уводится разговором с женщиной в индийском сари, что спускалась рядом с ней. А спустя некоторое время смотрю: Девика тащит откуда-то сверху стул и подсаживается ко мне.

— Покажите ладонь — говорит.

Внимательно изучает и начинает быстро говорить. Я не понимаю, что она говорит. Беспомощно оглядываюсь в поисках хоть кого-нибудь, кто мог бы помочь перевести, понять... Никого.

Людмила Васильевна... Взяли под руки. Девика по одну сторону, Людмила Васильевна — по другую. Привели к Святославу.

— Вот, Святослав Николаевич. Она. Мы её нашли... — говорит Людмила Васильевна.

— Будет работать в Москве, — вставляет Девика, имея в виду мою работу с Л.В. Шапошниковой как о деле уже решённом...

25 ноября—26 ноября. Плотное кольцо клерков, блокирующих вход, а, главное, телефонные звонки. Святослав, в основном, один. Когда звонит телефон, его просительный взгляд устремляется ко мне: «*Возьмите трубку...*». Но меня опережают. И отвечают вежливо, приблизительно так: «Святослав Николаевич сейчас занят. К телефону подойти не может. Да, конечно, он будет рад вас видеть. Но он очень, очень занят — встречи, встречи, приёмы... Конечно, как только будет окно, мы вам позвоним...». Мы часто сидим молча. Он держит мои руки в сво-

их. И я начинаю догадываться, что говорить ни о чём нельзя, потому что всё прослушивается, и я ни о чём его не спрашиваю. С длительными паузами, отвечая чаще на мысли, свои и мои, пытается сказать мне самое главное:

«Не беспокойтесь. Мне здесь хорошо. Люди приходят... Я гуляю иногда... Прошу вас, не беспокойтесь...»

И после долгого молчания:

— *Стоит ли? Подумайте.*

— *Здесь работать?*

— *Да...*

— *Ленинград. Так? Подумайте. Какие организации могли бы быть вам полезны... Не нужно спешить, не нужно нетерпеливости. Спокойно. Можно всегда найти правильный путь. Если можно войти в их организацию, это было бы замечательно...*

— *Вы будете иметь поддержку детей, пока всё не выяснится и не разрешится...*

— *Всё разрешится. Вы увидите... Я бы об этом не беспокоился. Абсолютно не беспокойтесь... Вы будете сотрудником... В жизни всё меняется...*

Я рассказываю ему об Изваре, в которой работала и из которой в этом году вынуждена была уйти.

— *Вы Извару временно забудьте. Она ни к чему не приведёт...*

— *Я не знал, что дом в Изваре сгорел. Раз дом сгорел — там нет духа Николая Константиновича...*

После завтрака заседание правления. Круглый стол, всего лишь несколько человек. Кроме Людмилы Васильевны, я никого не знаю. Нет даже Ростислава Борисовича Рыбакова, которого я мельком видела здесь, единственного из тех, кого я знала раньше.

С.Н.: *«Я считаю, что всё было начато в очень правильное время, в очень правильный момент, когда появляется особая потребность, особый интерес. Я уверен, что всё будет развиваться очень быстро, и мы сумеем достичь очень многого...»*

Мы не должны брать на себя какие-то обязательства, которые я иногда видел. Давайте посмотрим, что самое необходимое, и начнём с этого. Это именно и требует решения...

О встрече моей с М.С.Горбачёвым. Я должен сказать, что это была очень дружественная встреча, которая меня очень обрадовала и была приятна для всех. Я уверен, что будут самые близкие и

тёплые отношения и с М.С.Горбачёвым, и с Раисой Максимовной, которая сказала, что она родом с Алтая...

Моё пребывание в Москве не закончено. Оно прекрасно началось, и я уверен, что оно прекрасно продолжится...

Я считаю, что в данный момент ещё немножко рано формировать детали. Начнём это в общих чертах и посмотрим, как оно будет развиваться. Будут новые встречи. Всё это — только начало...»

Долгое заседание, обсуждается множество финансовых и технических вопросов, но в основном, без участия Святослава.

Сюда я привезла с собой письмо телеканала студии «Пятое колесо» с просьбой разрешить интервью-встречу со Святославом Рерихом. И вот они здесь — Лена Плугатырёва, мой добрый друг, и её сотрудники. Ловлю каждое слово этого замечательного интервью...

Прощаюсь со Святославом. Его каждодневные слова: «Увидимся завтра. Так?». И, несмотря на шипения Людмилы Васильевны: «Скажи, что занята, скажи, что не можешь...» — я прихожу.

27 ноября. Утром встреча с представителями Общества советско-индийской дружбы г. Новосибирска. Я записываю каждое слово Святослава.

12 часов дня. Чёрная «Чайка» у входа в особняк. Ждёт Святослава, чтобы увезти его на очередной приём. Решила подождать, пока они уедут.

Вот он, в пальто, окружённый свитой, выходит из особняка. Останавливается возле меня: «*Вы со мной. Так?*». Я отрицательно качаю головой. «*Вам нельзя быть со мной?*» — спрашивает. «Нет, нет, нельзя взять, это невозможно...» — раздаётся на русском и на английском. И его уводят, под руки с обеих сторон, быстрее, чтобы не задерживался.

Вдруг, неожиданно для всех, он резко останавливается. Сбрасывает гроздь рук, отталкивая кольцо сопровождающих и уводящих. И со словами, полными отчаяния «*Всё пустое!*» — он приближается ко мне. Все стоят, не двигаются, словно замерли. Глубокая тишина...

Он подходит ко мне. Лёгким движением руки откидывает прядь волос с моего лба и осеняет меня широким — во весь рост крестным знамением. Безмолвно. И уходит...

Это было 27 ноября 1989 года в 12 часов 32 минуты.

И в этот самый миг поняла:

Я его никогда не увижу...

Он меня никогда не увидит...

P.S. Октябрь 2016 года.

То, что изложено в этой главе о встречах и переписке со Святославом Рерихом, явилось своего рода дополнением к тому интервью, которые недавно было дано академиком Ростиславом Борисовичем Рыбаковым в Институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге. Интервью было выложено в Интернете, на сайте «Живая Этика в мире». Наталья Александровна Тоотс выслала Р.Б.Рыбакову фрагмент из этой главы. Поблагодарив её, Ростислав Борисович добавил: *«Хорошо помню автора и наши чаепития со Святославом; всегда она излучала любовь и свет. Ваш RBR».*

ГЛАВА 6. ПОСЛЕ РОССИИ

*Людмила Андросова.
Канада, 2007 г.*

Я только что переехала на новое местожительство. Я иду, в руках у меня диктофон, и ты слышишь мой голос. Пойдём со мной!

1. Пойдём со мной!

Пойдём сюда, в эти места...

25 марта 2007 года. Сейчас чудное раннее утро. Я иду вдоль берега озера, оно огромное, и по всему его периметру проложена широкая тропа, окаймлённая с обеих сторон огромными елями и кипарисами. И надо высоко запрокинуть голову, чтобы увидеть их верхушки. Тропа посыпана гравием и устлана великим множеством хвойных игл, что падают сюда с веток. И хорошо утоптана тысячами пар ног, которые здесь проходят всё время. Она такая ровная и гладкая, что можно не смотреть под ноги, а устремить взгляд на небо, деревья — на всё, что меня окружает.

Вот я иду через коридор этих деревьев. Их нижние широкие ветви слегка покачиваются в знак приветствия — как раз над моей головой — ласково машут мне вслед. Предлагают дружбу... Зовут... Благословляют... И когда они склоняются близко ко мне, я трогаю их и благодарю... Лодка с рыбаками тихо скользит по водной глади озера. Так тихо вокруг... Слыш-

но только пение птиц — вот как сейчас. А озеро совсем голубое — в нём небо и облака. Господи, как хорошо! А вот ручей и деревянный мостик через него. По озеру проходит лёгкая рябь. И словно дно его усыпано небом, камешками звёзд...

Мне так вольно, так хорошо, так приветливо идти широким шагом, распахнув пальто. Тепло. И солнце. Ветер о чём-то поёт в деревьях — слышишь? И небо такое синее и по нему бегут облака. И всё это играет, отражается в воде... Лёгкая-лёгкая рябь. Но вот дорожка пошла немножко вверх, и я уже на маленькой вершинке, — а потом спускается вниз. Тут впадает ручей, журчит, поёт о чём-то, говорит... Говорит, говорит, говорит, шумит, бежит, ишь какой разговорчивый. Это он пытается что-то сказать. Что?.. Я ведь здесь как раз для того, чтобы говор этот слышать и услышать. Что?.. Вода кристальная, а дно усыпано разноцветными камешками. А вот и мостик через него, деревянный, такой красивый, горбатенький. Слышишь, как шумит? Послушай, я подожду...

А вот я на большом деревянном мостике. Стою и слушаю. Здесь небольшая плотина из камней. Слышишь? Шумит, шумит, шумит. Поют птицы. Не знаю их названия. Но явно не соловьи. А вчера видела синих птиц. А-а-а! И я остановилась как вкопанная потому как совсем не ожидала их увидеть. И тоже возле речки. Синие птицы... «Это у вас трава, что поёт, и птица вся синяя?»¹ С тех пор, с тех самых пор, сколько прошло, лет 30—40 назад, — эти слова запали мне в душу, и я никогда не думала, что увижу синих птиц наяву. Но я их увидела. Сначала в Калифорнии, ещё 5 лет назад или 3 — когда я приехала-то? В 2002-м, о-ох! А сейчас 2007-й! И вот вчера опять...

26 марта. Раннее свежее утро, стою у озера... Я пришла сюда опять, пришла послушать пение птиц, говор волн, шёпот ветра...

Я иду по тенистой аллее, огромные ветви, ели, кипарисы — они сводом над моей головой, машут мне — опять так приветливо, так ласково. Каждый раз, когда я их вижу, поражаюсь этому, в нашей стране я никогда не видела таких. Меня догоняют так называемые «спортсмены». Они разговаривают и болтают, как будто бы не наговорились дома и

---

¹Цитата из пьесы Мориса Метерлинка «Синяя птица» — *Прим. ред.*

пришли на природу погоготать. Придётся чуть-чуть приот-
стать, чтобы эти дамы пробежали вперёд и позволили мне
слушать тишину. И как это не надоест им? Говорят, да ещё
так громко. Ну чего гоготать-то? Когда имеешь важное, что
сказать, разве ты станешь кричать? Но... таковы мои ближ-
ние, которых надо возлюбить как самого себя.

А вот тропа привела меня прямо к самой воде — какая же
она прозрачная, сейчас зелёного цвета, ибо в ней отражаются
зелёные ели и кипарисы, что начинают расти у самой кромки
берега. И ветви свои они тянут, протягивают к воде. И я прямо
чувствую эту силу, с которой они тянутся, чувствую эту мощь.
Мощь устремления Живого к Живому. О чём-то даже разго-
варивают — это зелёные листочки колыхнутся в такт с малень-
кими волнами, подступающими к этим деревьям. А вот дикие
гуси, по всему свету их называют канадскими, а здесь они как
раз у себя дома. Огромные, с красивыми длинными шеями.

Иду под сводом кипарисов. Качают своими лапами, при-
ветствуют, что-то хотят сказать, наверное — «доброе утро!».
Доброе утро, доброе, доброе утро! Как хорошо, что я решила
сегодня прийти сюда. Очень я рада. А вот ещё — качают, кача-
ют, машут прямо с обеих сторон над головой. Такие они, кipa-
рисы, длинные у них ветви и раскидистые лапы. Солнышко уж
если пробыётся через деревья и коснётся какой-нибудь веточ-
ки, то та прямо воссияет, осветится — всеми своими иголочка-
ми, всеми своими гранями... Опять длинный ясный коридор,
блики солнца пробиваются, падают на тропинку, на дорожку,
по которой я иду. Так тенисто, так свежо. Так уютно. У меня в
руках диктофон, и я рассказываю тебе о том, что вижу.

Жаль, что отрезок вот этот, который я почти каждый день
прохожу, так невелик. Всего 6 километров по периметру. И как
бы я ни старалась не торопиться, всё равно больше полутора
часов не получается. А мне-то куда торопиться? Мне торо-
питься некуда. И дорожка такая ровная, что я могу не смотреть
вниз на неё, что очень важно, а смотреть на небо, на деревья,
на воду. И слушать. И видеть. И чувствовать, замечать, при-
мечать всё, что меня окружает сейчас. Слышать вот этот плеск
едва-едва заметных волн о берег — тихо и безветренно. И ви-
деть, каким сложным узором переплетаются ветки деревьев и
их корни. Потрогать, погладить их кору.

Древние. А вдруг им тысяча лет? Вообще вряд ли. Но уж очень огромные стволы. А вот и дупло, ах какое оно ровненькое, красивое. Дятлы слышны отовсюду. Скоро здесь всё расцветёт. Как набухли почки! Серёжки тянутся ко мне. Конечно, мне далеко до того, чтобы заметить всё, далеко даже до того, чтобы заметить и отметить главное. Но ведь я же живу сейчас и всё это вижу, и эта радость пробуждающейся жизни... она во мне.

Господи, какое же могучее дерево! А-а-а! Надо же! Я трогаю его кору, глажу и ласкаю её. Я прижалась к нему всем телом. Пробежал мужик, спрашивает на ходу *Are you Ok?* («У тебя всё в порядке?»)

Как ласково щебечет впадающая в озеро речка, течёт с высоты, пробивая дорогу сквозь деревья и скалы. И как прозрачны её воды! Я стою на широком красивом деревянном мостике и смотрю, смотрю вниз — в её прозрачные воды, в дно, усыпанное разноцветными камнями. И так приветливо она шумит! Говорливая. Как это ласкает мой слух! Как я скучаю по такому разговору, какой сейчас слышу, — и вижу, и слышу другие горные реки, когда мы ходили в походы, и вот также они разговаривали с нами. Это навсегда осталось в моей душе.

У озера

Сегодня 27-е, вторник, 12-й час дня. И я опять у озера.

Скажут — ну и прописалась ты, мать здесь! А куда ж мне ещё идти? С кем мне ещё разговаривать? Я здесь, чтобы поговорить с ветром — какой он сильный сегодня, вот как раз с ним, особенно с ним. Я здесь, чтобы поговорить с волнами, с озером. Сегодня барашки волн — на всей поверхности озера, бьются о берег чуть ли не у моих ног. Я здесь, чтобы поговорить с птицами — я слышала только что их песнь. Я здесь, чтобы сказать «здравствуйте!» вот этим холмам, грядами бегущим к горизонту.

Прислушайся, это шумят волны. Слышишь? Вот. Не забудь. Да я и не забуду. Я вчера слушала то, что я наговорила на диктофон, не вчера, а сегодня слушала, утром, и ощущение такой близости тех мест, того мгновения, в котором я вчера была... Вот сейчас волны ударяются о камни. Ну что? — «Здравствуйте, горы! Здравствуйте, холмы! Здравствуйте, ущелья, — я скоро приду к вам!» Ну сколько блёсток на озере, переливаются жемчужинами, ну это такое чудо — я вообще всегда удивляюсь этому, такие переливающиеся, бриллиантовые капли, всё время непрерывно в движении и стремительном беге, мелькающие яркие блёстки, жемчужины, солнечные искры на воде.

Ну вот я иду — навстречу ветру. Послушаю, что он мне скажет сегодня, о чём шумит, что хочет передать, о чём рассказать. Деревья будут меня приветствовать, даруя свою дружбу, свою радость... любовь? Как я во всём этом нуждаюсь...

Иду по этой тропе сейчас, здесь тихо-тихо, только ветер шумит высоко. И солнце просвечивает дорожку, находит путь сквозь прогалины деревьев, и вся дорожка моя пятнистая от солнечных пятен. Пятнышко света, пятнышко тени — перебегают, ну всё как в жизни, по крайней мере, в моей. Боже мой, какая прелесть! Какое это чудо — быть здесь, окунуться в этот солнечный свет, видеть эти поднимающиеся, полные сил листочки, готовые распахнуться, открыться... Весна... Как свободно, как легко, как приятно!

Мне очень нравится эта дорога по периметру озера. Я подхожу сейчас к самой высокой точке на тропе, с которой могу видеть озеро. Такой простор открывается! Волны бегут чередой, и эти стремительно убегающие вверх ели, холмы — гряды. А на самом дальнем и самом высоком на вершине ещё снег.

Отсюда, с того места, где я стою, скалы уходят вниз, далее — обрыв, там альпинисты тренируются. Лёгкий ветерок обдувает моё лицо, и я открыта, открыта всему. Благословенная земля. Благословенна и я на ней.

А сейчас я спускаюсь к бухточке. Вчера здесь была такая прозрачная, кристальная вода, тихо было, спокойно, а сейчас вода волнуется, волны небольшие и цвет у воды светло-зелёный от солнца и отражения елей, которые растут у самого берега, собственно, они и образуют этот берег, его окаём. Здравствуйте, здравствуйте! — Это я веткам кипарисов, которые машут мне, машут, вот я дотрагиваюсь до них, приветствую их. Этот лес передо мной — ну просто из сказок, тако-ой! Такие огромные деревья бегут вверх. Я слышу пение птиц, что доносит мне эхо.

Как хорошо чувствовать ветер на лице. Волны ударяют слегка о берег, ветер то глуше, — когда деревья стоят чаще, то громче. Я стараюсь выразить, но не могу так, чтобы я вот прочла и почувствовала вновь так же явственно, как чувствую это сейчас. Но, может быть, я бы и смогла, но вот кто другой прочтёт — нет, не побывает здесь, нет, не услышит этот шум ветра, его ласковое прикосновение к лицу, не услышит птички разговоры и шёпот волн. А вот и ещё одна бухточка с ласкающим взор подходом к воде: видимо, для купания или просто посидеть на бережку и подумать о чём-нибудь своём. А вот и настоящие скалы, бараньи лбы высоко поднимаются, и все они покрыты зелёным мохом, цветут, они живые. Цветут, как и камни в горах Алтая.

Я стою возле свежего пня, на его срезе столько колец, и они все отделены друг от друга прожилками жёлтой янтарной смолы, переливающейся на солнце. Как красиво, господи! Разные сияющие оттенки от светло-жёлтого до коричневого, и всё пропитано сияющими каплями янтарной смолы.

И вот опять я под сводами кипарисов. Тишина... Только плеск набегающих волн. Да шум ветра в вышине, он доносит мне пение птиц. Иду по тропе, по тропе-дороге. Ветер крепчает, крепчает — слышишь? Это он шумит. А какой хороший воздух! Я не дышу им, мне кажется я его глотаю, пью его. Я трогаю деревья, ласкаю их кипарисовые лапки, передаю им свои самые лучшие чувства, самые лучшие пожелания — всё, что в

моей душе, всё — им... Пахнет земля, деревья, воздух, веточки — всё разный запах... Слышишь, слышишь как шумит?

Ну вот, теперь повернулась к солнцу лицом, прошла уже большую добрую часть пути и скоро приду на пирс, буду загорать. Как мне хорошо здесь, господи! А вот и птицы поют — слышишь? Нет, вот сейчас перестали. Стало совсем жарко, потому что лицом к солнцу. Приближаюсь к домам, что слева, в основном пансионаты, центры отдыха и здоровья, по крайней мере так написано, хотя не видно ни единого человека, видимо, ещё не сезон. Очень уютные с длинными зелёными лужайками, сбегаящими к озеру. А вот и место для мотехаусов, их здесь много, приезжают сюда и стоят прямо у берега. Господи, какой воздух, какой запах!

Сегодня 28-е, 9 утра. Ну вот опять я у озера. И имя всему — Тишина. Ничто не шелохнётся. Озёрная гладь — в неё опрокинуты все холмы, весь лес отражается. И небо. Оно в глубине озера. Жалко, нет звёзд, а то всё дно было бы ими усыпано. Они там есть, я их просто не вижу. Очень свежий, вкусный воздух. На стоянке было мало машин — это хорошо, потому что мало кто будет нарушать эту тишину, её покой.

Я иду сейчас с закрытыми глазами. Подставляю лицо солнцу и ветру. И пусть солнце напоит меня, пусть наполнит светом мои мысли, а ветер смахнёт с них пыль и паутину. Пусть мысли мои будут светлы, как эти ласковые лучи утреннего солнца, нежные, тихие, неяркие — убаюкивающие, успокаивающие, в такой гармонии с тем, что я сейчас чувствую в душе.

А вот и моё самое любимое дерево, и я ласкаю его и прижимаюсь к нему и глажу его шершавую древнюю кору. Ты ведь давно живёшь и, наверное, знаешь зачем, и помнишь, и знаешь многое — расскажи мне, успокой меня, поделись со мной, поделись своей силой и крепостью. Смотри, сколько на тебе выбоин, и ветки поломаны, и дятел дупло пробил, и молния оставила след... Скажи, как справляешься с бурями и ненастьем, скажи, откуда, несмотря ни на что, черпаешь ты волю к жизни?.. Научи меня... Расскажи...

Лес, птицы, воздух, солнце, вода... Тишина и я... Вот совсем-совсем рядом перебегает мне дорогу птичка, похожая на нашего снегиря. Именно перебежала своими маленькими лапками. Я видела и встречала их всю зиму. А сейчас так хоте-

лось бы увидеть синюю, любимую... И эти такие хорошие, они так хорошо поют, всю зиму услаждали мой слух под окном. А? Слышишь? Это уже другая, её подружка. Вот остановилась она у самой кромки тропы, на меня смотрит, думает, — чего ждать от меня. И я стою. Ну давай же, проходи! Вот, молодец! Иду по тропе, ручей поёт, птицы поют и солнце сияет... Ну что ты, белочка, дай на тебя взглянуть. Махонькая, прыгает с ветки на ветку... Ну а теперь слушай пение птиц... Послушай эту их песнь... Слышишь?

7 апреля. Канун Пасхи, я пришла опять на озеро. Вечер — 6-й час. Я просто изумлена, потому что горы, холмы — все стали голубыми, а самые дальние — даже синими, и вода голубая. Так приятно. Синий цвет... с детства он для меня означал сине-ву иных начал... И я в них — в этих иных началах...

Посмотрим, в какой сегодня наряд оделись мои деревья — я не была здесь около недели. Кружево нежно-зелёных листочков отражается в воде, а деревья — ах, как они любят себя своим отражением, и я люблюсь и не могу наглядеться на это чудо. Я так рада, что я здесь, а не дома сейчас. Вечером совсем другие краски, какие-то более нежные, более мягкие,

Ну вот опять я у озера

более насыщенные. Я вижу тихо плывущие лодки, тихо-тихо скользящие по воде. Как всё принарядилось-то, господи! И вокруг пение птиц — со всех сторон...

Ну вот наконец-то и журавлей увидела. А вот и подснежники — по обеим сторонам тропы. Я вчера в моём лесу набрала их целую охапку, принесла домой, и они наполнили мою комнату и мою душу нежным запахом полевых цветов.

Господи, а теперь лягушки расквакались вокруг. И пусть за меня сегодня расскажет мой фотоаппарат.

23 апреля 2007 года (из письма к дочери).

Знаешь, малыш, я вчера была на океане — не очень далеко отсюда, на автобусе. Эта огромная лагуна. Скалы кругом, я полазила даже. Это как махонький полуостров в океане, и даже лесок на холме с редкостными деревьями, среди них дубки.

Ты только представь себе: я сижу, никому невидимая, защищённая со всех сторон скалами, открытая только океану передо мной, — в крохотной лагунке, уютно прислонившись к скале, волны одна за другой подбегают к ногам, и вокруг невообразимый простор! И ветерок обдувает лицо, и солнце! А запах какой! На валунах повсюду нежные веточки и листочки живых водорослей, ещё мокрые: был отлив, когда я пришла туда. Я просто обомлела, просто онемела и до сих пор не могу прийти в себя. Неужели это всё теперь МОЁ? И никто-никто не заберёт и завтра, и послезавтра — я опять могу прийти туда и быть там, — я дрожу от нетерпения. Слушай, дочур, это — счастье.

28 апреля (из письма дочери).

Знаешь, была сегодня на океане опять — уже в другой лагуне, а там — такие бухты, такие заливы и океан безмерный предо мною, и по горизонту снежные вершины, и парк с тенистыми аллеями и деревьями-небоскрёбами начинается у океана. А разноцветье трав — такие махонькие нежные цветы повсюду: фиалки и много-много разных всевозможных цветов, похожих на незабудки, — и пение птиц вокруг... И я заплакала, ушла оттуда скоро: не могла вынести (вместить) всю красоту. Пришла домой и опять разревелась — сердце переполнено, и нет таких слов, чтобы выразить то, что я видела.

2. О торжественной церемонии инаугурации нового главы правительства в Канаде. (6—7 ноября 2015 г.)

Хочу рассказать вам немного о тех совсем недавних событиях, которые произошли в стране, где я живу сейчас. О некоторых моментах в жизни страны, которые меня, в политике не разбирающуюся, поразили. Недавно, всего каких-нибудь две недели назад, здесь поменялось правительство. Были очередные всеобщие выборы (они проходят каждые четыре года), и к власти пришла другая партия. Старое правительство сумело продержаться у власти ни много, ни мало, десять лет. Я-то обычно за новостями не слежу, телевизор не смотрю, но мой муж, как я это понимала, жаждал перемен и потому следил за тем, что и как. А по мне, и старое правительство было вполне приличным.

Решила взглянуть на нового главу правительства (в Канаде это премьер), посмотреть, как он будет давать присягу. И я не слишком преувеличу, если скажу: то, что я увидела, меня

Новый премьер-министр Джастин Трюдо произносит присягу

поразило. Ранним утром 4 ноября, ещё не проснувшись как следует (у нас с Оттавой разница во времени где-то часа три-четыре), я подошла к телевизору (муж уже около часа смотрел) и ещё издали увидела на экране каких-то весёлых, счастливых людей, приветливо машущих руками и идущих мне навстречу. А по обеим сторонам от них полно народу. Я спросила, что это. Оказалось, новый глава правительства с семьёй (жена, тёща с его тремя малолетними детьми) среди огромной толпы бодро шагает в зал Дома правительства, где предстоит инаугурация. Как потом сказали, было около четырёх тысяч человек, прибывших из разных уголков Канады (к слову сказать, приглашали всех, кто хотел бы присутствовать на церемонии: об этом, оказывается, было заранее объявлено в Интернете, в частности в «Фэйсбуке»). Постоянно объявлялось, что повсюду можно выпить горячего шоколада и кофе. И оторопело глядя на экран, не веря своим глазам, я спросила своего мужа: «И что, премьер может так свободно без бронированной машины и полка телохранителей идти среди людей?!».

Инаугурация проходила в большом красивом зале здания правительства. Многотысячная же толпа смотрела церемонию на огромных экранах. После присяги премьера и передачи ему полномочий главы правительства начали представлять Кабинет министров. Тут всё было для меня как в сказке. Во-первых, оказалось, что в правительстве 30 человек: 15 женщин и 15 мужчин, в том числе, в Кабинете министров — 12 женщин и 12 мужчин. Такое равенство мужчин и женщин в правительстве было введено новым премьером и это произошло впервые (позднее многие из присутствующих на улице перед домом правительства отмечали этот факт как наиболее их впечатливший).

Каждый будущий министр выходил на присягу (кстати, присяга кончалась словами «да поможет мне Бог!»). Всё на двух языках — английском и французском. Я обратила внимание, что каждый из министров начинал говорить на языке, ему более близком. Нет такого, чтобы вначале английский, как довлеющий язык, а потом французский (кстати, сам премьер начал произносить слова клятвы сначала на французском (он француз из французской провинции Квебек).

Меня поразили должности министров, их портфели. Особенно те, что были совершенно непривычны для моего слуха.

Ну посудите сами. Вот, например: министр семьи и детей (матери и ребёнка), министр малого бизнеса, министр женщин, министр занятости и безработицы, министр охраны окружающей среды и изменения климата, министр справедливости, министр гражданства и иммиграции. Я уже не помню, кто из них кто, имею в виду, мужчина или женщина. Помню только, что, когда назвали министра справедливости, на присягу вышла молодая красивая женщина с копной чёрных кудрей.

Кабинет министров, как и сама страна, многонационален. Один министр — выходец из Индии, сидел несправедливо в тюрьме; ещё один — беженец из Афганистана; одна женщина-министр вышла на присягу с большим листом бумаги, на котором большими буквами были написаны слова клятвы: у неё проблемы со зрением; один министр был в тюрбане — сингх; один — из аборигенов.

После окончания церемонии премьер вышел на улицу, где его ждала многотысячная толпа. Он всем протягивал руки. Бесконечные рукопожатия. Одна женщина спросила, что он собирается делать в первую очередь. Он ответил: — поднять и укрепить средний класс, уменьшить налоги с малоимущих и

Премьер-министр Канады Джастин Трюдо

увеличить — с многоимущих. Сказал, что уже в этом месяце собирается принять участие в трёх международных конференциях: по безопасности, по потеплению климата (во Франции 21 ноября) и, кажется, по малому бизнесу. И хочу добавить, что сразу после победы на выборах он сказал, что одним из первых дел считает встречу с президентом Америки Обамой по вопросу прекращения бомбардировок в Сирии.

Премьер и его Кабинет министров сели в автобус и отправились в здание парламента. И уже находясь в автобусе, глава нового правительства сказал присутствующему там корреспонденту, что они (он и Кабинет министров) — члены одной единой команды.

Конечно, может быть, меня могут неправильно понять, осуждая тот факт, что я говорю о всём том положительном, что увидела. Но я никогда не интересовалась политикой. И не интересуюсь. Мне нравилось старое правительство. Оно, правда, отказало в визе моей дочери Василисе, хотевшей посетить меня здесь, но оно предоставило мне гражданство и все те социальные льготы, которыми я теперь активно пользуюсь. Никакого пособия или пенсии я не получаю: для пособия надо прожить здесь минимум десять лет. Мне присылают заработанную в России пенсию, это мой единственный доход, и я его каждый год декларирую. В связи с падением рубля моя пенсия, и так совершенно мизерная, уменьшилась сейчас в два раза. Вдвоём с мужем мы живём на его скромную пенсию. Много льгот. В частности, бесплатная медицина. Но это особый сказ, есть свои плюсы и минусы. Для нас же, малоимущих, плюсов гораздо больше. Достаточно сказать, что за лекарство, которое я получаю бесплатно, государство платит за меня ежемесячно ни много ни мало 10 тысяч долларов! Иногда, давая очередную дозу, мне не преминут напомнить, сколько это стоит.

И ещё мне хочется добавить: стране всего каких-то там сто пятьдесят лет, и народ, конечно, многонационален. В моём махоньком городишке, расположенном на берегу Тихого океана, на побережье Солнечного Сияния (*Sunshine Coast*), живут представители 22-х национальностей. Это на двадцать-то тысяч населения! В основном это иммигранты — или сами или во втором поколении. Я знаю многих людей

из Италии, Германии, Австрии, Голландии, Англии и, само собой, из Франции (есть французские провинции, где люди не знают английского, я была тому свидетелем, путешествуя по Канаде). Из Китая тоже есть. Живут они дружно, все соблюдают законы (для них, да и вообще для всех, это главное), интересуются в основном своими собственными делами и делами своей родины (мне так кажется), но никак не Россией. Меня они принимают и приветствуют очень дружелюбно, даже восторженно, говорят о неповторимой красоте моего родного города Питера. Для моего мужа все они хорошие, добрые, дружелюбные. Но при осознании справедливости этих слов, меня всё же тошнит от них. Для меня все они **СЫТЫЕ**. Так и хочется их немного встряхнуть.

Когда я сказала мужу, что написала о церемонии инаугурации премьера своим российским друзьям, он заметил, что здесь живущие, не знают, какие они счастливые. Он может сказать такие слова, имеет право, потому что он родом из Англии, был подростком во время войны и знает, почём фунт лиха.

3. От сердца к сердцу

...Сегодня я хочу рассказать об одном важном событии в моей деревне. О летнем фестивале классической музыки в ис-

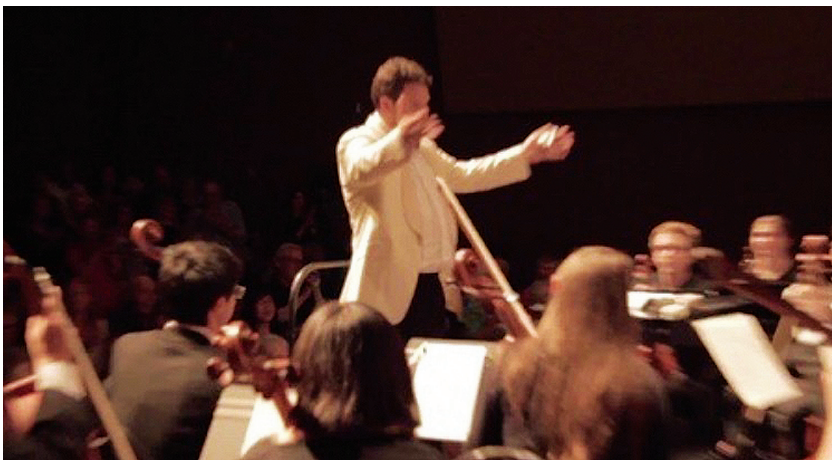

Международный оркестр симфонической и камерной музыки PRISMA

полнении симфонического оркестра PRISMA (Pacific Region International Summer Music Academy – Тихоокеанская международная летняя академия музыки).

Оркестр этот необычен тем, что состоит из талантливых студентов самых разных стран мира, только что закончивших консерватории или музыкальные отделения своих университетов. Перед началом своего творческого пути, нахождением места работы, они приехали сюда, чтобы совершенствовать своё профессиональное мастерство в оркестровом исполнении. Уникальность этого оркестра ещё и в том, что Пауэлл Ривер является единственным местом международного тренинга студентов по овладению таким мастерством. Первое выступление симфонического оркестра PRISMA состоялось в Пауэлл Ривер летом 2013 года, и с тех пор оно стало ежегодным и традиционным.

Организатором, музыкальным директором и дирижёром симфонического оркестра PRISMA является всемирно известный маэстро, голландец Артур Арнольд. В 2001 году он был приглашён главным дирижёром Московского симфонического оркестра, а в 2012-м стал и его руководителем. По словам самого маэстро, Московский симфонический оркестр – единственный независимый симфонический оркестр в России, который предоставляет музыкантам полную свободу художественного творчества.

Маэстро Артур Арнольд дирижирует оркестром PRISMA

И вот теперь маэстро Артур Арнольд приехал к нам, в Пауэлл Ривер, с приглашёнными со всего мира студентами. Они будут участниками Тихоокеанского международного симфонического оркестра PRISMA. В течение двух недель студенты будут совершенствовать своё мастерство в овладении искусством оркестрового исполнения. По словам маэстро, студенты в составе оркестра PRISMA учатся быть профессиональными музыкантами оркестра, сохраняя при этом свободу своего творчества, тем самым способствуя усилению энергии этого оркестра, его слаженности и гармонии.

Первым выступлением оркестра на летнем фестивале стал концерт PRISMA on the Beach. Этот концерт положил начало летнему (2016 года) фестивалю классической музыки в Пауэлл Ривер. Событие это стало всенародным праздником. На самом берегу Тихого океана собралось около пяти тысяч человек.

Концерт открылся исполнением гимна Канады на английском языке и на языке первой нации аборигенов *слаймин*. Их язык называется *слэвиш*. Они и выступили первыми с концертом хоровой музыки и пением.

Торжественно зазвучала до боли любимая музыка — паде-де из балета Чайковского «Щелкунчик», и над моей головой и головами многотысячной толпы моей деревни пронеслись самолёты. Началось воздушное шоу. И, приветствуя

PRISMA on the Beach. Пауэлл Ривер, 16 июня 2016 г.

Выступление хора аборигенов поселения Тлайамин.

жителей моей деревни и посланцев многих стран мира, лились звуки музыки: увертюры из опер Римского-Корсакова, Бизе, произведений Мендельсона.

В течение двух недель в одном из лучших концертных залов Пауэлл Ривер звучала симфоническая и камерная музыка всемирно известных композиторов. Зал этот был не просто полон, а переполнен благодарными зрителями.

Над головами многотысячной толпы пронеслись самолёты

Для меня это было время счастливого прикосновения к музыке любимых композиторов. Многое я слышала впервые. Вот смотрю на программу концертов, и я уже вся там, в концертном зале. На гала-концерте открытия фестиваля исполнялись оркестровые произведения Дюка, Вилла-Лобоса, Калверта, Дебюсси, Моцарта, Сарасате, Альбини, Боттезини, Андерсона, Римского-Корсакова. От простого их перечисление захватывает дух. А 5-я симфония Шостаковича, что прозвучала на одном из симфонических концертов! На другом — камерной музыки — я слушала произведения Моцарта, Шумана, Дворжака и Барбера.

Среди студентов был проведён конкурс на лучшее сольное исполнение с оркестром. Это был настоящий фейерверк блестящих выступлений молодых музыкантов, приехавших из разных стран мира учиться оркестровому мастерству. В финал вышли трое из них: Fangming Shen из Китая (скрипка), Youngki Lee из Южной Кореи (флейта) и Trevor Barгого из Германии (ксилофон).

Финалисты конкурса выступили на заключительном гала-концерте. Они исполняли соло в сопровождении оркестра. Зал сопровождал их выступления бурными овациями. Заключительным мощным аккордом фестиваля прозвучала исполненная на этом гала-концерте 5-я симфония Малера.

По условию конкурса, один из финалистов поедет в Россию и примет участие в выступлениях Московского симфонического оркестра. Вместе с маэстро Артуром Арнольдом в Москву поедет Trevor Barгого из Германии.

Летний фестиваль классической музыки, проведённый симфоническим оркестром PRISMA под управлением дирижёра Артура Арнольда, был одним из самых выдающихся событий этого года в моём городе или как я называю его в «Деревне-в-которой-я-живу». Появление PRISMA в моей деревне — это всегда всеобщий праздник.

Не помню, когда в последний раз я слушала и слышала такое вдохновенное исполнение музыки моих любимых композиторов. Я была растрогана до глубины души. От имени всех нас я поблагодарила маэстро Артура Арнольда за подаренный нам праздник.

Людмила Андросова и Артур Арнольд. 25 июня 2016 г.

Фотография эта вместе с короткой заметкой «От сердца к сердцу» появилась в местной газете.

4. Покаяние

Канада — совсем молодая, совсем юная страна. В этом году ей исполняется 150 лет. А моему городу — и того меньше, ему немногим более ста лет. В городе проживает всего чуть более 13 тысяч человек. Расположен Пауэлл Ривер на самом берегу Тихого океана, недалеко от известного всему миру города Ванкувера. От него на запад до моей деревни едва ли наберётся и сотня километров. Но в том-то и штука, что проехать их на машине нельзя: там одни только скалистые горы. Приходится путешествовать на двух паромках, затратив на дорогу не меньше шести часов. Хотя я очень люблю эту дорогу: ничего живописнее этого извилистого пути вдоль разбросанных тут и там на фоне гор островов я не знаю. Как видим, попасть в Ванкувер легко, но долгий путь способствует некоторым образом изолированности моей деревни. И мне эта изолированность по душе.

Живут в Пауэлл Ривер люди самых различных национальностей. Они приехали сюда со всего мира. Но в основном это

Пауэлл Ривер

европейцы, переселенцы из западных стран, таких как Голландия, Германия, Австрия, Англия, Франция — да разве всё перечислишь. Эти люди приехали не на пустое незаселённое место. Здесь, на этом самом побережье Солнечного Сияния, в том числе и там, где моя деревня, жили люди, которые во многом отличаются от приехавших европейцев. Это коренные народы — индейцы, те, кого здесь называют людьми первой нации и аборигенами. Они жили здесь многие тысячелетия, занимаясь в основном охотой и рыболовством. А теперь живём мы. Как же это случилось? И где и как живёт коренное население сейчас? Мне известно лишь то, что совсем недавно, в 1994 году, правительство Канады признало свою вину перед коренными народами и публично принесло свои извинения.

Я хочу рассказать об одной недавней встрече с представителями коренного населения — индейцами племени *тлайамин* (tla'amin), что живут сейчас в непосредственной близости от моей деревни, всего в нескольких десятках километров от неё. Эта встреча произошла 7 марта 2017 года в Объединённой церкви (United Church) — одной из многочисленных церквей моей деревни. Мой муж, Джон Блоксом, много лет назад приехавший сюда из Англии, поёт в её церковном хоре и иногда во время службы играет на органе.

В этот день в церкви с участием приехавших индейцев проходила очень интересная церемония под названием *Blanket Exercise*. Я бы назвала её церемонией покаяния.

Число прихожан, непосредственно участвовавших в ней, было ограничено тридцатью. Они условно представляли коренных жителей нашей деревни. Остальные прихожане, включая меня, были зрителями. В холле церкви широким кругом были расставлены стулья. Внутри него были расстелены одеяла. Каждое одеяло представляло землю, на которой тысячелетиями жило это коренное население. Участники церемонии, представлявшие коренных жителей, встали на расстеленные одеяла.

Программой церемонии предусматривалось чтение её участниками ключевых событий истории индейцев Канады. Текст был подготовлен на отдельных листках, они раздавались прихожанам, желавшим его прочесть по ходу церемонии. И вот первое чтение: *«С незапамятных времён наши люди жили на землях, которые Создатель определил для наших предков. Наше племя — одно из многих коренных племён, населяющих северо-западное побережье Тихого океана. Весь уклад нашей жизни построен на уникальном отношении наших предков к земле, их древних традициях и знаниях, их обычаях...»*

Продолжается чтение, рассказывающее о том, что в 1876 году правительство Канады приняло так называемый «Индейский закон», которым определялось, что коренные жители могут делать, а что — нет, чем они владеют или нет, что они могут и чего не могут иметь и где им теперь жить. А это отныне было возможно в специально созданных для них поселениях — резервациях. Они организовывались по всей стране. А по сути индейцев просто изгоняли с их земли, где они жили тысячелетиями. И одеяла в церкви по ходу чтения постепенно свёртывались, уменьшаясь в размерах.

А потом произошло ужасное: у всех аборигенов отобрали малых детей и отвезли их далеко от дома — туда, где при церквях были созданы специальные школы-интернаты (*residential schools*). В них детям запрещалось говорить на родном языке и носить традиционную одежду. Излишне говорить, какой травмой обернулось это для индейцев.

Европейцы занесли в эти места много болезней, неизвестных ранее коренному населению, которые унесли тысячи жизней. Многие из участников церемонии после этих слов сошли

с одеял и встали рядом. Мы все почтили память этих людей минутой молчания. А тем временем одеяла всё уменьшались в размерах и наконец исчезли совсем.

Все снова сели в круг. Каждому из присутствующих была дана возможность высказать своё отношение к только что увиденному и услышанному. Появилось орлиное перо — ритуальный символ торжественности неперебиваемой речи. Оно передавалось из рук в руки по кругу. Говорить начали представители племени. Старейшина сначала поприветствовал всех на своём родном языке, затем — на английском. Он выразил всем присутствующим свою глубокую признательность за организацию церемонии и участие в ней. Перо перешло в руки престарелой женщины из племени. Рыдая, она поведала свою историю о том, как много лет тому назад у неё отобрали троих детей и увезли далеко от дома. Они не вернулись в резервацию. Рассказано было ещё об одном прогремевшем на всю Канаду случае, когда один малыш ушёл из интерната домой — его нашли на дороге замёрзшим: он знал направление, куда идти, но не знал, как далёк его родной дом.

Каждый из выступавших выражал своё глубокое соболезнование и сострадание индейцам. Многие говорили о том, как несправедливо было то, что случилось, о своём глубоком уважении к традициям коренных жителей и об их уникальном отношении к природе. Выступавшие говорили также о том, что мы, люди разных национальностей и рас, живём под одной крышей и вместе в ответе за всё, что происходит. Мы все вместе можем создать атмосферу дружбы и уважения друг к другу. И это совсем не случайно, что мы собрались именно в Объединённой церкви. Всех вместе нас объединяют наши надежды, мечты, общая вера в Создателя. Мы благодарны за то, что тысячелетиями исконные жители генерировали в пространство энергию божественного отношения к земле, ко всем населяющим её живым существам, включая животных и растения. Эта мощная энергия, вскормленная тысячелетиями, сейчас питает нас. Мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы сохранять и нести в нашу повседневную жизнь эту гармонию и дружелюбие.

Орлиное перо перешло ко мне, и я сказала, что у нас, в России, живут родственные индейцам соплеменники — эски-

мосы. Несмотря на жестокие погодные условия, которые длятся почти все 12 месяцев в году, они сохраняют своё мужество, стойкость и жизнерадостность. И также как здесь, наше правительство делает многое для возрождения древней культуры эскимосов. Когда перо обошло весь круг, забил барабан, и старейшина сначала на своём родном языке, а потом на английском пригласил всех на церемонию, как он её назвал, «снятия негативной энергии». Захотели все, я в том числе. Каждый подходил к этому старцу, и под бой барабана и пение чистого, сильного женского голоса молодой аборигенши старец совершал как бы омовение человека с головы до ног со всех его сторон с помощью пальмовых (cedar) ветвей, которые он держал в руках.

Закончилось всё шикарным обедом, что приготовили прихожане вместе с аборигенами. Вот так волнующе провела я целых полдня моей жизни. С самого утра выглянуло, а потом засияло солнце.

Поселение Тлайамин, где живут индейцы и откуда они приехали к нам в Объединённую церковь, находится от Пауэлл Ривер в полчаса езды на машине. Мы с мужем, проезжая мимо, всегда

Поселение племени тлайамин.

Фото Д.Блоксома

не упускаем возможность свернуть с шоссе и проехаться вдоль живописного берега океана, где расположено это поселение.

В этом поселении сейчас живёт более тысячи индейцев, много молодёжи. В апреле 2016 года между федеральным правительством Британской Колумбии и местным советом поселения Тлайамин был подписан договор о восстановлении исконных прав племени на самоуправление и владение землёй. Это стало возможно после неустанной многолетней борьбы индейцев за свои права и длительных переговоров.

Только что закончилось строительство величественного здания правительства посёлка.

*Здание правительства в поселении племени Тлайамин.
Фото Д.Блоксома*

Недавно мы с мужем специально поехали в Тлайамин, чтобы полюбоваться его красотой. Оно прекрасно и изнутри, и снаружи.

Как многое в нашей повседневной жизни здесь не даёт нам забыть, что мы живём на земле, принадлежавшей индейскому племени многие тысячи лет. Даже слово «Канада» произошло от индейского слова «каната», что означает «деревня». И более того, названия многих близких и дальних от моей деревни городов и по-

сёлков хранят в себе истоки языка индейских племён. А вспомним кленовый листок на государственном флаге Канады. Что это, как не отзвук того благоговейного отношения к природе, что является лейтмотивом всей древней культуры индейцев?

Когда я впервые побывала в Канаде и увидела повсюду этот дивный флаг (а случилось это давно, в 1976 году), я была просто поражена. Уже тогда я пыталась понять, в чём корни той духовной мощи, основы, что побудила народ сделать символом своей страны обычный кленовый листочек. Как драгоценный подарок я привезла на родину сорванный с дерева кленовый листочек. И храню его до сих пор.

Повсюду в моей деревне, на каждой её площади и в парках, можно видеть вырезанные из дерева так называемые «тотемные столбы» с изображением на них животных, являющихся у индейцев предметом особого поклонения. Они символизируют космическую связь души человека с силами природы и являются предметом особого культа индейского народа. В них воплощён дух человека, дух племени.

В июле 2016 года в Пауэлл Ривер проходил 18-й международный фестиваль хорового пения «Катамью» (*Kathaumix*). Слово это на языке племени тлайамин символизирует единение народов всего мира и в переводе означает: «Соберёмся вместе, люди разных народов» (*Gather together of different people*). Каждые два года, начиная с 1984-го, мой городок принимает со всего мира исполнителей хорового пения. «Катамью» является одним из самых известных во всём мире фестивалей хорового пения. В прошлом году для участия в нём в Пауэлл Ривер прибыло более тысячи хористов — 32 хоровых коллектива, включая молодёжные и детские, из 10 стран мира: Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Тайваня, Гонконга, Венгрии, Китая, Кубы, США и Канады. Прибыли, чтобы говорить на одном, всем понятном языке песни.

В этом международном конкурсе победителя ждала уникальная награда — «Тотемный столб мира», символ единения людей планеты. Это дар племени *тлайамин*, выполненный талантливым резчиком Крейтом Голидосом.

Торжественная церемония открытия фестиваля... Кажется, здесь присутствует чуть ли не всё население моего городка.

Торжественно, под оркестровую музыку волюнок и гром аплодисментов, прошло вынесение хористами флагов своих стран.

Звучит гимн Канады, он исполняется на английском и на языке племени *тлайамин*. На трибуне старейшина племени. От имени всех аборигенов она поздравляет присутствующих с открытием и молится за участников фестиваля, чтобы здоровыми и невредимыми вернулись они в свои страны. И вдруг тысяча хористов встаёт плечом к плечу и начинает петь. Это было просто чудо. Люди со всего мира, разных национальностей, разных традиций и верований, из разных стран, говорящие на разных языках, приехали сюда, чтобы сотворить это чудо — петь и говорить на одном языке, языке песни.словно среди тысяч собравшихся пробежала волна всемогущего единства.

Международный фестиваль «Катамью» длится недолго, пять дней. С утра до вечера проходили конкурсы и концерты. Многие из них оставили неизгладимое впечатление. Помню, однажды, слегка запоздав, я вошла в тёмный зал и увидела на сцене тысячи звёзд, и все они разговаривали друг с другом. То была песня, полная вселенской гармонии, она поднимала и уводила тебя от сиюминутных забот и волнений. А разве можно забыть тот весёлый, звонкий, переливчатый смех детского хора на сцене? Так дети говорили друг с другом и со зрителями. Мгновенно я увидела себя, подбрасывающую вверх свою малышку, в

Выступления участников Международного фестиваля Катамью

том далёком времени и услышала её звенящий колокольчиком радостный смех. Не было в моей жизни минут счастливее этих.

На заключительном гала-концерте 18-го международного фестиваля хорового пения «Тотемный столб мира» был присуждён молодёжному хору колледжа из Гонконга (Китай, Лау), лауреату многих международных премий. Этот «Столб мира» победители увезут к себе домой.

*Победители конкурса Международного фестиваля Катамью с призом
«Тотемный столб Мира»*

Апрель 2017 г.

5. «What is true for you is true»

Крылатые слова знаменитой французской исследовательницы тайн Тибета, ламы Александры Дэвид-Нил, взятые мною в заглавие к этой небольшой статье, означают «То, что истина для тебя, это и есть истина». Слова эти были девизом и лейт-мотивом всей жизни этой замечательной женщины. Слова эти близки мне и дороги.

Как много горных вершин на планете, так много и Учений, и Учителей, которым можно следовать. Вершины духа выбираются так же как и горные, — по себе. Также куётся и мужество, набирается опыт, и ступенька за ступенькой ты поднимаешься на новую высоту, на новую духовную вершину. Но вот вопрос: какая из вершин лучше? Горные вершины соизмеряются по той высоте, на которую они могут тебя поднять, а также по их доступности для тебя. Но никакая из вершин не лучше и не хуже. Так и с выбором вершин духа. И у каждого своя вершина и свой путь на неё.

Каждый из нас имеет свой взгляд на мир, своё уникальное, отличное от других видение мира. Оно не лучше и не хуже, оно просто другое. И в соответствии со своим пониманием жизни каждый выбирает, чему и кому следовать. И каждый прав в своём выборе, потому что выбирает по себе и для себя. Убеждение же в том, что существует видение моё и неправильные другие, неизбежно приводит к попытке изменения других. И если уважать право каждого на выбор своего пути, право каждого на инакомыслие, то нигде не возникнут ни соперничество, ни зависть, ни нетерпимость. Не будет ни озлобленности, ни одержимости, ни деления на верных и неверных, на правых и неправых, исчезнут клевета и унижение. Извечна глубокая мудрость: мы здесь не для того, чтобы изменить мир, а для того, чтобы изменить себя. «Нелегко изменить себя, свою систему взглядов, но это возможно, и это — самый реальный путь построения нашей жизни», — писал мне Святослав Рерих в апреле 1983 года.

Мне довелось быть свидетелем того, как начиная с момента зарождения в нашей стране Рериховского движения некоторыми его приверженцами ведётся защита своего правильного понимания Учения от других, неправильных. И тогда, давно, рериховцы, группировавшиеся вокруг видных рериховедов, духовных водителей, жили не очень дружно. Только при Павле Фёдоровиче Беликове прекращались все споры и разногласия, иногда даже просто одним его присутствием. На душе у меня было тяжело и как-то неловко, ведь всех этих людей я близко знала, уважала и по-своему любила, хотела понять, что я могу сделать.

И тогда я спросила Святослава Николаевича Рериха, почему такое происходит. Он сказал мне, что разъединение рериховцев, их непримиримость друг к другу и рознь — это всего лишь естественные, эволюционно необходимые этапы в процессе роста. И ещё он просил меня не беспокоиться об этом совсем, а в последний свой приезд в Москву (1989 г.) попросил меня хорошо подумать над предложением Л.В.Шапошниковой работать с нею. И с тех самых пор я не принимаю участия ни в каких спорах, ни в каких разногласиях. Весь мой рериховский архив находится в Санкт-Петербургском музее-институте семьи Рерих, который я

считаю своим родным домом. Я иду навстречу тому, кто готов сотрудничать со мной.

Прошли годы, но мало что изменилось, по-прежнему рериховцы ломают копья друг о друга. Борьба за своё, правильное, понимание Учения стала ещё более ожесточённой. Многие счастливы принимать участие в полемике и спорах, развернувшихся на сайте «Адамант». Вчитываюсь в них, и мне становится грустно... Откуда у нас, в общем-то, прекрасных и хороших людей, так много взаимного неуважения, озлобленности, неистового стремления во что бы то ни стало унижить, затереть того, кто идёт не в ногу с нами? Откуда такое упоение борьбой, такое наслаждение ею, откуда такая радость уничтожения другого, откуда такое острое желание выплеснуть энергию отрицательных эмоций?! Может быть, так легче живётся? Может быть, таким путём мы повышаем уровень самоуважения, повышаем уровень нашей полноценности и довольства собой? Но ведь это как раз именно то, что пятнает ту самую чистоту Учения, которую мы защищаем и за которую так ожесточённо боремся. Борьба — это основа нашего существования. Я не против борьбы, а против таких методов её, которые унижают достоинство человека... Больно, когда оскорбляют словом... Словом можно не только ранить. Словом можно убить...

И мне хочется попросить прощения.

Сайт этот дорог мне. Именно на нём впервые появились мои статьи. И все они нашли широкий, я бы даже сказала вдохновенный отклик у читателя. И я живу присланной радостью этих добрых, сердечных слов. Они проникают в душу и окрыляют её. Я чувствую созвучие наших сердец. И тогда во круг меня всё поёт и радуется жизни. И я хочу, чтобы вы, мои дорогие, знакомые и незнакомые друзья, знали, как высоко я ценю ваше доброе ко мне отношение. И от всей души выражаю свою глубокую благодарность всем тем, кто отозвался на мои статьи в комментариях и в письмах на мой электронный адрес (androsova_luda@yahoo.com). Тот факт, что мои статьи появляются именно на «Адаманте», помогает понять и увидеть нечто такое, что поверх всего, поверх всех барьеров.

Нелегко это — жить по Учению, претворять его заветы в своей повседневной жизни, в трудах каждого дня. Я не су-

дья происходящему. Но знаю и всегда помню, что «нужно не бороться за чистоту улиц, а подметать их». Почему бы не последовать совету Великого Акбара и попытаться провести более длинную линию своего собственного действия, не касаясь линии другого?... И я задаю такой наивный и такой простой вопрос: всё бороться и бороться, а когда же жить?!

В заключение я хочу привести слова Святослава Рериха из его письма ко мне в апреле 1983 года. Слова эти обращены к каждому из нас. Они о самом главном в нашей жизни: *«Это трудно — пытаться сочетать два устремления, одно — по направлению к высочайшим духовным контактам и другое устремление — к построению лучшей жизни на этой Земле. Но оба эти устремления необходимы, и оба можно сочетать, но только при условии, что в сердце своём мы ясно несём убеждение, что цель нашей жизни — саморазвитие, самоулучшение, самосовершенствование. Надо попытаться повернуть самые лучшие обстоятельства нашей жизни так, чтобы обеспечить лучшее будущее для наших детей и возможно более лёгкую жизнь для нас самих.*

Я знаю, я убеждён, что Вы сможете сочетать эти два направления нашей жизни и Вы сможете достичь успеха в построении замечательной жизни для самой себя и для тех, кого Вы любите». С той поры прошло уже много лет, но я до сих пор не знаю, удалось ли мне сочетать эти два устремления. Святослав Рерих верил в меня, в мои силы: его убеждённость в том, что я смогу это сделать, помогала мне на всех путях моей жизни и капля за каплей наполняла моё сердце любовью к людям.

Январь 2016 г.

Послесловие

Обращаюсь к эпиграфу книги, отрывку из стихотворения Пушкина «Воспоминание». Раскрываю свиток, безмолвно развиваемым передо мной воспоминанием. Ненаписанные в эпиграфе строчки:

...И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но слов печальных не смываю.

Я так часто думаю о своей жизни в России и особенно в Академгородке, где я прожила почти четверть века и где родились трое моих детей. Не могу простить себя за то, что покинула эти места. Ненавижу себя за это. И прощаю себя. Не осуждаю. И не сожалею. В словах «не могу простить и прощаю, проклиная и слов печальных не смываю, горько жалуюсь и не сожалею», в словах этих нет противоречия. Или другими словами вся жизнь ткётся из таких вот противоречий. Истина всегда прячется внутри них. Сказано: «Подойдя к развилке, выбирай развилку».

Людмила Андросова, май 2017 г.

И если судьба определила мне быть сейчас в Канаде, я спрашиваю себя — зачем? Ищу ответ и в рокоте океанского прибоя, и в криках чаек и альбатросов, и в шелесте листьев на ветру... Солёные брызги падают мне на лицо... Жгучие капли ... Что это? Глотаю... Ветер ласкает пряди волос... Зинаида Григорьевна Фосдик писала: *«...Только русские понимают значение истинной дружбы — я пришла к этому убеждению после многих лет пребывания здесь...»*. О, как понимаю я это сейчас! И как не хватает мне здесь простого человеческого общения, общения с вами, дорогие друзья...

*Людмила Андросова. Канада, 2016 г.
Фото Д.Блоксома*

Об авторе

Людмила Андросова — учёный, альпинист, переводчик, близкий друг Святослава Николаевича Рериха, автор пронзительно искренних воспоминаний о многих судьбоносных событиях в Рериховском мире.

«Я буду с Вами», — сказал ей Святослав Николаевич Рерих перед восхождением на вершину, посвящённую Елене Ивановне Рерих и названную по его просьбе Урусвати. И он был с нею, начиная с момента их встречи в 1974 году и на протяжении всех 15 лет их тёплой дружбы. Они встречались, Святослав Николаевич писал ей письма, выражая свою искреннюю привязанность и стремление помочь на путях жизни.

Может потому и свершилось многое — и восхождение на новые вершины Алтая, посвящаемые семье Рерихов и их соратникам, и самоотверженное участие в организации первых «Рериховских чтений», и работа в Музее-усадьбе Н.К.Рериха в Изваре.

В декабре 1983 года Святослав Николаевич писал ей: *«Дорогой Друг — Людмила Александровна — спасибо Вам большое за Ваши письма и весточки...»*

Очень прошу Вас передать всем участникам экспедиции на вершины Алтая мою глубокую благодарность. Скажите им всем, что меня глубоко тронула их мысль назвать эти вершины Алтая именами нашей семьи. Лучшего памятника не может быть. И я приношу мою сердечную благодарность всем участникам восхождения на эти прекрасные вершины и буду надеяться на возможную встречу с ними в будущем».

Людмила Степановна Митусова в своей книге «О прожитом и судьбах близких» (Санкт-Петербург, 2004 г.) сказала об Андросовой: «... Бескорыстное, пылкое, юношеское, искреннее служение делу Рерихов». А известный сценарист, кинорежиссёр, один из авторов первого документального фильма о Н.К.Рерихе — Ренита Андреевна Григорьева написала в марте 2013 года: «С радостью прочитала твои воспоминания, огромное тебе спасибо от всех нас! Очень надеюсь, что ты соберёшь весь материал и напишешь ещё больше. Нас осталось очень мало и нужно как можно больше документов, писем, дневников и собрать, и передать новому поколению. Это им очень и очень нужно!..»

Именно это и сделала Л.Андросова в своей книге «Там, за горизонтом...». Уверены, что её с большим интересом прочтут многие читатели и отдадут должное тем, кто шёл по неизведанным путям духовного взросления.

Н.А.Тоомс

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткий справочник биографий исследователей рериховского наследия, упоминаемых в книге*

Анненко Алексей Николаевич
(18.09.1951, г. Абакан)

Журналист, общественный деятель. Окончил Новосибирский государственный университет по специальности «история» (1976). Работал в редакциях газет Хакасии и Красноярского края, редактором и телеведущим Хакасского телерадиокомитета. Член Союза журналистов СССР, России с 1980 г., член Русского географического общества, председатель Клуба творческой интеллигенции Хакасии, победитель межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь — территория надежд», конкурса Верховного совета Республики Хакасия среди журналистов и СМИ «Хрустальный барс», Всероссийского конкурса журналистов и СМИ Совета Федерации Федерального собрания РФ, союзов журналистов России и Москвы, Российской академии прессы.

В 1975 г. активно сотрудничал с крупнейшим рериховедом П.Ф.Беликовым. С 1976 г. — участник конференций «Рериховские чтения». С 1979 г. — автор многочисленных публикаций по рериховской тематике. В 1997 г. работал руководителем пресс-центра Международного центра Рерихов (Москва). Редактор-составитель книг «Странник Державы Рериха», «Н.К.Рерих. Дерзайте!», автор книг «Рерих и его предки. История одной легенды», «С Рерихом в экспедиции» и других.

---

*Составил *В.Е.Чернявский*. Использованы материалы из открытых источников, частных архивов, а также издания: Справочник по наследию Рерихов. Т. 1: Российские и зарубежные исследователи наследия Рерихов / под общ. ред. Л.В.Шапошниковой. — М.: МЦР, 2014. — 344 с.

Алёхин Александр Данилович
(6.12.1934, г. Москва – 3.12.1994, г. Москва)

Искусствовед, педагог, журналист. Кандидат искусствоведения (1970), доктор педагогических наук (1993), заслуженный работник культуры РСФСР (1982). В 1959 г. окончил художественно-графический факультет МГПИ им. В.П.Потёмкина (в 1960 г. институт вошёл в состав МГПИ им. В.И.Ленина). Работал в средних учебных заведениях Москвы, преподавал рисование, черчение и историю искусств (1960–67), НИИ художественного воспитания АПН СССР (1967–76), НИИ школ Министерства просвещения РСФСР (1976–77), МГПИ им. В.И.Ленина (с 1987 г.), в том числе профессором кафедры рисунка художественно-графического факультета. Член редколлегии журнала «Юный художник», член Союза художников СССР (с 1984 г.).

Автор научных работ по теории и истории изобразительного искусства. Тема кандидатской диссертации: «Живопись раннего периода творчества Н.К.Рериха (до 1916 г.)». Автор публикаций о творчестве Н.К.Рериха, в том числе книг «Николай Константинович Рерих» (1973), «Николай Константинович Рерих: к 100-летию со дня рождения» (1974).

Беликов Павел Фёдорович
(16 (29).07.1911, г. Нарва, Ямбургский уезд,
С.-Петерб. губ. – 15.05.1982, г. Таллин, Эстонская ССР)

Крупнейший рериховед и биограф семьи Рерихов, собравший первый и лучший архив документов о них. Писатель, поэт, автор статей и книг о творчестве и мировоззрении Рерихов.

Принимал активное участие в деятельности Русского литературного кружка в Таллине (1930-е гг.), публиковал статьи по литературоведению, изучал культуру Востока. Заведовал отделением русской книги в книготорговой

фирме «Тээкооль» (1937–40), возглавлял эстонскую республиканскую контору «Союзпечать» (1940–45), был старшим ревизором эстонского республиканского отделения «Особторга» (1946–47), главным бухгалтером центрального совета спортивного общества «Калев» (1948–55), главным бухгалтером Амблаской (1955–58) и Куусанусской (1958) машинно-тракторных станций, начальником планово-финансового отдела Эстонского управления Гидрометслужбы (1958–61), главным бухгалтером козеского отделения «Эстсельхозтехники» (1961–71).

Стоял у истоков рериховедения в СССР. Переписывался и имел личные контакты с Н.К.Рерихом (с 1936 г.), Ю.Н.Рерихом (с 1938 г.) и С.Н.Рерихом (с 1960 г.). Во время визитов С.Н.Рериха в СССР сопровождал его в поездках, выполнял функции помощника и секретаря. Был одним из организаторов празднования 100-летия со дня рождения Н.К.Рериха в СССР, всесоюзных научных конференций «Рериховские чтения» (Новосибирск, 1976, 1979). Инициатор создания комиссии по культурно-художественному наследию Н.К.Рериха, автор публикаций о творчестве Н.К.Рериха, а также книги «Рерих» (в соавторстве с В.П.Князевой, 1972), библиографии произведений Н.К.Рериха. В 1960–80-х гг. работал над книгами «Святослав Рерих: жизнь и творчество» (не завершена, издана в 2004 г.), «Рерих: опыт духовной биографии» (не завершена, издана в 1994 г.)

Богданова Ираида Михайловна
(1914, г. Троицкосавск – 7.01.2004, п. Малаховка)

Участница Центральноазиатской экспедиции Н.К.Рериха, помощница по хозяйственным работам в семье Рерихов. Вернулась в СССР вместе с Ю.Н.Рерихом и сестрой (Л.М.Богдановой) в 1957 г. После смерти Ю.Н.Рериха (1960) фактически распоряжалась рериховским наследием, оставшимся в квартире Ю.Н.Рериха. Была признана иждивенкой Ю.Н.Рериха (распоряжение зампреда Совета министров СССР А.И.Микояна №2338-р от 5 авгу-

ста 1960 г.), в связи с чем ей была установлена пенсия и выдано единовременное пособие. За Богдановыми были «пожизненно» закреплены квартира Ю.Н.Рериха в Москве и его дача. В некоторых публикациях 1970–80-х гг. она именуется как Мемориальная квартира-музей Ю.Н.Рериха. Однако квартира не имела ни государственного, ни подобного общественного статуса, а также поддержки на такое наименование от С.Н.Рериха, который неоднократно пытался оспорить владение И.М.Богдановой имуществом брата, ведя переписку и встречи с представителями государственных структур. В 1980 г. она вступила в брак с В.Ю.Васильчиком и прописала его в указанной квартире, где он стал главным распорядителем, продавал научные и культурные ценности, принадлежавшие семье Рерихов. Уполномоченные органы государственной власти неоднократно пытались описать имущество квартиры и поставить ценности, хранимые в ней, на государственный учёт. Однако И.М.Богданова и В.Ю.Васильчик не допускали специалистов в квартиру.

6 января 1988 г., в рамках подготовки к созданию государственного музея Н.К.Рериха, в письме к министру культуры СССР В.Г.Захарову С.Н.Рерих подтвердил, что всё имущество Ю.Н.Рериха, которое находилось в момент его смерти в квартире, переходит во владение государства и составит экспозицию государственного музея-квартиры Ю.Н.Рериха. Однако его воля не была реализована и в постсоветское время, коллекция картин и имущество квартиры были распроданы частным лицам.

Григорьева Ренита Андреевна
(13.07.1931, г. Москва)

Режиссёр, сценарист, кинодокументалист, актриса, писатель, общественный деятель. Дочь видного государственного деятеля СССР Нины Васильевны Поповой (1908–1994). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова (1955), режиссёрский факультет ВГИКа (1959). Работала в Центральной студии документальных фильмов — ЦСДФ (до 1963 г.), затем на киностудии име-

ни М.Горького. Большинство документальных фильмов и все игровые фильмы сняты совместно с мужем, Ю.В.Григорьевым.

Режиссёр фильмов «Дорога на фестиваль» (1958), «Сердце друга» (1966), режиссёр и автор сценариев фильмов «Праздники детства» (1981), «Говорит Москва» (1985), «Жизнь одна...» (1987), «Мальчики» (1990), автор сценариев научно-популярных фильмов «Солдаты Орловы», «Закон Вернадского» (реж. Р.П.Сергиенко), «Николай Рерих» (1976, совместно с Л.В.Шапошниковой, реж. Р.П.Сергиенко).

Стояла у истоков Рериховского движения в СССР, способствовала формированию рериховского и других фондов Государственного музея истории, литературы и культуры Алтая — ГМИЛИКА (1984, Барнаул). Председатель Елецкого международного землячества. Была дружна с В.М.Шукшиным. Написала книгу воспоминаний «На пути к Дому» (Сибирские дневники) (Барнаул, 2006).

Живкова Людмила Тодорова

(26.07.1942, с. Говедарци,

Болгарское царство — 21.07.1981, г. София, НРБ)

Историк, философ, государственный деятель. Кандидат исторических наук (1971), заслуженный деятель культуры Народной Республики Болгария — НРБ (1977). Окончила исторический факультет Софийского университета им. св. Климента Охридского (1965), изучала историю и теорию искусств в МГУ (1970). С 1965 по 1971 гг. работала в Институте балканистики Болгарской АН (БАН). С 1971 г. — первый заместитель председателя Комитета

дружбы и культурных связей с зарубежными странами НРБ, с 1972 г. — заместитель председателя Комитета по культуре и искусству (с 1977 г. в ранге министерства) НРБ. С 1975 г. и до конца жизни — председатель Комитета по культуре НРБ.

В 1980 г. вошла в состав Международного консультативного совета при правительстве Индии по вопросам создания и развития города Ауровиль. Почётный доктор Токийского университета (1979).

С 1976 г. активно сотрудничала с С.Н.Рерихом. По её инициативе и под её руководством в НРБ осуществлялись национальная программа эстетического воспитания (1975–81), национальная программа «Международная детская ассамблея “Знамя Мира”» (под патронатом генерального директора ЮНЕСКО, 1979), а также долгосрочная комплексная программа, направленная на поднятие роли искусства и культуры для гармоничного развития личности и общества в условиях зрелого социализма (1978–81). В 1978 г. стала инициатором масштабных мероприятий в НРБ по популяризации наследия семьи Рерихов. Автор публикаций в области рериховедения. Совместно с С.Н.Рерихом планировала создание центра Рерихов в Софии и участие Болгарии в возрождении гималайского института научных исследований «Урусвати» в Индии. (В связи с преждевременной смертью Л.Т.Живковой эти проекты не были реализованы.)

Казначеев Влаиль Петрович
(17.07.1924, г. Томск — 13.10.2014, г. Новосибирск)

Учёный в области медицины, биологии, экологии, автор многих открытий в этих отраслях. Организатор фундаментальной медицинской науки в Сибири и на Дальнем Востоке. Доктор медицинских наук (1963), профессор, академик РАМН (с 1971 г. академик АМН СССР), РАЕН (1992), Петровской академии наук и искусств (1992) и др.

Окончил Новосибирский государственный медицинский институт (1950), с 1950 г. работал в нём, в том числе в должности ректора (1964–71). Председатель президиума Сибирского филиала (СФ, с 1979 г. СО) АМН СССР (1970–80). В 1970–98 гг. — директор Института клинической и экспериментальной медицины (ИКЭМ) СФ АМН СССР (с 1998 г. это Научный центр клинической и экспериментальной медицины СО РАМН), в 1998–2009 гг. — советник при дирекции этого центра, председатель учёного совета Международного научно-исследовательского института космической антропоэкологии (с 1994 г.).

Под его руководством и при его непосредственном участии были созданы СФ АМН СССР (1970) и ИКЭМ СФ АМН СССР (1970), НИИ медицинских проблем Севера (1976) и НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний (1976), а также научно-исследовательская лаборатория полярной медицины СФ АМН СССР (1973).

Научные публикации В.П.Казначеева (в том числе около 40 книг) посвящены медико-биологическим аспектам адаптации человека, экологии, космической антропозологии, общей патологии, теории диагноза, медико-социальным проблемам здоровья. Среди основных публикаций — книги «Этюды к теории общей патологии» (1971), «Очерки теории и практики экологии человека» (1983), «Учение В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере» (1989), «Космическое сознание человечества. Проблемы новой космогонии» (1992). Автор публикаций в области рериховедения.

Кашкалда Вера Яковлевна
(30.05.1925, с. Прилепки, Козельщанский р-н,
Полтавская обл., УССР — 31.12.2009, г. Новосибирск)

Искусствовед, музейный деятель. Окончила искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ (1960). В 1960–96 гг. работала главным хранителем, затем старшим научным сотрудником научно-просветительского отдела Новосибирской областной картинной галереи. Участвовала в создании постоянной экспозиции произведений Н.К.Рериха (1960-е гг.), организовывала научные экспедиции в Новосибирскую область по сбору икон и предметов декоративно-прикладного искусства конца XIX — начала XX вв. (1968–84).

Автор публикаций в области рериховедения, в том числе путеводителя «Н.К.Рерих (1874–1947)» (1965), а также воспоминаний о встречах с Ю.Н.Рерихом и С.Н.Рерихом.

**Кэмпбелл-Стиббе Кэтрин [Katherine S. Campbell]
(18.04.1898 – 10.08.1996, США)**

Сотрудница Рерихов, меценат, общественный деятель. Вице-президент, позже почётный президент Музея Рериха и Общества Агни Йоги в Нью-Йорке, член консультативного совета Комитета Пакта Рериха, вице-президент Американского отделения Всемирной Лиги Культуры, директор Американо-русской культурной ассоциации (АРКА), руководитель женевского Рериховского общества «Корона Мунди», основатель Общества Рериха в Германии (совместно с Г.И.Фричи).

В 1921 (?) г. вышла замуж за Генри Кэмпбелла. В 1922 г. у них родился сын Спенсер. Генри Кэмпбелл посещал теософскую ложу. Вероятно, благодаря ему Кэтрин впервые узнала о теософских идеях.

В 18 лет Кэтрин познакомилась с Ингеборг Фричи, которая оставалась её подругой и компаньонкой до глубокой старости (ушли из жизни в один и тот же год, с разницей в несколько месяцев).

9 декабря 1924 г. в балетной студии «Мастер институт» познакомилась с С.Н.Рерихом, позировала ему для портретов и подружилась с ним. В 1929 г. Кэтрин познакомилась с Н.К.Рерихом. В 1931 г. вела делопроизводство Всемирной Лиги Культуры и вскоре стала вице-президентом американского отделения этой организации. Позднее отвечала за Книгу друзей Музея Н.К.Рериха, входила в комитет по изданию книг Живой Этики («Агни Йога Пабλικейшнс»), Комитет Пакта Рериха и Знамени Мира. С начала 1930-х гг. жертвовала деньги на издание книг Агни Йоги, Н.К.Рериха и другие мероприятия. С 1932 г. покупала и получала в дар картины Николая Константиновича.

С 1935 г., с начала конфликта и судебной тяжбы Рерихов с финансистом Л.Хоршем, активно участвовала в защите интересов Рерихов и рериховских учреждений. Совместно с другими сотрудниками Рерихов организовала комитет защиты музея, вносила средства для поддержания работы учреждений,

координировала работу с юристами и помощниками, организовывала мероприятия по защите рериховского наследия. Будучи совладельцем Картинной корпорации, Кэтрин участвовала в судебном процессе против Л.Хорша, подала против него несколько исков. В результате ей удалось выручить десятки картин Н.К.Рериха. В начале 1949 г. добилась передачи ей 106 картин Н.К.Рериха, арестованных юридическими службами США во время судебной тяжбы с Л.Хоршем.

В том же 1949 г. промышленник и коллекционер Б.Боллинг купил в Нью-Йорке здание для нового музея Рериха (319 West 107th street). Позднее Боллинг уступил здание супругу Кэтрин Кэмпбелл. В 1975 г., после смерти мужа, она передала здание в полную собственность Музея Н.Рериха.

В конце 1960-х гг. приобрела архитектурную серию картин Н.К.Рериха (42 этюда), находившуюся в художественном музее города Окленда (Калифорния).

В конце 1970-х гг. совместно с Г.И.Фричи в Женеве создала объединение «Корона Мунди», занимавшееся координацией изданий рериховской литературы и изопродукции в Европе.

В конце 1980-х гг., также совместно с Г.И.Фричи, организовала Общество Рериха в Германии (Roerich Gesellschaft Deutschland), построив для этой цели дом. Спонсировала переводы и публикации книг Агни Йоги и издание журнала «Рериховский форум».

В 1977–79, 1986 и 1991 гг. посещала СССР. Во время однодневного визита в 1979 г. (23 июля) посетила Новосибирск, где в Доме учёных Академгородка передала Обществу охраны памятников и культурных ценностей предназначавшееся для Сибири Знамя Мира, изготовленное по эскизам Н.К.Рериха. В тот же день Знамя Мира было передано восходителям на вершину Урусвати (Алтай).

В 1974 г. на 42 этюда Н.К.Рериха 1903–04 гг. (архитектурную серию) оформила дарственную в пользу СССР. В 1977 г. передала в дар Советскому Союзу картины Н.К.Рериха русской серии и гималайского цикла, коллекцию восточной бронзы, некоторые личные вещи Рерихов, а в 1978 г. — коллекцию Н.К.Рериха (22 большие картины), картины С.Н.Рериха и архивный фонд.

Эти дары стали основой постоянной экспозиции и мемориального кабинета Н.К.Рериха, а также архивного фонда «Наследие Рерихов» в Государственном музее Востока в Москве.

Ларичев Виталий Елифанович
(12.12.1932, хутор Большой Лычаг, Берёзовский р-н,
Сталинградская обл. — 2.06.2014, г. Новосибирск)

Историк, археолог, востоковед. Кандидат исторических наук (1962), доктор исторических наук (1971), академик РАЕН (1992), заслуженный деятель науки РФ (1996). Окончил восточный факультет ЛГУ (1955). С 1956 г. работал в ленинградском отделении Института истории материальной культуры, с 1962 г. — в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, затем (с 1972 г.) руководил сектором истории и археологии стран зарубежного Востока Института истории, филологии и философии СО АН СССР. С 1991 г. — главный научный сотрудник сектора археологической теории и информатики Института археологии и этнографии СО РАН.

Заместитель председателя редколлегии научно-популярной литературы СО издательства «Наука» (1979—89), редактор серийного издания востоковедческой комиссии СО РАН «История и культура Востока Азии», ответственный секретарь журналов «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук» (с 1984 г.), «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии» (1967—70, 1975—91), член редколлегии журнала «Гуманитарные науки в Сибири».

В.Е.Ларичев основал научную школу археологов-востоковедов Сибири, положил начало сибирской полевой астроархеологии. С 1953 г. работал в составе научных экспедиций в Средней Азии, Забайкалье, Хакасии, Приморье, Монголии, а также на Алеутских островах. Научные публикации В.Е.Ларичева (в том числе более 30 книг) посвящены проблемам востоковедения, археологии, первобытного искусства, астроархеологии, палеомифологии, истории и историографии науки. Среди основных публикаций — книги «Азия далёкая и таинственная» (1968), «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии»

(1969, 1972), «Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди» (1986), «Звёздные Боги: слово о великих художниках-созерцателях Неба, мудрецах и кудесниках» (1999).

Один из организаторов и участников всесоюзных научных конференций «Рериховские чтения» (Новосибирск, 1976, 1979 и др.), автор публикаций в области рериховедения, книги «Рерих и Сибирь» (при участии Е.П.Маточкина) (1993).

Маточкин Евгений Палладиевич
(4.02.1942, г. Краснокамск, Пермская обл. — 14.01.2013,
г. Новосибирск)

Физик, искусствовед. Кандидат искусствоведения (1991), доктор искусствоведения (2011), член-корреспондент РАН (2012). Окончил факультет естественных наук Новосибирского государственного университета (1964), аспирантуру Института ядерной физики СО АН СССР (Новосибирск, 1967). Работал инженером в Институте ядерной физики (1968–91). В 1960-е гг. участвовал в экспедициях по сбору икон, в частности в экспедиции Третьяковской галереи. С 1980-х гг. совершал экспедиции по Горному Алтаю с целью изучения древних петроглифов и образцов народного творчества. Работал директором Новосибирской картинной галереи (1992–94), ведущим научным сотрудником Института общей патологии и экологии человека СО РАМН (1994–98), научным редактором издательства «Агни» (Самара, 1998–2011), старшим научным сотрудником Национального музея им. А.В.Анохина (Горно-Алтайск, 1998–2011).

Основные публикации по этой теме — книги «Петроглифы Алтая» (в соавт., 1992), «Мирослав Чевалков: образы древнего Алтая» (2006), «Искусство Горного Алтая: наследие и преемственность» (2011).

В 1970–90-е гг. принимал активное участие в становлении Рериховского движения в Сибири, в частности, в организации научных конференций, создании Сибирского рериховского общества и др. В составе группы совершил юбилейное вос-

хождение на пик Н.К.Рериха на Алтае (1974), с 1975 по 1980 гг. организовал и участвовал в восхождениях на пики Катунского хребта на Алтае, которым по его инициативе были присвоены имена Рерихов: пик Урусвати (посвящён Е.И.Рерих), пик Ю.Н.Рериха, пик С.Н.Рериха. Член комиссии по культурно-художественному наследию Н.К.Рериха (1986–90).

Один из крупнейших рериховедов, автор публикаций и книг в области рериховедения с 1974 г. Его книги: «Космос Леонардо да Винчи и Николая Рериха: художественные параллели» (2002), «Пермский иконостас Николая Рериха: собрание Пермской художественной галереи (2003), «Индия Святослава Рериха» (2004), «Н.К.Рерих: поэзия старины» (2004), «Николай Рерих: мозаики, иконы, росписи, проекты церквей» (2005), «Образ Преподобного Сергия Радонежского в русском искусстве» (2006), «Образ Иисуса Христа» (2007), «Святые русской земли» (2007).

Митусова Людмила Степановна

(23.05.1910, г. Бологое – 23.04.2004, г. Санкт-Петербург)

Архивист, общественный деятель. Двоюродная племянница Е.И.Рерих, кузина Ю.Н. и С.Н. Рерихов. Окончила 102-ю Единую трудовую школу (1929), параллельно посещала техникум музыкального просвещения, училась в подготовительных классах при Академии художеств (с 1931 г.), на архитектурном факультете Академии художеств (с 1936 г.), но была отчислена в ходе «чисток»

как «дворянский элемент». Пережила ленинградскую блокаду, награждена медалью «За оборону Ленинграда». Работала преподавателем черчения в школах и училищах города вплоть до выхода на пенсию, а также библиотекарем отдела эстампов в Российской национальной (Публичной) библиотеке (вплоть до 1997 г.).

Хранительница мемориально-художественного наследия семей Рерихов, Митусовых и Голенищевых-Кутузовых. В годы блокады спасла значительную часть вещей Рерихов, архив и художественные произведения из коллекции своего отца С.С.Митусова.

Передала часть коллекции в Государственный русский музей (1956). Принимала участие в создании Музея-усадьбы Н.К.Рериха в Изваре (1984), а также в составлении рериховских фондов ГМИЛИКА (1989, Барнаул). Основательница Музея-института семьи Рерихов (2001) в Санкт-Петербурге. Поддерживала близкие отношения с Ю.Н. и С.Н. Рерихами, стояла у истоков Рериховского движения в СССР, написала книгу воспоминаний «О прожитом и судьбах близких» (издана в 2004 г.).

Окладников Алексей Павлович
(20.09 (3.10).1908, д. Константиновщина, Знаменская вол.,
Иркутская губ. – 18.11.1981, г. Москва)

Археолог, историк, этнограф. Доктор исторических наук (1947), профессор (1962), академик АН СССР (1968), почётный член ряда зарубежных академий, заслуженный деятель науки Якутской АССР (1956), РСФСР (1957), Бурятской АССР (1968), Таджикской ССР (1978), Герой Социалистического Труда (1978). Работал в Иркутском краеведческом музее (1931–38), создавал отдел первобытного искусства, в Ленинградском отделении АН СССР (1938–61), в частности возглавлял ленинградский отдел Института истории (с 1949 г.), руководил крупными археологическими экспедициями в зонах затопления Братской и Дальневосточной ГЭС (1953–55). В годы Великой Отечественной войны проводил исследования в районе реки Лены в Якутии, на полуострове Таймыр и островах Фаддея. Организатор и руководитель отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (1961–66), заведующий кафедрой всеобщей истории Новосибирского государственного университета (1962–81). Организовал и в 1966 г. возглавил Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, при котором создал Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Председатель научного совета по проблемам истории Сибири (с 1965 г.), член президиума СО АН СССР (с 1966 г.).

Стоял у истоков становления археологической науки в Сибири. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. стал первооткрывателем древних археологических памятников Средней Азии, Прибайкалья, Дальнего Востока и Монголии. Автор сотен научных работ по истории первобытной культуры, палеолитического и неолитического искусства, истории Сибири и Дальнего Востока. Среди основных публикаций: книги «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (1950–55), «Петроглифы Нижнего Амура» (1971), «Неолитические памятники Ангары» (1974), «Петроглифы Горного Алтая» (1980), «Археология Северной, Центральной и Восточной Азии» (2003). Инициатор издания и главный редактор «Истории Сибири с древнейших времён до наших дней» (в 5 т., 1968–69), один из организаторов первых «Рериховских чтений» в Новосибирске (1976), автор публикаций в области рериховедения с 1972 г.

Румянцева Ольга Владимировна
(11.04.1930, г. Ленинград)

Искусствовед, музейный и общественный деятель. Окончила Московский историко-архивный институт в 1954 г. Работала корректором в отделе издания «Гидропроекта», с 1957 по 1966 гг. (в связи со службой мужа) находилась в Белоруссии и ГДР. С начала 1967 г. работала в Государственном музее Востока, где занимала разные должности, в том числе была ответственным секретарём комиссии по культурно-художественному наследию Н.К.Рериха (с 1984 г.), с 1989 г. — секретарь Московского рериховского общества. Заслуженный работник культуры РФ (1998), лауреат Международной премии им. Николая Рериха (2010).

Один из создателей мемориального кабинета Н.К.Рериха в Государственном музее Востока, один из крупнейших рериховедов, специалист по художественному творчеству Рерихов, автор публикаций в области рериховедения и телефильмов о творчестве Рерихов. Была близко знакома с С.Н.Рерихом и Девикой Рани-Рерих, состояла с ними в переписке.

Рыбаков Ростислав Борисович
(28.03.1938, г. Москва)

Историк, крупнейший индолог нашей страны, общественный деятель. Доктор исторических наук (1991, академик РАЕН (1998), сын известного советского и российского археолога, исследователя славянской культуры и истории Древней Руси, академика РАН Б.А.Рыбакова. Окончил (1963) Институт восточных языков (с 1972 г. — Институт стран Азии и Африки МГУ). Работал в Управле-

нии по иностранному туризму при Совете министров СССР (1963–66), секретариате Всемирной организации здравоохранения в Женеве (1972–78), Институте востоковедения АН СССР (с 1991 г. — РАН) (1966–2009), в том числе в должности заместителя директора (1987–94) и директора (1994–2009), а позже — главного научного сотрудника Центра индийских исследований (с 2009 г.). В 1994–2012 гг. — президент Восточного университета (с 2010 г. — Институт стран Востока). В 1980–2010 гг. — председатель научного совета РАН по проблемам востоковедения, сопредседатель Российско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, член бюро отделения историко-филологических наук РАН, вице-президент Международного союза по азиатским и североафриканским исследованиям, президент Общества монголоведов РФ, почётный председатель международного общества «Диалог Евразии», председатель совета «Общества Рамакришны — Центра Веданты» (с 1991 г.), президент Общества востоковедов РАН (2002–04).

Академик академии гуманитарных исследований (1996), Международной академии информатизации (1999), почётный член АН Республики Абхазия (2001), президент международной ассоциации «Мир через Культуру» (1999–2009).

Среди основных публикаций — книги «Буржуазная реформация индуизма» (1981), «Религиозный фактор в социально-политическом развитии Индии (Новое и Новейшее

время) и роль индусского коммунизма» (1991), «Возвращение Махатмы Ганди» (2008), «Индия: 33 незабываемые встречи». Главный редактор многотомника «История Востока» (в 6 т., 2002–08).

Был близко знаком с С.Н.Рерихом и Девикой Рани-Рерих, состоял с ними в переписке. Входил в состав комиссии по культурно-художественному наследию Н.К.Рериха (с 1984 г.), являлся доверенным лицом С.Н.Рериха при передаче наследия Рерихов российскому народу в 1989 г. Один из организаторов и член Правления Советского фонда Рерихов (1989–90), член правления Благотворительного Фонда «Дельфис» и редколлегии журнала «Дельфис».

Сазанова Наталья Михайловна
(19.01.1932 – 17.04.2006)

Российский востоковед, индолог, филолог, историк. Окончила восточное отделение исторического факультета МГУ (1954), преподаватель Института стран Азии и Африки при МГУ (1958). Защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую драматургии основателя литературного языка хинди Бхаратенду Харишчандры (1962), доктор исторических наук (с 1984 г.), профессор кафедры индийской филологии ИСАА МГУ (с 1989 г.), стояла у истоков создания Академии Брахма во Вриндаване (Индия, 1977).

Одна из первых её книг – «Океан поэзии Сур Даса» (1973). В 1996 г. под её редакцией вышла книга «Литература Востока в Средние века».

Была близко знакома с С.Н.Рерихом и Девикой Рани-Рерих (с 1973 г.), входила в состав комиссии по культурно-художественному наследию Н.К.Рериха (с 1984 г.), была членом правления Московского общества Н.К.Рериха (с 1990 г.). В 90-е годы прошлого века возглавляла учёный совет по наследию семьи Рерихов.

Сидоров Валентин Митрофанович
(28.04.1932, пос. Семилуки, Семилукский р-н, Центральночернозёмная обл. — 16.07.1999, г. Москва)

Поэт, писатель, филолог, общественный деятель. Кандидат филологических наук (1977). Окончил философский факультет МГУ (1954). В 1968–99 гг. работал в Литературном институте им. А.М.Горького. Член Союза писателей России (с 1966 г. — Союз писателей СССР).

Среди основных сборников стихов и прозы: «Испытание любовью» (1965), «Гималайский сад» (1976), «Беловодье» (1978), «Устремление» (1986), «Избранное: проза и поэзия» (1999).

Один из крупнейших рериховедов, автор публикаций в области рериховедения. Был близко знаком с С.Н.Рерихом и Девикой Рани Рерих, состоял с ними в переписке. В 1978 г. защитил диссертацию на тему «Литературно-эстетические взгляды и поэзия Николая Рериха», входил в состав комиссии по культурно-художественному наследию Н.К.Рериха (1984). Председатель комиссии по литературному наследию Н.К.Рериха при Союзе писателей СССР (1987). Готовил к изданию книги стихов и прозы Н.К.Рериха, в частности «Письмена» (1974), книгу литературных произведений художника «Избранное» (1979). В 1989 г. выступил инициатором создания и стал руководителем всесоюзной (с 1991 г. — международной) ассоциации «Мир через Культуру», создатель общественного движения «Новая страна» (1995).

Автор книг: «На вершинах (творческая биография Н.Рериха, рассказанная им самим и его современниками)» (1977), «По маршруту Рериха» (1979), «Рукопожатие на расстоянии» (1986), «Мост над потоком» (1988), «Против течения» (1992), «Знаки Христа» (1992) и других. Его повесть «Семь дней в Гималаях», опубликованная в 1982 г. в журнале «Москва», совершила настоящий переворот в сознании советских людей, открыв им дорогу к духовным поискам.

Спирина Наталия Дмитриевна
(21.04 (05).1911, г. Харбин, Китай —
10.12.2004, г. Новосибирск)

Поэт, музыкант, педагог, общественный деятель. Окончила Высшую музыкальную школу им. А.К.Глазунова по классу фортепиано (Харбин, 1933). В 1930-е гг. — член творческого объединения «Молодая Чураевка», работавшего под руководством поэта Ачаира (А.А.Грызова). В июне 1934 г. участвовала в творческом вечере Христианского союза молодых учёных, посвящённом приезду Н.К.Рериха в Харбин.

В 1930—50-е гг. — концертмейстер, давала частные уроки игры на фортепиано; в 1950—52 гг. — библиотекарь Харбинского политехнического института; в 1952—59 гг. — преподаватель русского языка Харбинского специализированного института иностранных языков (с 1958 г. — Хэйлунцзянский университет). Репатриировала в СССР, в г. Новосибирск (1959). Работала преподавателем по классу фортепиано в детских музыкальных школах Новосибирска (1959—68).

Среди поэтических сборников: «Капли» (1990), «Перед Восходом» (1992).

Стояла у истоков Рериховского движения в СССР, автор публикаций в области рериховедения. С 1976 г. — один из организаторов и постоянных участников всесоюзных научных конференций «Рериховские чтения». Основатель и почётный председатель Сибирского рериховского общества (1991), основатель издательства СибРО (1993), главный редактор журнала «Перед Восходом» (с 2004 г. — «Восход»), один из инициаторов создания музеев Н.К.Рериха в Новосибирске и на Алтае (с. Верхний Уймон).

На доме в новосибирском Академгородке (Цветной проезд, 25), где жила Н.Д.Спирина, в 2011 году открыта мемориальная доска.

В Новосибирске действует муниципальное учреждение культуры «Культурно-просветительный центр Наталии Дмитриевны Спириной»

Паршина Эльфрида Васильевна
(27.05.1936 – (?), г. Санкт-Петербург)

Художник, искусствовед, общественный деятель. Работала художницей в секторе археологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Стояла у истоков Рериховского движения в СССР. Организатор выставки произведений Н.К.Рериха в Доме учёных новосибирского Академгородка (1973), участник и один из организаторов всесоюзных «Рериховских чтений» (Новосибирск, 1976, 1979). В 1970-е гг. — инициатор творческих вечеров, посвящённых Н.К.Рериху.

Фосдик (Лихтман) Зинаида Григорьевна
[Fosdick (Lichtmann) Sina]
(13 (25).11.1889, г. Одесса – 16.07.1983,
г. Нью-Йорк, США)

Музыкант, педагог, общественный и музейный деятель. В конце 1900-х гг. училась в Лейпциге в университете, затем в консерватории, в Берлине брала уроки музыки у Леопольда Годовского, продолжила у него обучение в Венской королевской академии музыки и сценического искусства. Концертировала как пианист в Европе. В начале 1910-х гг. переехала в США, преподавала в фортепианной

школе Л.Годовского в Нью-Йорке, позднее вместе с мужем, М.М.Лихтманом, организовала собственную фортепианную школу. Член Международной лингвистической и Национальной географической ассоциаций (США).

В декабре 1920 г. в Нью-Йорке познакомилась с Е.И. и Н.К. Рерихами (на выставке его картин). С начала 1920-х гг. занимала руководящие должности в рериховских культурных

учреждениях в США: директора Института объединённых искусств, созданного на базе её фортепианной школы, вице-президента и члена совета директоров Музея Н.Рериха в Нью-Йорке, вице-президента гималайского института научных исследований «Урусвати». Член ассоциации содействия культуре *Flamma* («Пламя»), редактор журнала *Flamma*, музыкальный педагог в международном художественном центре *Corona Mundi* («Венец Мира»).

В 1926 г. была участницей алтайского и монгольского этапов Центральноазиатской экспедиции Н.К.Рериха. С конца 1920-х гг. редактировала переводы на английский язык и готовила к изданию в США книги Учения Живой Этики, произведения Н.К.Рериха. С начала 1930-х гг. содействовала продвижению Пакта Рериха, участвовала в обсуждении проекта и церемонии подписания Пакта в 1935 г. В 1940-е гг. — исполнительный секретарь Комитета Пакта Рериха в Нью-Йорке. В 1941—42 гг. работала в Русско-американском комитете медицинской помощи СССР. В 1942—48 гг. — исполнительный директор Американо-русской культурной ассоциации.

Участвовала в воссоздании Музея Николая Рериха, стала его исполнительным директором (1949—83). Принимала участие в съёмках документального фильма «Николай Рерих» («Киевнаучфильм», 1975). Один из крупнейших рериховедов, автор публикаций в области рериховедения.

Цесюлевич Леопольд Романович
(22.08.1937, г. Рига, Латвийская Республика —
24.06.2017, г. Барнаул, Алтайский край)

Художник, публицист, общественный деятель. Заслуженный художник РФ (2006). Окончил Латвийскую Академию художеств (1961). С 1963 г. жил и работал в Барнауле. Член Союза художников России (с 1968 г. — Союз художников СССР). С 1964 г. участвовал в художественных выставках в России и других странах.

Среди его произведений: цикл картин «Янтарный край» (1970–72), «Руки творящие» (1980), триптихи «Белая гора» (1985) и «Голгофа» (2001), а также портреты Н.К.Рериха (1978, 1982, 1983, 2011), Е.И.Рерих, Ю.Н.Рериха (оба – 2012). Работы Л.Р.Цесюлевича хранятся в музейных и частных собраниях России и других стран.

В 1967 г. провёл полевые исследования в Горном Алтае, собрал воспоминания местных жителей – свидетелей пребывания Рерихов на алтайской земле (1926). Один из инициаторов создания Дома-музея Н.К.Рериха в селе Верхний Уймон на Алтае; в 1974 г. способствовал установлению на нём мемориальной доски, посвящённой пребыванию в этих местах Н.К.Рериха. Собрал коллекцию экспонатов, связанных с жизнью и деятельностью Рерихов, которая ныне составляет основу фонда Н.К.Рериха и членов его семьи в ГМИИКА (Барнаул). Перевёл с латышского на русский язык книги сотрудника Рерихов Р.Я.Рудзитиса: «Встречи с Юрием Рерихом» (2002), «Николай Рерих. Мир через Культуру» (2002) и других. Автор публикаций в области рериховедения с 1972 г.

Шапошникова Людмила Васильевна
(26.07.1926, г. Новочеркасск, Ростовская обл. –
24.08.2015, г. Москва)

Историк, востоковед, философ, писатель, общественный и музейный деятель. Кандидат исторических наук (1954), академик РАЕН (2001), заслуженный деятель искусств РФ (2002). Окончила восточное отделение исторического факультета МГУ (1950). Работала на кафедре истории Индии восточного отделения исторического факультета МГУ (1954–57). В 1957 г. была переведена в составе восточного отделения в созданный при МГУ Институт восточных языков (с 1972 г. – Институт стран Азии и Африки), доцент кафедры истории Индии (1957–85). Стажировалась в Индии, в Хайдарабадском уни-

верситете (1958–59), преподавала русский язык в Мадрасском университете (1963–65), работала в мадрасском отделении представительства Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (1970–72). Член Союза журналистов СССР (1967) и Союза писателей СССР (1977), почётный член Российской экологической академии (1998), почётный доктор Софийского университета им. св. Климента Охридского (2011), почётный доктор Монгольской АН (2011) и Киргизско-российского славянского университета (2011).

Диссертационная работа и научные публикации Л.В.Шапошниковой до 1965 г. посвящены рабочему и национально-освободительному движению в Индии. Среди основных публикаций этого периода – книга «К истории рабочего движения в Индии» (в соавт., 1961). В период с 1958 по 1972 гг. многократно выезжала в отдалённые районы Индии с целью проведения этнографических исследований; написала серию документальных повестей о своих путешествиях и племенах этой страны: «По Южной Индии» (1962), «Парава – “летучие рыбы”» (1967), «Тайна племени Голубых гор» (1969), «Годы и дни Мадраса» (1971).

Один из организаторов празднования 100-летия со дня рождения Н.К.Рериха в СССР (1974), член комиссии по культурно-художественному наследию Н.К.Рериха (1984), автор сценария (совм. с Р.А.Григорьевой) фильма «Николай Рерих» («Киевнаучфильм», 1975).

Доверенное лицо С.Н.Рериха (1989), один из организаторов и член правления Советского фонда Рерихов (СФР) (1989–90), директор Центра-музея им. Н.К.Рериха при СФР (с 1990 г.), директор общественного Музея им. Н.К.Рериха при Международном центре Рерихов (МЦР, с 1991 г.), вице-президент МЦР (с 1991 г.) и генеральный директор Музея им. Н.К.Рериха при МЦР (1998), член попечительского совета Индийского международного мемориального треста Рерихов (1993).

Автор публикаций в области рериховедения с 1974 г., в том числе, трилогии «Великое путешествие» (1998–2006), посвящённой Н.К.Рериху.

Энтин Даниил [Daniel Entin]

(27.04.1927, г. Нью-Йорк, США – 18.01.2017, г. Нью-Йорк, США)

Музейный работник, общественный деятель. Окончив университет, работал фотографом в коммерческих организациях и журналах. В начале 1970-х гг. стал сотрудничать с Музеем Николая Рериха в Нью-Йорке, вошёл в члены совета. Исполнительный директор музея (с 1983 по 2016 гг.).

Внёс значительный вклад в становление Рериховского движения в СССР и в постсоветский период. Неоднократно посещал Россию, участвовал в международных конференциях, выступал консультантом книг, фильмов, являлся членом редакционных советов журналов «Вестник Ариаварты», «Дельфис». Активно содействовал публикации материалов рериховского философского, литературного и эпистолярного наследия.

Лауреат Международной премии имени Николая Рериха (2004), автор многих публикаций в области рериховедения.

Яншин Александр Леонидович

(15(28).03.1911, г. Смоленск – 9.10.1999, г. Москва)

Геолог, общественный деятель. Доктор геолого-минералогических наук (1953), академик АН СССР (1958) и ряда зарубежных академий, Герой Социалистического Труда (1981). В 1942–44 гг. участвовал в создании многих крупных геологических учреждений, выполнял работы по обеспечению промышленности запасами ценного минерального сырья. Заместитель директора Института геологии и геофизики СО АН СССР (1958–82), заместитель академика-секретаря отделения наук о Земле (1967–68), отделения геологии, геофизики и геохимии (1969–82) АН СССР, директор

Института литосферы АН СССР (1982–89), вице-президент АН СССР (1982–88), с 1988 г. — советник при президиуме АН СССР. С 1982 г. возглавлял научный совет по проблемам биосферы при президиуме АН СССР и научный совет по изучению природных ресурсов СССР с помощью космических средств, с 1985 г. — комиссию АН СССР по разработке научного наследия В.И.Вернадского, организовал публикацию его трудов.

Среди основных публикаций — книги «Геология северного Приаралья» (1953), «Тектоническая карта Евразии» (1964), «Руды плодородия» (1985), «Фосфор и калий в природе» (в соавт., 1986).

Один из организаторов всесоюзных научных конференций «Рериховские чтения» (Новосибирск, 1976). Активно поддерживал деятельность Советского Фонда Рерихов (1989), входил в редколлегию серии «Большая рериховская библиотека» (Международный центр Рерихов, 1995–99). Под эгидой АН СССР и при участии С.Н.Рериха разрабатывал проект организации сети ноосферных станций с включением в неё долины Кулу.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. О СЕБЕ.....	7
1. Утро моего земного бытия.....	8
2. Слово о Матери... ..	11
3. Канада моими глазами, 1976 год	21
 ГЛАВА 2. МОИ УЧИТЕЛЯ.....	67
1. Встреча с З.Г.Фосдик в Москве, 1974 год	69
2. Первая конференция «Рериховские чтения», 1976 год.....	75
3. Встреча с З.Г.Фосдик в Нью-Йорке, 1978 год.....	92
4. Встреча с Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе и Гизелой Ингеборг Фричи. История передачи Знамени Мира, 1979 год	96
 ГЛАВА 3. ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ.....	109
1. Памяти Елены Ивановны Рерих. Вершина Урусвати Восхождение на Гору Жизни. 1978 год	110
2. Пик Юрия Рериха. 1981 год	125
3. Пик Святослава Рериха, 1983 год	126
4. Вершина Сердце, 1983 год.....	131
5. Вершина Беликова, 1983 год.....	133
6. Вершина Маточкина, 2013 год.....	134
 ГЛАВА 4. ПЕРВОПРОХОЖДЕНИЕ И ОТКРЫТИЕ ПЕРЕВАЛА РЕРИХА НА АЛТАЕ, 1975 ГОД.....	137
 ГЛАВА 5. ВСТРЕЧИ И ПЕРЕПИСКА СО СВЯТОСЛАВОМ РЕРИХОМ (1974–1989 гг.).....	173
 ГЛАВА 6. ПОСЛЕ РОССИИ.....	215
1. Пойдём со мной!	216
2. О торжественной церемонии инаугурации нового главы правительства в Канаде, 2015 год	225
3. От сердца к сердцу.....	229

4. Покаяние	234
5. «What is true for you is true».....	242
Послесловие.....	246

Н.А.Тоотс. Об авторе	249
----------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткий справочник биографий исследователей

Рериховского наследия, упоминаемых

в книге	253
---------------	-----

Людмила Андросова

Там, за горизонтом...

Редактор *Н.А. Тоотс*

Корректор *Т.А. Чернова*

Вёрстка: *Е.Г. Алексеева*

Подписано в печать 11.09.2017

Формат 60х90¹/₁₆.

Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательство «Дельфис»

Адрес: г. Москва, ул. Покровка, д. 3/7, стр. 1

Тел.: (495)628-06-79

E-mail: delphis@delphis.ru

Сайт: www.delphis.ru

ISBN 978-5-93366-093-4

9 785933 660934